АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

КОМЕНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома
Асмолов А.Г.
Бордовский Г.А.
Дарчия М.Д.
Загвязинский В.И.
Зуев Д.Д. — главный редактор
Кезина Л.П.
Матросов В.Л.
Неменский Б.М.
Ниорадзе В.Г.
Никандров Н.Д.
Петровский А.В.
Рябов В.В.
Сартания В.Ш.
Шадриков В.Д.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКВА

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

СОСТАВИТЕЛЬ И АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ

Чечель Ирина Дмитриевна
Доктор педагогических наук

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Караковский Владимир Абрамович
Народный учитель СССР

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

КОМЕНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА
2002

УДК 37.0
ББК 74.202
К63

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

От первого читателя:

С большим интересом и волнением знакомился я с, казалось бы, давно знакомым классиком гуманной педагогики, поражаясь глубине проникновения в духовный мир человека. Это не случайно, что, будучи великим Учителем, он шел от глубочайшей веры в высшую силу, проповедуя учение Христа, терпя за это лишения.

Что же касается его педагогической концепции, то здесь восхищает удивительное чувство меры и педагогической целесообразности: меры любви и требовательности, свободы и разумной дисциплины, самостоятельности и послушания. Вот у кого надо учиться современным любителям кидаться в крайности, поборникам суетливого авангардизма!

Народный учитель СССР
В.А.Караковский

К63 **Я.А.Коменский.** — Переиздание. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2002. — 224 с. — (Антология гуманной педагогики).
ISBN 5-89147-006-3

В этом томе «Антологии гуманной педагогики» читатель познакомится с великим Учителем, проповедником, философом — Яном Амосом Коменским. На страницах книги вы встретите мыслителя, предпринявшего попытку способствовать духовному возрождению молодого поколения. Размышления первого читателя — Народного учителя СССР В.А.Караковского помогут увидеть сегодняшнего Коменского, ощутить бессмертие его идей.

ББК 74.202

ISBN 5-89147-006-3 © Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великий чешский педагог Ян Амос Коменский (1592—1670) жил в далекие средние века. Почти четыреста лет отделяют нас от тех дней, когда творили Кампанелла и Департ, Джордано Бруно и Галилей, Френсис Бэкон и Спиноза, когда великие научные открытия существовали рядом с жаркими кострами инквизиции, сжигающими еретиков и вольнодумцев. Ян Амос Коменский был современником первых проникновении человека в тайны природы, участником крупнейших политических событий в Западной Европе XVII в.

Имя Яна Амоса Коменского обычно связывают с педагогикой, с его бессмертным произведением «Великая дидактика». У меня тоже Коменский ассоциировался с дидактическими идеями и нововведениями в образовании, пока Его Величество Случай не представил возможность подробнее познакомиться с его жизнью. Меня поразил широчайший спектр направлений его деятельности: мыслитель-гуманист и богослов, выдающийся общественный деятель и дипломат, философ, лингвист, историк. Но все-таки величие Яна Амоса Коменского в том, что он навсегда останется в памяти потомков как основоположник новой гуманистической педагогики.

В ранней юности Ян Амос Коменский принял и осознал свое предназначение — вести, учить и совершенствовать людей. До глубокой старости не изменил он себе. Его никогда не оставляло желание во всем, даже в самом плохом, стараться увидеть добро и смысл, внутренний порядок; он мечтал найти дороги к Истине, Всеобщему миру и Гармонии и повести по этим дорогам человечество.

Читатель! Я хочу, чтобы вы поняли и полюбили этого необыкновенного человека, чтобы он не просто стал вашим поводырем в лабиринтах педагогических новаций, а вошел к вам в душу как проводник идей гуманизма, как помощник в трудную минуту, когда почва уходит из-под ног, когда хочется сделать лучше, а тебя не слышат и не понимают...

1. Эпоха Яна Амоса Коменского

Конец XVI в. Европа прожила средние века с их приверженностью к авторитетам и традициям. Отшумела эпоха Возрождения, оставившая яркий след в европейской истории поисками новой культуры в первоисточнике европейской образованности — ан-

тичном мире, запомнившаяся потомкам отрицанием догм и осмысливанием нового идеала жизни. В истории XVI в. ознаменовался реформаторством: реформировалась «святая святых» — религия, освобождаясь от авторитетов церковных традиций, вводя культуру личной веры; восстанавливались права индивидуального разума в прочтении Библии. Начиная с середины XVI в. реформация принимает общеевропейский характер, становясь под знамена кальвинизма, изгонявшего всю внешнюю церковную форму богослужения, отрицавшего церковные праздники, считавшего, что спасение людей является исключительно делом Божьей милости. Кальвинизм распространяется в Швейцарии, Голландии, Франции (гугеноты), Англии (пуритане), приходит в Польшу и Чехию.

А в Чехии были еще живы учения замечательного предшественника реформации Яна Гуса (1371—1415), сожженного на костре за свою приверженность единственному источнику веры — Священному писанию. Последователи Яна Гуса (гуситы) вели активную борьбу против католицизма и поддерживаемых им феодальных порядков. Идеи кальвинизма легли на благодатную почву и нашли широкий отклик у гуситов и наиболее радикальных их последователей — таборитов. Некоторые ведущие идеи этих протестантских движений были унаследованы религиозной Общиной чешских братьев (Богемские братья, Моравские братья). Это была весьма влиятельная в Чехии религиозная секта некатолического вероисповедания, объединявшая в своих рядах широкие социальные слои верующих: здесь были ремесленники и лица духовного звания, именитые дворяне, например владельцы Угерске-Брода и господа из Куновиц, и даже самый могущественный и политически влиятельный моравский феодал и потомственный гетман Карел-старший из Жеротина. Чешские братья отрицали сословное и имущественное неравенство, проповедовали отказ от насильственной борьбы, выступали против католичества. Во времена Коменского Община чешских братьев отличалась высокой нравственной строгостью своего вероучения, организованностью и дисциплиной, целым рядом демократических начинаний в своем устройстве.

В 1618 г. начинается тридцатилетняя война чешского народа с немецкими католическими феодалами во главе с немецкими императорами из династии Габсбургов. Впоследствии в эту войну были втянуты почти все государства Европы. В Англии побеждает буржуазная революция. Бурный расцвет отмечается в Нидерландах — Амстердам становится центром передовых европейских преобразований.

Политические и экономические реформы, яростное сопротивление феодального строя в первую очередь затрагивали идеологию. Идеологическая борьба имела светский и религиозный характер, принимая самые различные формы, вовлекала широкие слои народа, захватывая в своем водовороте передовых людей того времени. Мировоззрение и взгляды философов, общест-

венных деятелей, мыслителей отражали эту яростную борьбу, а осмысление позиций вызывало новые схватки идеологического характера. Естественно, что такая незаурядная личность, как Коменский, с четко ориентированной религиозной позицией, с гуманистической идеологией и страстным желанием помочь людям, не мог остаться в стороне.

Итак, жизнь Яна Амоса Коменского протекала на фоне вступившего на порог истории XVII в., когда в Европе шло ускоренное развитие капиталистических общественных отношений, сопровождавшееся междоусобными войнами, страшным обнищанием народа. В своих трудах и проповедях, обращаясь к народу, к плебеям, Коменский осуждает господство сильных наций над слабыми. Будучи сторонником народоправия, он в своих ведущих идеях вышел далеко за рамки общественной жизни и феодализма, и капитализма. Именно поэтому гуманизм Коменского не только не утратил своего значения в наши дни, но, напротив, в момент поиска нравственных устоев, когда мы говорим о личностно-ориентированном подходе и в жизни, и в педагогике, учение Коменского становится суперактуальным. Он считал, что все люди способны к познанию и образованию, что простой народ должен получить доступ к знаниям. Коменский был уверен, что познание — процесс активный и строится на разумном природосообразном обучении.

Отвечая на злободневные для того времени вопросы, Ян Амос Коменский в своих трудах устремлялся и в будущее. Он оставил потомкам свои замечательные работы как четкий ориентир на переосмысление авторитарных позиций, искоренение самодостаточности, всезнайства и самоуверенности. Коменский всей своей сподвижнической жизнью доказал, что каждый конкретный Человек ценен для общества, государства, истории; что духовность и нравственность — это те основы, на которых строится жизненная позиция каждого Человека.

2. Жизнь и творчество Яна Амоса Коменского

Ян Амос Коменский родился в 1592 г. в Чешской Моравии в местечке Нивницы. Первые детские годы его были наполнены беззаботностью, благополучием и счастьем родительской любви. Но все очень скоро закончилось. В десять лет Ян потерял отца, через год — мать и сестер. Отец Яна Коменского был видным членом Общины чешских братьев, даже представлял ее на судебных разбирательствах. Семейная атмосфера в доме Коменских была пропитана духом идей Общины. И вполне понятно, что заботу о мальчике взяли на себя опекуны из Общины.

Вокруг гремели войны. Мятеж трансильванских и венгерских дворян против Габсбургов, антигабсбургское восстание Иштвана Бочкан в Венгерском королевстве, гнет католического придворного дворянства заставляли чешских и моравских протестантов вступать в жестокую борьбу за свои гуманистические идеи. По-

этому опекуны не могли уделять должного внимания образованию маленького Яна; несколько лет он учился урывками, живя то у родственников в Стражнице, то у опекунов в Нивнице.

В 1608 г. шестнадцатилетний Ян поступает в латинскую школу чешских братьев в Пшерове, лучшую среди братских учебных заведений. Выдающиеся способности юного Коменского, его воля и целеустремленность были сразу замечены. В 1611 г. Община посылает талантливого ученика в Герборнский университет в Германии для подготовки к проповеднической деятельности. В те годы Герборнский университет в протестантском мире пользовался отличной репутацией: прекрасная программа обучения, выдающиеся профессора.

В университетские годы большое влияние на Коменского оказал молодой, но уже широко известный, энциклопедически образованный ученый — профессор теологии И.-Ф.Альштед. Именно Альштед познакомил Коменского с трудами философов античности и эпохи Возрождения. Талантливый профессор на своих лекциях давал целостную, систематизированную, упорядоченную картину мира, в которой не оставалось места противоречиям между наукой и Библией, истиной познанной и истиной, «явленной» в Святом писании. Гармония — эта идея в учении Альштеда была созвучна душе Яна Коменского, стремившегося упорядочить противоречия между идеализмом веры и рационализмом познания.

В 1613 г., совершив небольшое путешествие по Северной Европе, Коменский решает продолжить образование на богословском факультете Гейдельбергского университета. Учеба за границей дала Яну огромное богатство впечатлений и знаний. Он изучил труды философов-мистиков, проникся идеями Джордано Бруно и Кеплера, сотрясающими своей новизной основы существующего в то время мира. Пытливый ум Яна ищет свое место в жизни, пытается внести хоть какой-то внутренний порядок в окружающую сумятицу, найти утраченный смысл жизни. Позднее он напишет: «После мучений и колебаний душой я пришел к тому заключению, что прежде всего нужно посмотреть все человеческие дела, все, что есть их под солнцем, и, сравнив разумно одно с другим, выбрать себе положение и затем привести свои дела в такой порядок, чтобы наслаждаться спокойной жизнью на свете».

Постепенно неопределенные мечты несколько упорядочились, появились перспективные и сиюминутные планы научной работы. В 1614 г. Ян Коменский возвращается из Гейдельберга домой в Пшерово.

Он становится ректором той школы, где еще недавно учился сам. В том же году Яна Амоса Коменского возводят в сан священника. И с этого момента начинается его педагогическая деятельность.

В 1618—1621 гг. Ян Коменский — учитель и проповедник в Фульнеке, а кроме того — управляющий Советом братской Общины чешского городка. В Фульнеке реализуются жизненные и

творческие планы. Коменский много времени посвящает изучению трудов гуманистов эпохи Возрождения (Т.Мора, Т.Кампанеллы, Л.Вивеса и др.); начинает задумываться о совершенствовании образовательного процесса.

Всю свою дальнейшую жизнь Ян Амос Коменский посвятил образованию и просвещению народа. К одним он обращался с кафедры проповедника, к другим — в гимназической аудитории, но чаще всего он общался с миром с помощью пера. Каждую свободную минуту Коменский посвящает своей великой мечте — созданию энциклопедии видимого мира.

Кажется, снова пришло счастье: любимая работа, уважение, наконец — молодая жена, сын.

Но тридцатилетняя война прервала спокойную жизнь. Обострение религиозных распрей обернулось жесточайшими кровопролитными сражениями между католиками и протестантами.

Католическая реакция с помощью испанского и баварского королей двинула огромные полчища на радикально-протестантскую Чехию. В 1620 г. в битве при Белой горе чешские войска не смогли устоять против превосходящих по своим силам католиков, и цветущая Чехия была отдана наемным войскам на разграбление. Австрийские императоры огнем и мечом насаждали католическое вероисповедание. Всем протестантам запрещено было пребывание на территории Чешского королевства. Мирная жизнь чешского народа прервалась, и надолго. Летом 1621 г. в Праге на Староместской площади двадцать семь руководителей протестантского движения были казнены на плахе и на виселице. Выдан ордер на арест Коменского, священника братской Общины. Чешские протестанты, преследуемые католиками, вынуждены в течение нескольких лет скрываться в горах. Мешок с рукописями и вера в будущее своего народа — вот самое ценное, что уносит с собой Коменский в лесные массивы родной Чехии.

Гонимый и затравленный, он постоянно думает о том, что бесчисленное множество его единоверцев испытывают еще большие мучения. Именно в эти дни он начинает создавать свой гениальный труд — «Дидактику». Коменский глубоко убежден, что, улучшив обучение и воспитание молодежи, передав ей духовность, нравственные устои, культурное наследие предков, он спасет следующие поколения от войн, крови, бессмысленности. Одновременно страстными проповедями он старается прибавить силы забитым и напуганным людям.

А судьба безжалостна к великому труженику. От чумы умирают жена и новорожденный сын. Германский император издает указ об изгнании протестантов из Чехии — Община чешских братьев покидает Родину, и Ян Амос Коменский навсегда становится скитальцем. Многие страны Европы посетил он, оставляя яркий след гуманистических преобразований, — Польшу, Швецию, Венгрию, Нидерланды. А пристанище нашел в польском Лешно,

где с перерывами прожил 28 лет. Новое известие и новое горе — в Фульнеке сожжены библиотека, рукописи, начатые работы.

Тем не менее Коменский постоянно сохраняет волю к жизни, старается докопаться до причин бедствий, до смысла жизни. Под сомнения попадает все, что ранее питало ум и сердце, рушатся привычные устои. Тогда, пытаясь понять мир, он создает свое скептическое философское произведение «Лабиринт света», где идет от изучения картины, всего мира в его разнообразии, к Человеку, его индивидуальной сущности, анализу его роли в обществе.

В труде обретается равновесие. В Лешно нашла пристанище и Община. Блеснул лучик личного счастья и у Коменского — в 1624 г. он обручился с Доротеей Кролловой, дочерью бывшего ректора Вифлеемской семинарии. Снова работа, работа, работа...

Коменский считает, что именно в Лешно перед ним открылась в полной ясности его ближайшая цель: он думает о формировании поколения, которое возьмет на свои плечи будущее нации; он мечтает о таком положении, которое приведет все человечество к новому миру. А для этого его нужно оснастить научным знанием. Поэтому реформировать общество следует сегодня, сейчас, а не в будущем.

И тогда пришли идеи о новой системе обучения, о разделении школ на ступени, о новом содержании образования и о «потребителях» образования. «Материнская школа» и «Развитие природных дарований» — это мудрые наставления, которые педагог пишет для своих современников.

В Лешно закончена «Великая дидактика»; здесь создаются учебники «Открытая дверь языков», «Физика», «Астрономия», которые после перевода на латинский язык — международный язык науки того времени — делают имя автора известным среди просвещенной общественности Европы.

Активная просветительская работа не отрывает Яна Коменского от школьной работы. Он на практике проверяет свои теоретические методы, наблюдает за учениками. Прогрессивные дидактические принципы, открытые Коменским, только после тщательной проверки становятся достоянием педагогов.

Ян Коменский соединяет абстрактные понятия с конкретным вещным, обучение — с действием и наглядностью и сам с радостью отмечает, что все в гимназии естественно и логично получается. Он убежден, что жизнь человек должен «тратить» не на обучение, а на «действие». Именно поэтому необходимо сначала обучить тому, как действовать в жизни. А вокруг бессмысленность и косность, вплоть до противоречия разуму в методах обучения. Современники и коллеги Коменского стараются втолкнуть свои знания в головы учеников. Они уверены, что все слова учителя ученики должны принимать за непреложную истину и заучивать наизусть. Ян Амос Коменский борется с таким безрассудным обучением.

Он мечтает о логичной и стройной системе общего образования, ведущей всех к великой цели: гармонии в человеке и гармо-

нии в отношениях между людьми. Коменский хочет всем открыть дорогу к Истине, в противном случае гармония в самом широком понимании (нация, мир) никогда не будет достигнута. В своей работе «Скорбный» он пишет, что корень человеческих бед в глупости. Коменский четко формулирует свою мысль: «Боритесь сами за то, чтобы быть образованными!» Он понял сам и хочет донести это до всех людей: в дебрях незнания всегда рождается зло.

Одновременно с педагогическими поисками Коменский начинает работу над главным трудом жизни — «Пансофией», своеобразной энциклопедией всех основных сведений о реальном мире, сочетающихся с изложением основных учений христианства.

В лондонском парламенте проповедник Джон Глауден говорит о Коменском как о творце, заложившем «прекрасный фундамент для возведения храма Истины человеческой и божественной, сверхполезного всему роду человеческому для достижения действенного познания вещей». В Париже возникает идея создания «пансофической» академии. Слава ученого намного перекрывает его «еретичество» — во Франции даже приверженцы католической веры признают это. Это уже международное признание. Впечатление, произведенное на передовые круги английской общественности «Предвестником всеобщей мудрости», было настолько велико, что английский парламент специальным постановлением пригласил Коменского в Англию для работы по осуществлению «Пансофии». Европейские ученые, понимая величайшую ценность «Пансофии», создают международную комиссию для сведения воедино всех достижений естественно-научной и технической мысли и приглашают Коменского возглавить ее. Однако начинается гражданская война в Англии и замыслу не суждено осуществиться. Не задерживаясь в Англии, Коменский направляется в Нидерланды. Тогда же состоялась знаменательная встреча Декарта и Коменского. Декарт признавал в Коменском сильный ум, идейность и благородное ревностное отношение к общественному благу, но отрицательно относился к его идее дать в одной книге всю совокупность наук, и в особенности к сочетанию истин науки с истинами откровения. Коменский же всегда считал бессмысленным полный отрыв Декарта от практики и материального мира, его полный уход в теорию, не понимал, как можно строить основы нравственности без взаимного влияния науки и жизни. Но тем не менее беседа философов оставила след в душах обоих.

В Амстердаме на Коменского обрушилась лавина интересных встреч и предложений. Ему настоятельно советуют остаться в Нидерландах — именно здесь он сможет плодотворно работать и приносить огромную пользу образованию всего мира.

Однако он склонен принять предложение шведского «короля купцов» господина Людвига де Геера реформировать шведскую образовательную систему. А шведские предприниматели, в свою очередь, обещают оказать материальную помощь Общине в Лешно.

Де Геер понимает, что Швеции нужны хорошо образованные люди, капитализм требует хорошего образования для подрастающего поколения. А еще он чувствует, что только такой великий педагог, как Коменский, способен реформировать существующую школьную систему. Надежды на помощь Швеции в деле восстановления самостоятельности Чехии побудили Коменского принять предложения шведов.

И вот у Яна Коменского есть средства для жизни, обеспечены и братья по Общине в Польше и Венгрии. Правда, болит душа о незаконченной «Пансофии», но де Геер непреклонен: нужны шведские учебники и новая шведская система образования. Позднее Коменский напишет: «Мне приказали [illegible]должить работу над дидактическими сочинениями».

Работа постоянно прерывается требованиями [illegible]ы: то его склоняют принять участие во всемирном примирении церквей, то посылают в Литву для объединения чешских братьев с польско-литовскими протестантами и кальвинистами. Долг пастора, учителя, «дипломатического представителя» чешских братьев и моравских изгнанников — присутствовать на постоянных переговорах синодов и церковных собраний. И все же педагогическая работа продолжается.

Именно в Швеции Коменский познает величайшую истину: во имя будущего всего человечества нужно стать выше проблем отдельной страны. Думая о каждом человеке этого мира, Коменский объединяет их в человечество. Гуманистические педагогические позиции выводят его на преобразование мира. Так рождается «Всеобщая мудрость», а педагогика становится уже не целью, а лишь великим средством познания.

Коменский понимает, что сначала необходимо ответить на ключевые вопросы бытия, что мудрость не является самоцелью, а призвана помочь в смягчении человеческих нравов, привести к пониманию истины и добра, научить людей стать счастливыми, исправить все человечество. И снова он трудится над «Пансофией».

А шведы торопят, де Геер недоволен — время школьных реформ уходит, осложняется усилением в Швеции антикальвинистских настроений. Коменский заканчивает подготовку шведских учебников, сам выполняет к ним иллюстрации, однако представить комплексного проекта не смог, так как опять поглощен «Пансофией». И в 1648 г. шведы принимают школьную реформу по проекту упсальского университета. А «Пансофия» разрастается, поглощая все время и силы автора. Он понимает, что близится конец войны, а после заключения мира наступит самый благоприятный момент, чтобы предложить человечеству советы по исправлению мира. Лихорадочная работа изнуряет Коменского, и опять тяжелая утрата — умирает жена.

Надежды Коменского на помощь Швеции не оправдались. По Вестфальскому миру 1648 г. Чехия была забыта и осталась во власти немецких императоров на 300 лет, вплоть до 1918 г. Тридцатилетняя война закончилась, хотя еще несколько лет Европа пережи-

вала вспышки военных конфликтов. Два года прошло до подписания в Нюрнберге в 1650 г. Вестфальского мира. Боль разочарований постигла Чехию, которая отошла австрийскому королевскому дому, а следовательно, папе Римскому. Годы утрат, скитаний и борьбы не принесли свободы и счастья чешскому народу.

Коменский возвращается в Лешно и продолжает работать: завершены и откорректированы труды по дидактике, «Справочник для учителей» и другие педагогические трактаты, создана «История Общины братской». После долгого перерыва Ян Амос Коменский вновь продолжает пасторские проповеди, а вскоре его избирают епископом Общины.

Дела Общины требуют поездки епископа в Венгрию: нужно проведать братьев-моравян, разбросанных по ее территории. Да и венгерский князь Ракоци приглашает посоветоваться о состоянии трансильванских школ. Незадолго до этого пятидесятисемилетний Ян Амос Коменский женится в третий раз. Его избранница юная Яна, дочь ректора одной из нидерландских гимназий. Сомнения в надобности поездки одолевают ученого. Но долг перед чешскими братьями заставляет Коменского принять приглашение Ракоци в надежде обрести материальную поддержку.

Коменский приезжает в Шарош-Патак, и здесь выясняется, что Ракоци ждет от ученого не только советов, но и личного его участия в реформации школ. Светские и церковные персоны, политики уговаривают Яна Амоса остаться в Венгрии. И опять «борец за все человечество» берет верх над писателем и философом. Коменский понимает, что, начав с педагогики, он сможет войти в высшие круги трансильванского общества, светского и церковного руководства, а затем можно подумать и о решении политических задач... И предложение принимается. Тем более что очень скоро, уже работая в Шарош-Патаке, Коменский понимает, что и Ракоци ожидает от него церковно-политической деятельности. А это полностью отвечает личным планам ученого.

В Шарош-Патаке он пишет «Школу всеобщей мудрости», где предлагает воспринимать школу как «мастерскую людей», где «все должны познать все», т.е. человек учится принимать мир в его универсальности. Ученика следует вести от чувственного восприятия через разумное понимание к прозрению, которое проявится затем в правильных поступках. Этим задачам отвечают и новая структура школы, и дидактические методы.

Работая в реформируемой школе, Коменский пишет дидактические пособия. Одно из них — величайший педагогический труд «Мир чувственных вещей в картинках», которое является великолепным пособием для изучения не только латыни, но и других языков, включая родной.

Именно в эти годы ученый связывает обучение с воспитанием. Увлекаясь образностью и чувственным восприятием как дидактическими методами, Коменский составляет сборник театральных учебных пьес «Школа-игра». Это нововведение встреча-

ет отпор и недоверие среди коллег. Они считают, что театральные пьески подрывают авторитет школы, ее дисциплину. И это не единственное, что вызывает отрицательную реакцию. В результате Коменский решает уехать.

Но возникает странная ситуация. Школа в Шарош-Патаке не разделяет принципов реформ Коменского и в то же время не желает его отпустить. Он пишет княгине Ракоци: «К чему мое присутствие здесь, если дело не двигается, а я терплю насмешки над своими дидактическими идеями... прошу покорнейше отпустить меня». Однако отъезд не разрешен, более того, вмешательство княгини открывает перспективу педагогического творчества без оглядки на косность и конформизм, работа в Шарош-Патаке завершается.

Решительно отвергнув предложение поработать еще и пожить в Венгрии, Коменский спешит в уже родное Лешно. И опять потеря — умирает взрослая дочь. И новые заботы — предложение Общины принять попечение над одним из приходов. Неужели ему снова придется забросить работу над «Пансофией»? Но отказать Общине невозможно.

А Европа все бурлит: украинские казаки присоединились к России и напали на Польшу, их объединенные войска вошли в Литву. У Швеции тоже появилась возможность занять польские земли. Коменский пишет трактат — проект идеального государства, а военные зори уже полыхают над Лешно. И опять скитания. Рушится почти наладившаяся мирная семейная жизнь. Едва Коменский покидает Лешно, как пожары превращают его в сплошное пепелище. Нет города, где он прожил двадцать восемь лет, но свершилось и более ужасное. Как пишет сам Коменский: «...мы потеряли все, кроме жизни. Но величайшая утрата — мои рукописи...» Сгорела вся библиотека — это жесточайший удар.

И опять поиски места для жизни. Коменский решает выбрать Нидерланды и уезжает в Амстердам, город, который он полюбил в юности и которым не переставал восхищаться всю жизнь. Сюда приехала его семья.

В 1657—1658 гг. в Амстердаме выходит в свет и сразу же получает широкую известность «Великая дидактика». Коменский так разъясняет смысл своего произведения: «Суть нашей «Дидактики» заключается в том, чтобы отыскать способ, с помощью которого учителя меньше бы учили, а ученики при этом научились бы большему; чтобы в школах не царил бы крик, чувство омерзения и тщетности усилий, но, напротив, был покой, удовлетворенность успехами, а среди христиан поубавилось бы невежества праздных споров и смятения душ, но прибавилось бы света, порядка, мира и благоденствия».

На пороге старости Коменский узнал славу и известность, слуга человечества безмерно горд своей гуманистической миссией. Грандиозные планы ученого начинают выполняться: завершается главный труд его жизни «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», ориентированный на воспитание и обра-

зование подрастающего поколения. В 1962 г. в Амстердаме были изданы первые два тома рукописи: «Панегерсия» — трактат о всеобщем побуждении и «Панавгия» — трактат о всеобщем озарении. В заключении «Панегерсии» автор призывает всех к участию в общем деле; не обещая быстрого успеха. Но лучше сделать один шаг, чем вообще не двинуться с места. «Панавгия» рассказывает о преображении просвещенного человечества. Озарение приведет человечество к всеобщей гармонии.

Первые две книги определили цель и условия достижения гармонии, а также обозначили возможные препятствия на пути к совершенству. Далее следуют три книги, раскрывающие средства достижения целей. Это, во-первых, «Пансофия» — «Всеобщая мудрость», вошедшая в стройную логику последнего труда Яна Амоса Коменского. Эту часть своей работы автору пришлось писать дважды, первый вариант сгорел в Лешно. Коменский мечтал соединить в этом труде сведения из всех научных дисциплин, но эта неподъемная задача оставалась в концепции, а ученый ограничился выработкой философии познания. Четвертая часть — «Пампедия» посвящена воспитанию («Всеобщее воспитание»), призывает людей возделывать свой разум по воле Бога, а с помощью разума заниматься самосовершенствованием, при этом будет улучшаться и окружающий мир. «Панглоттия» («Всеобщий язык») — учение Коменского об универсальном общем языке.

Шестая книга — «Панортосия» («Всеобщее исправление») — представляется основным и целостным произведением о путях исправления человечества. Она нацелена в будущее, в ней даже можно найти модели таких современных организаций, как ООН и ЮНЕСКО. Заключительный том включает послесловия и обращения к читателям, пламенный призыв к тем, кто готов работать над обновлением света. Завершается книга гимном будущему преображению. Такова логика этого фантастического по своей глобальности труда одного человека, жившего далеко не праздной жизнью.

В последние годы судьба подарила Коменскому дружбу великого Рембрандта. А превратности судьбы преподнесли еще одно испытание. В борьбе за колониальные владения назрел военный конфликт между Англией и Нидерландами. Долг Коменского, ученого, философа и дипломата, внести свою лепту в мирное решение конфликта. Он создает послание «Ангел мира» и едет на переговоры. Мир достигнут, хотя и немного перекроилась мировая политическая карта. Коменский доволен и снова возвращается к рукописям.

Остаток жизни Коменский провел в заботах и хлопотах о своих рассеянных повсюду соотечественниках. Несчастья и страдания скитальческой жизни не сломили благородства гениального наставника мира. Коменский до последних дней не прекращал работать, он верил, что к его советам прислушаются если не современники, то потомки, ибо смертен человек, а не его мысли.

15 ноября 1670 г. Ян Амос Коменский умер в Амстердаме, так и не вернувшись в родную Чехию.

МАТЕРИНСКАЯ ШКОЛА, ИЛИ О ЗАБОТЛИВОМ ВОСПИТАНИИ ЮНОШЕСТВА В ПЕРВЫЕ ШЕСТЬ ЛЕТ

(В сокращении)

Основа всего государства состоит
в правильном воспитании юношества.
Цицерон

Благочестивым христианским родителям, опекунам, наконец, всем, на кого падает какая-либо часть попечения о детях, привет!

После того как я решил напомнить всем вам, возлюбленные, о вашей обязанности, представляется необходимым предпослать три следующих положения:

I. Какие драгоценные сокровища дарует Бог тем, кому он вверяет залог к жизни.

II. С какой целью он дает это. И к каким целям нужно направлять корабль воспитания.

III. Юношество до такой степени нуждается в хорошем воспитании, что, лишившись его, должно было бы погибнуть.

Выставив эти три положения, я приступаю к своему начинанию.

Под твоим руководством, Отец, от которого именуется всякое рождение на земле и на небе, я по порядку изложу нужное вам искусство воспитания в применении к первому нежному возрасту.

ГЛАВА I

Так как дети являются драгоценнейшим даром Божиим и ни с чем не сравнимым сокровищем, то к ним нужно относиться с величайшей заботливостью

NB *Главный смысл и пафос книги Яна Коменского: дети — величайшее счастье. Сожительство двух взрослых людей — еще не семья. Ее делает ребенок, ибо именно он выражает основное природное назначение семьи — воспроизводство и развитие рода человеческого. Это нелишне напомнить нашим соотечественникам сегодня, когда вот уже десять лет продолжает падать рождаемость, растут детская смертность, социальное сиротство, родительская жестокость и другие уродливые явления нашей жизни.*

1. Что дети бесценное сокровище, об этом свидетельствует дух Божий устами Давида (Пс. 126, 3, 5) так: «Вот наследие от Господа: дети; и плод чрева — Его дар; как стрелы в руке, так юные сыновья». Ты слышишь, какими счастливыми называет он тех, кому Бог дарует детей?

2. Это видно и из того, что, желая засвидетельствовать свою высшую любовь к нам, Бог называет нас «сыновьями», как будто не зная более славного имени.

3. Чрезвычайно сильно восстает он против обычая приносить детей в жертву Молоху (Лев. 20, 2; Иер. 32, 35)[1]. Заслуживает величайшего внимания, что даже о детях идолопоклонников Бог говорит, что они рождены ему (Иез. 23, 27), давая этим понять, что дети рождаются не для нас, но для самого Бога и что к ним, как к детям Божиим, нужно относиться с величайшей заботливостью.

4. Поэтому у пророка Малахии дети называются «семенем Божиим» (Мал. 2, 17), откуда возникает потомство Бога (Деян. 17, 29).

5. По этой причине вечный сын Божий, явившийся во плоти, не только пожелал воспринять на себя природу детей, но и считал за величайшее удовольствие и наслаждение принимать детей в свои объятия как любимых маленьких братьев и сестер, ласкать их, целовать и благословлять (Марк. 10, 16).

6. И не только это. Он с угрозою воспрещал служить для детей хотя бы малейшим соблазном и повелевал их блюсти, как самого себя, предсказывал горе тому, кто соблазнит одного из малых сих (Матф. 18, 5—5).

7. Если бы кто-либо пожелал основательно обсудить, почему Бог так любит маленьких детей и так строго предписывает нам попечение о них, тот найдет для этого много причин. Во-первых, если тебе теперь дети представляются незаслуживающими внимания, то смотри не на то, каковы они теперь, а на то, каковы они должны быть по начертанию Божию. Ты увидишь в них не только происшедших от нас обитателей мира и благодетелей вселенной наместников Бога среди творений, но и наравне с нами соучастников Христу, царских жрецов, избранный народ, спутников ангелов, судей дьяволов, утешение небес, ужас ада, наследников небес во все века веков. Что можно придумать более возвышенного?

NB *Очень интересный подход: взгляд на ребенка из будущего. Родитель, воспитатель побуждается к провидению. Есть реальный ребенок, а есть ребенок, существующий в воображении любящих его взрослых. Этот, второй, и создает динамику развития первого.*

Мы очень любим ставить в пример ребенку идеальных, с нашей точки зрения, людей. Это называется воспитанием на положительном примере. Но чаще всего ребенок осознает, что предлагаемые ему образцы или недосягаемы, или просто не для него. В этом случае может возникнуть обратный эффект. Коменский подводит воспитателя к иной мысли: нужно помочь воспитаннику создать собственный положительный образ в своем представлении и постепенно двигаться к нему, сравнивая себя с будущим «Я». Чуткий педагог подмечает малейшие изменения и

горячо поощряет их. Очень важно, чтобы ребенок все время ощущал хорошее новое, что возникает в нем повседневно. Пришли дети в школу после лета — учитель непременно отметит, как они выросли, окрепли, похорошели. Написал ребенок контрольную работу — учитель отмечает прежде всего ее положительные стороны. Дополнил ученик с места ответ товарища — опять похвала. Так и будет осуществляться движение «гадкого утенка» к «прекрасному лебедю». Я знаю психологов, которые создают специальные программы на этот счет.

---

8. Блаженной памяти Филипп Меланхтон, войдя некогда в тривиальную школу и взглянув на толпу учеников, обратился к ним с такой речью: «Приветствую вас, почтенные господа пасторы, докторы, лиценциаты, суперинтенданты[2]. Привет вам, знаменитейшие, мудрейшие, славнейшие, ученейшие господа консулы, преторы, судьи, префекты, канцлеры, секретари, магистры, профессора и пр.». Когда некоторые из присутствующих встретили это смехом, он отвечал: «Я не шучу, я говорю серьезно. Ведь я вижу детей не такими, какие они теперь, но имею в виду ту цель, для которой нам дают их на воспитание (formandi), и я уверен, что из их числа выйдет несколько таких мужей, хотя среди них, быть может, примешано и несколько высевок и мякины». Смело сказал этот мудрейший муж! Так почему нам с равной уверенностью не провозгласить обо всех детях христиан те славные слова, которые только что были сказаны, если истолкователь вечных тайн Божиих, Христос, предвозвестил нам, что таковых есть царствие Божие (Марк. 10, 14).

9. Но если бы мы поразмыслили даже над настоящим положением, то и то очевидно, почему дети, бесценное благо (в глазах Бога), должны быть такими и для родителей. Прежде всего потому, что они являются еще неосквернённым, а следовательно, и невинным образом Божиим (Ион. 4, 11). Ибо, за исключением одного только первородного греха, они еще пока не осквернились никаким преступным делом, не умея различать добра от зла, правой руки от левой. Что Бог обращает внимание на это, достаточно видно из известных слов к Ионе и из других мест[3].

10. Во-вторых, они суть чистейшее, дорого купленное владение Христа, так как Христос, который пришел спасти то, что прежде погибло, называется Спасителем всех, кроме тех, кто за свое неверие и нераскаянность исключает себя от участия в этой заслуге. Итак, за детьми, которые еще не отрицают Христа, остается право на приобретение спасения, им принадлежит и Царство Небесное. Они суть те из людей, которые куплены, чтобы быть первенцами Богу и Агнцу, не осквернившись с женщинами (т.е. не запятнанные греховными пожеланиями), но следуют они за Агнцем, куда бы он ни пошел (Откр. 14, 4), а чтобы они постоянно следовали за ним, ими нужно руководить посредством святого воспитания.

11. Наконец, Бог обнимает детей с величайшей любовью потому, что они, по свидетельству Писания (Пс. 8, 3), являются

особенным орудием божественной славы: «Из уст младенцев и грудных детей Ты совершил хвалу ради врагов Твоих, чтобы разрушить врага и мстителя». Каким образом через детей возрастает слава Божия — это мы недостаточно постигаем нашим разумом; Бог, исследователь всего, знает это и понимает.

12. Что для родителей дети должны быть милее и дороже, чем золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, — это можно заключить из взаимного сравнения тех или других даров Божиих. Именно: во-первых, золото, серебро и другие такого рода предметы суть вещи неодушевленные и не что иное, как попираемый ногами прах, лишь немного более обработанный и очищенный, а дети — живые образы живого Бога.

NB ***Нередко современные супруги отсутствие детей объясняют необходимостью обеспечить вначале материальный достаток семьи. Поставив эту цель, они увлекаются накопительством и забывают о детях. Автор же убежден, что все сокровища мира не могут сравниться с высшей самоценностью ребенка. Кто вовремя не поймет этой простой истины, тот обрекает себя на одинокую старость (хотя бы и в окружении злата и серебра).***

13. Во-вторых, золото и серебро суть вещи внешние, произведенные одним словом повеления Божия, а дети — это то создание, о творении которого святейшая троица образовала особый совет и которую создал Бог своими перстами.

14. В-третьих, золото и серебро — вещи ненадежные и скоро проходящие, а дети — бессмертное наследие. Ибо хотя многие из детей умирают, однако они не обращаются в ничто и не погибают, а только переходят из смертной оболочки в бессмертное царство. Поэтому Бог возвратил Иову все его богатство и все, что он имел, вдвойне по сравнению с тем, что отнял у него прежде; лишь детей он дал столько, сколько он имел раньше (именно семь сыновей и три дочери); однако и это также было вдвойне, так как первые не погибли, но были ранее направлены к Богу.

15. В-четвертых, золото и серебро происходят из земного праха, дети — из самой нашей сущности. Следовательно, они часть нашей сущности, и их следует нам любить не меньше, чем самих себя. Поэтому в природу всех животных Бог вложил такую любовь к своим детям, что иногда за их спасение они готовы пожертвовать своею собственною жизнью. Если кто-либо такую любовь перенес бы на золото и серебро, то на суде самого Бога был бы осужден за идолопоклонство.

16. В-пятых, золото и серебро переходят от одного к другому, как бы не принадлежа никому, а являясь общим всем, а дети, по Божеской воле, являются для родителей таким неотъемлемым достоянием, что нет никого в мире, кто мог бы лишить кого-либо этого права, отнять у него это достояние. Ведь это введение исходит с небес и является неотъемлемым наследством.

17. В-шестых, хотя золото и серебро — также дары Божий, однако такие дары, которым Бог с небес не обещал охраны ангелов; мало того, большею частью сюда вмешивается сатана, чтобы этими средствами, точно петлями и силками, воспользоваться для уловления неосторожных, увлекая их, точно цепями, к алчности, гордости и расточительности. А забота о малых детях, по свидетельству самого Господа (Матф. 18, 10), всегда вверяется ангельскому попечению. Итак, у кого в доме есть дети, тот может быть уверен, что в его доме присутствуют ангелы; всякий, кто обнимает руками маленьких детей, пусть не сомневается, что обнимает ангелов. Всякий, кто покоится окруженный ночной темнотой с ребенком, может питать твердую надежду, что он вместе с детьми охраняется ангелами, чтобы не имел доступа дух тьмы. Как это значительно!

18. В-седьмых, серебро, золото и все внешнее не привлекает к нам любви Божией и не защищает нас от Божьего гнева, как дети. Ибо, любя детей, Бог из-за них иногда щадит родителей, как показывает пример ниневитян. Так как там было много детей, то Бог пощадил самих родителей, чтобы они не были поглощены землей (Ион. 4, 11).

19. В-восьмых, человеческая жизнь, по словам Господа (Лука. 12,15), состоит не в изобилии средств, так как если Бог отнимает свое благословение, то пища не питает, лекарство не излечивает, одежда не греет (Втор. 8, 21; Премудр. 16, 12 и 26), но с детьми и из-за них всегда бывает благословение, так что не бывает недостатка для их пропитания. Ибо если Бог дарует пищу детям воронов, просящих у него, то каким образом он не имел бы попечения о детях людей, о своем образе? Итак, разумно сказал д-р Лютер: «Не мы питаем наших детей, а они нас, потому что из-за них, невинных, Бог посылает необходимое, а мы, старые грешники, разделяем с ними трапезу».

20. Наконец, серебро, золото, драгоценные камни не могут научить нас ничему иному, чему учат другие творения, а именно — божественной мудрости, могуществу, благости. А дети нам даются как зерцало скромности, приветливости, доброты, согласия и других христианских добродетелей, так как сам Господь изрекает: «Если вы не обратитесь и не станете как дети, то не войдете в Царство Небесное» (Матф. 18, 3). Итак, если Бог хочет, чтобы этих детей мы имели учителями, то, по справедливости, мы полагаем, что мы должны о них заботиться.

ГЛАВА II

Для каких целей Бог дает детей и к чему следует стремиться при их воспитании

1. Если бы кому-либо пришло на мысль, почему божественному могуществу не угодно было сразу создать эти небесные жемчужины в определенном числе, сколько их оно пожелало иметь в вечность как ангелов, тот не найдет иной причины, что Бог так высоко ставит людей, что делает их как бы своими помощниками

в размножении творений. Но не для того, чтобы в этом люди получали только наслаждение, но чтобы прилагали старание к правильному их воспитанию, т.е. направляли их к вечности.

2. Люди приучают вола к пахоте, собаку к охоте, коня к верховой езде и к перевозке тяжестей, потому что они созданы для таких целей и их нельзя приспособить для других целей. Человек — более высокое создание, чем все эти животные, — должен быть приведен к самым высоким целям, чтобы своими добродетелями как можно более соответствовать Богу, образ которого он носит. Тело, конечно, как взятое из земли, есть земля, принадлежит земле и снова должно обратиться в землю. А душа, которую вдохнул Бог, — от Бога, должна остаться в Боге, подняться к Богу.

3. Поэтому родители недостаточно исполняют свой долг, если научают своих детей есть, пить, ходить, говорить, украшаться одеждами, ибо все это служит только для тела, которое не есть человек, а служит хижиной для человека. Хозяин этой хижины (разумная душа) обитает внутри; о нем и следует заботиться больше, чем о внешней этой оболочке. Следовательно, умно осмеял Плутарх тех родителей, которые желают своим детям красоты, богатства, почестей и направляют детей к этим внешним благам, совершенно не заботясь об украшении (их) души добродетелями и благочестием. О таких родителях он сказал, что они держат сапог в большем почете, чем ногу. И фиванский языческий философ Кратес сильно жалуется на безумие таких родителей в следующих выражениях, передаваемых поэтом: «Если бы мне (сказал он) позволено было кричать в различных местах, я назвал бы безумными всех вас, порочных людей, которых чрезмерно увлекает злополучное богатство. Вы собираете детям богатства, а сердце их не питаете никаким учением и не согреваете искусством».

4. Итак, преимущественное попечение должно иметь о душе как о главной части человека, чтобы она могла выйти из тела как можно лучше украшенной. А о теле нужно заботиться для того, чтобы оно стало жилищем, пригодным и достойным бессмертной души. Правильно же развитым умом следует считать тот ум, который действительно освещен блеском божественной мудрости, чтобы человек, признавая в самом себе величие божественного образа, охранял и соблюдал в себе это превосходство.

5. Есть две стороны истинной небесной мудрости (к которой человек должен стремиться и которую у него должно развивать). Первая — ясное, истинное познание Бога и всех его чудных дел. Вторая — умение осторожно и разумно управлять самим собой и всеми внешними и внутренними своими действиями, касающимися настоящей и будущей жизни.

6. Прежде всего, конечно, по отношению к будущей жизни, так как это — жизнь в собственном смысле; для нее нет ни смерти, ни смертности; тогда как настоящая жизнь есть не столько жизнь, сколько путь к жизни. Поэтому кто в этой жизни достиг того, чтобы верою и благочестием подготовить себя к будущей

жизни, о том следует думать, что он здесь сделал совершенно достаточно.

7. Тем не менее так как Бог, даруя весьма многим долголетие, заставляет со всем сталкиваться, встречаться с различными случайностями и дает добрые возможности мудро поступать, то вообще родителям нужно заботиться о том, чтобы кроме упражнения в вере и благочестии давать своим детям возможность приобретать изящные культурные навыки и обучаться свободным искусствам и всему, необходимому для жизни. Благодаря этому, наконец, дети могли бы, выросши, стать мужами, мудро управлять своими делами, и, к каким бы обязанностям жизни — церковным или политическим — Бог их ни всхотел призвать, выполнять их, и, таким образом, проведя настоящую жизнь честно и разумно, с большой радостью переселиться на небеса.

8. Словом, должна быть твердо установлена троякая цель воспитания юношества: 1) Вера и благочестие. 2) Добрые нравы. 3) Знание языков и наук. И все это в том самом порядке, в котором предлагается здесь, а не наоборот. Прежде всего нужно приучать детей к благочестию, затем — к добрым нравам или добродетелям, наконец — к более полезным наукам. Чем более, однако, они могут сделать успеха в этом последнем, тем лучше.

9. У кого в своем доме дети предаются этим трем упражнениям, у того — рай, где сеются, орошаются, зеленеют и цветут небесные растения; у того — храм святого духа, в котором он создает и совершенствует сосуды милосердия, орудия славы, чтобы в них, как в живом образе Бога, все более и более блистали лучи его могущества, мудрости и благости; как счастливы в таком раю родители!

ГЛАВА III

Юношество неизбежно нуждается в воспитании и в правильном обучении

1. Однако никто не должен думать, что юношество само по себе и без усиленного труда может быть воспитано (в благочестии, добродетелях и в науках). Если прививок, из которого должно вырасти дерево, требует, чтобы его привили, посадили, поливали, обнесли изгородью и дали ему подпорки; если материал для деревянной статуи необходимо срубить, расколоть, обскоблить, вырезать, отполировать и окрасить в различные цвета; если коня, быка, осла, мула нужно приучить к тому, чтобы они могли служить человеку; мало того, если сам человек нуждается в упражнениях, чтобы привыкнуть к еде, питью, бегань, разговору, к хватанию рукой, к работе, — каким же образом, спрашиваю я, кому-нибудь само собою может достаться обладание более высокими и более удаленными от внешних чувств качествами веры, добродетели, мудрости и знания? Как это показано в VI главе «Дидактики», это совершенно невозможно.

2. Именно поэтому Бог возложил на родителей обязанность с величайшей старательностью внедрять в самый нежный ум и ис-

кусно внушать ему относящееся к познанию Бога и страху Божию и говорить об этом детям, дома ли они, или гуляют по дороге, ложатся спать или встают (Втор. 6, 7).

3. Также и Соломон вместе с Иисусом, сыном Сираха, везде в своих книгах напоминают о том, чтобы юношество получало наставление в мудрости и не так быстро освобождалось от наставлений. Усмотрев необходимость того же самого, Давид, будучи уже царем, не стыдился представить себя в качестве учителя и воспитателя юношества. «Приступите, дети, — говорил он, — выслушайте меня, страху Божию научу вас» (Пс. 65, 16), а апостол Павел увещевает родителей воспитывать своих детей в учении и наказании Господнем (Еф. 6, 4).

4. Но так как часто родители или не способны воспитывать детей, или вследствие занятия служебными или семейными делами не имеют времени на это, а другие даже относятся к этому с пренебрежением, то, по мудрому и спасительному решению, издревле было установлено, чтобы в каждом государстве образование юношества, вместе с правом наказания, поручалось мужам мудрым, благочестивым и почтенным.

5. Их зовут педагогами, магистрами, наставниками и учителями, а места, назначенные для таких занятий, — коллегиями, гимназиями, школами (т.е. местами отдыха или литературных развлечений); этим названием указывается на то, что дело обучения и учения само по себе и по своей природе приятно и сладко и представляет собой чистую игру и забаву для духа.

6. Однако в последующие времена обучение отклонилось безмерно далеко от первоначального своего приятного характера, так что школы стали для молодежи не местом игры и наслаждения, на что указывало их название, а местом тяжелой работы и мучения, особенно в некоторых случаях, когда юношество вверялось людям глупым, совершенно чуждым благочестия и мудрости Божией, от безделья ослабевшим, низким, подававшим самый дурной пример, продававшим себя за деньги в качестве учителей и наставников. Они учили юношество не вере, благочестию и добрым нравам, но суеверию, нечестию и дурной нравственности. Будучи совершенно незнакомы с настоящим методом и желая все вдолбить силою, они страшно мучили учеников. Об этом напоминают известные старые пословицы: «Очевидно, что он на спине вынес жестокую порку», «Часто его пороли», — так как иное обучение без свирепых розг и жестоких побоев было неизвестно.

7. Хотя наши предшественники вместе с церковной реформой[4] кое-что из этого исправили, однако Бог нечто сохранил и до нашего времени, чтобы к своей славе и нашему утешению исправить это более легким, сжатым, основательным преподаванием. Об этом см. главу XII нашей «Дидактики».

8. Теперь с Божьего помощью мы приступаем к изложению формы, или идеи, этого воспитания, подлежащего применению преимущественно в первое шестилетие жизни в материнской школе.

ГЛАВА IV

В каких занятиях постепенно должны упражняться дети с самого рождения, чтобы на шестом году своей жизни они оказались усвоившими эти упражнения[5]

1. Кто не знает того, что сучья многолетнего дерева сохраняют то самое расположение друг к другу, по которому они должны были образоваться с самого возникновения. Ведь иначе не могло и быть. Кто мог бы надеяться, что у животного также разовьются когда-либо впоследствии все его члены, если оно не получило зародыша их в начале своего формирования, кто мог бы исправить какое-либо животное, если оно появится на свет хромым, слепым, неполным или увечным? Следовательно, и человек в начале образования тела и души должен быть создан таким, каким он должен быть в течение всей жизни.

2. Правда, Богу было бы легко обратить закоренелого порочного человека в честного и сделать иным. Однако по природе обыкновенно бывает так, что каким что-либо стало образовываться с самого начала, таким останется до конца и в старости приносит те же самые плоды, семена которых получило в молодости. С этим согласна и известная пословица: «Занятия молодости — наслаждение старости».

3. Поэтому родители не должны откладывать воспитание до обучения своих детей учителями и служителями церкви (так как невозможно уже выросшее кривое дерево сделать прямым и лес, повсюду усеянный терновыми кустами, превратить в огород). Они сами должны изучить способы обращения со своими сокровищами согласно с их ценностью, чтобы под их собственным руководством дети начинали возрастать в мудрости и любви у Бога и людей.

NB *Весьма важно: во-первых, надо воспитывать и обучать детей еще в дошкольном детстве; во-вторых, опаздывать с этим делом нельзя, ибо именно в этот период закладывается основа личности, основа будущих успехов ребенка. Учителя начинают не с нуля, а продолжают родительский труд, вложенный в ученика до школы.*

Всех современных родителей можно условно поделить на три группы. Первые ничего не делают для подготовки ребенка к школе. Такую позицию они нередко называют принципиальной. Дескать, пусть школа учит. Они спокойно существуют и приводят ребенка даже без предварительной записи прямо первого сентября.

Другие, напротив, очень серьезно и много занимаются с детьми перед школой. Делают все сами. Ни к каким педагогам не обращаются. Третьи — постоянно консультируются с профессионалами, а то и записывают ребенка на специальные курсы.

4. И так как мы сказали, что всякий, кто хочет жить на пользу Богу и людям, должен быть воспитан в благочестии, добрых нравах и полезных науках, то основы этих трех условий родители должны

закладывать в первом возрасте детей. Насколько это должно развиваться в этом первом шестилетии, нужно показать в отдельности.

5. Истинное и спасительное благочестие состоит в следующих трех требованиях:

I. Наше сердце, будучи всегда и везде обращено к Богу, должно искать его во всех делах.

II. Идя по стопам божественного провидения, оно всегда и везде должно относиться к Богу со страхом, любовью и послушанием.

III. Поэтому, всегда и везде помня о Боге, обращаясь к Богу и соединяясь с Богом, оно должно наслаждаться миром, радостью и утешениями.

6. Это есть истинное благочестие, приносящее человеку рай божественного наслаждения; его основы можно внедрить ребенку в пределах шести лет настолько, чтобы он знал: (1) что Бог существует; (2) везде присутствуя, взирает на всех нас; (3) тем, кто за ним следует, дарует пищу, питье, одежду и все; (4) людей строптивых и безнравственных наказывает смертью; (5) его следует бояться и всегда призывать и любить как отца; (6) нужно исполнять все то, что он повелевает; (7) если мы будем добрыми и честными, он примет нас на небо и пр. В этих пределах, говорю я, ребенка к шести годам жизни должно довести в благочестивых упражнениях.

NB *Я.А.Коменский дает стройную программу дошкольного воспитания с четким указанием задач, содержания, видов деятельности и ожидаемых результатов. Это, по существу, программа подготовки ребенка к школе. Сегодня, когда, как грибы, растут всевозможные платные курсы для дошкольников, а их авторы мудрствуют лукаво над тем, чем бы заняться с малышами, «Материнская школа» может оказать существенную помощь.*

Вместе с тем хотелось бы остеречь коллег от упрощенного переноса на дошкольников предметного преподавания, принятого в школе. Ребенок воспринимает мир целостно, и ранняя дифференциация знаний разрушает эту ценнейшую способность маленького человека. Вероятно, не стоит буквально воспринимать программу Коменского.

---

7. А что касается нравов и добрых качеств, то дети должны отличаться следующими:

NB *Хотелось бы дать несколько советов родителям.*

Во-первых, ни в коем случае нельзя запугивать ребенка школой, ориентируя на отметку как главный критерий оценки его школьной жизни. Ребенок будет бояться ошибиться, станет зажатым, возможны даже нервные срывы. Он и товарищей станет оценивать по отметкам, ибо ему внушили, что «5» и «4» получают только хорошие дети.

Во-вторых, не надо злоупотреблять учебными нагрузками, нельзя на школьный манер «заурочивать» жизнь дошкольника. Полезно приобщать детей к чтению, но читать надо сразу слогами, ни в коем случае не по буквам. «Побуквенники» потом будут страдать типичной ошибкой при письме — пропуском букв. Переучивать их трудно.

Не стоит также, не зная методики, обучать ребенка написанию букв.

Обучение математике, счету тоже требует определенных педагогических знаний. Хорошо бы посоветоваться с учителем.

Многие дети имеют дефекты речи. В младенчестве они коверкали слова, и это вызывало радостное умиление взрослых. Так и осталось.

Но вот что совершенно необходимо делать при подготовке к школе, это укреплять здоровье ребенка, развивать малые мышцы, для этого больше рисовать, лепить, рукодельничать, развивать наблюдательность и воображение, прилежание и способность к самообслуживанию.

И еще. В семье, как правило, детям позволено перебивать взрослых. Вследствие этого многие первоклассники не умеют слушать учителя, перебивают его и других. Вообще очень важно подготовить ребенка к общению с людьми, детьми и взрослыми.

---

(1) Умеренностию; их нужно научить есть и пить сообразно с требованием природы; не объедаться и не переполняться пищей и питьем сверх необходимости.
(2) Опрятностью, чтобы они научились соблюдать приличие при еде, в одежде и в попечении о теле.
(3) Почтительностью к старшим, чтобы они научились относиться с уважением к их действиям, словам и взглядам.
(4) Предупредительностью, чтобы они по знаку и слову старших готовы были немедленно выполнить все.
(5) Крайне необходимо, чтобы они научились говорить правду, чтобы все их речи были по учению Христа: что есть — то есть, чего нет — того нет. Пусть же никогда не приучают их лгать и говорить не то, что есть, серьезно или в шутку.
(6) Также нужно приучать их к справедливости, чтобы они не касались ничего чужого, не трогали, не брали тайно, не прятали и не причиняли кому-либо вреда.
(7) Нужно также внушать им благотворительность; быть приятными для других, чтобы они были щедрыми, а не скупыми и не завистливыми.
(8) Чрезвычайно полезно приучать их к труду, чтобы они привыкли избегать ленивого досуга.
(9) Их нужно приучать не только говорить, но и молчать, где это необходимо: во время молитвы или когда говорят другие.
(10) Нужно приучать их к терпению, чтобы они не думали, что все должно являться к ним по их мановению; с раннего возраста постепенно они должны приучаться обуздывать страсти.
(11) Так как деликатность (гуманность) и готовность служить старшим является особенным украшением юношества, то будет уместным, чтобы и к этому также приучались они с детства.
(12) Пусть они научатся также тому, что развивает изящество манер, чтобы к каждому проявлять деликатность, уметь приветствовать, подавать руку, наклонять колено, благодарить за одолжение и пр.

(13) А чтобы здесь не оказалось некоторого легкомыслия или грубости, они должны вместе с тем приучаться держать себя с достоинством, во всем вести себя сдержанно и скромно. Обладая такими качествами, мальчик легко, по примеру Христа, приобретет себе расположение у Бога и у людей.

8. Что касается свободных искусств, то они делятся на три разряда. Ведь мы учимся одно — знать, другое — делать, третье — говорить, или лучше — всему (знать, действовать, говорить), кроме дурного.

9. В первые шесть лет ребенок начнет познавать следующее:
(1) Относительно природных явлений в том, что касается физики[6], он узнает названия стихий: огня, воздуха, воды, земли — и научится называть дождь, снег, свинец, лед, железо и пр. К этому он присоединит названия деревьев и некоторых, более известных и более часто встречающихся трав и цветов: фиалки, карнофиллы, розы; также различия животных: что такое птица, животное, конь, корова и пр.; наконец, как называются внешние части тела, для какой цели они предназначены: уши — чтобы слушать, ноги — чтобы бегать и пр.
(2) Из оптики им будет достаточно знать, что такое тьма, что такое свет и различия некоторых более употребительных цветов, а также их названия.
(3) В астрономии — различать солнце, луну и звезды.
(4) В географии — место, где он родился и где он живет: деревню, город, крепость или замок. Что такое поле, что такое гора, луг, лес, река и пр.
(5) Ребенок схватит первые линии хронологии, если узнает, что такое час, день, неделя, месяц, год, что такое весна, лето и пр.
(6) Началом истории будет, если он может запомнить, что произошло вчера, сегодня, в прошлом году, два или три года назад; правда, это было бы по-детски, и воспоминание об этом было бы слабым и как бы туманным.
(7) Из экономики (хозяйства) ребенок должен узнать, кто относится к составу семьи и кто нет.
(8) Из политики — узнать кого-либо в государстве, консула (бюргермейстера), сенатора (члена совета) или судью (фогта); равным образом узнать о том, что граждане иногда собираются на совещания и пр.

10. Что касается деятельности, то некоторые относятся к действию искусства, касаются ума и языка, например диалектика[7], арифметика, геометрия, музыка; некоторые — к действию руки, например ручные труды и физические упражнения.
(1) Начала диалектики в первые шесть лет могут быть усвоены лишь настолько, чтобы ребенок понимал, что такое вопрос, что такое ответ, и научился на предложенный вопрос отвечать прямо, а не так, чтобы на вопрос о чесноке рассказывал о луке.
(2) Основами арифметики будет, если ребенок будет знать, что такое много или что такое мало, и будет уметь считать до 20

или до 60 и будет понимать, что такое число четное или нечетное, а также что 3 более 2; 3 и 1 = 4 и пр.
(3) Из геометрии он узнает, что значит малое или большое, короткое или длинное, узкое или широкое, тонкое или толстое. Также что называется четверть, локоть, сажень.
(4) Музыкальные умения детей будут состоять в том, чтобы спеть на память какой-нибудь стишок из псалмов или гимнов.
(5) Началом какого-либо ремесла или труда будет, если дети научатся тому, что им так свойственно: рубить, колоть, сечь, строить, располагать, связывать, развязывать, сваливать в кучу, разваливать.

11. Что касается языка, то он развивается грамматикой, риторикой и поэтикой.
(1) Грамматика для первых шести лет будет состоять в том, чтобы ребенок мог назвать столько вещей, сколько их знает, хотя бы он мог выразить это пока и с ошибками, но ясно и отчетливо, чтобы его можно было понять.
(2) Риторика детей будет состоять в том, чтобы пользоваться естественными жестами, а также в том, чтобы подражать тропам и фигурам[8], которые они слышат.
(3) Начало поэтики будет заключаться в том, чтобы заучить наизусть несколько стишков или рифм.

12. Далее, нужно обратить внимание на то, как в отдельных этих знаниях и умениях нужно с детьми идти вперед, не распределяя материала с полной точностью по годам или месяцам (как будет впоследствии в других школах), и именно по следующим причинам:
(1) Не все родители могут соблюдать в своем доме такого рода порядок, как это бывает в общественных школах, где никакие исключительные дела не будут нарушать порядка работы.
(2) В этом первом детском возрасте не все дети обладают одинаковыми способностями: некоторые дети начинают говорить на первом, а некоторые — только на втором или даже на третьем году.

13. Итак, вообще я покажу, каким образом в первые шесть лет нужно давать образование детям: (1) в понимании вещей; (2) в физических трудах и в ловкости; (3) в искусстве речи; (4) в нравах и добродетелях; (5) в благочестии; (6) так как основой всего этого являются жизнь и крепкое здоровье, то прежде всего будет указано, каким образом, при тщательном попечении родителей, можно сохранить детей здоровыми и невредимыми <...>

ГЛАВА VIII

Каким образом нужно искусно упражнять детей в развитии речи

NB *Эта глава имеет особое значение, ибо посвящена ключевой проблеме обучения и развития — одновременному и взаимообусловленному развитию разума и языка. Все школьные успехи ребенка зависят от решения этой проблемы. Материал излагается в духе классичес-*

кой логики и в сочетании с лексической культурой являет собой образец единства мысли и слова.

Современные дети живут в мощном потоке информации. Избыток информации загружает детский мозг и нередко тормозит развитие его речи: он не успевает оформить словами то, что видит и слышит. Иногда же он воспринимает информацию уже в готовых словесных штампах, что тоже препятствует собственному языковому развитию ребенка. Поэтому крайне важно, во-первых, ограждать по возможности маленького человека от лишней, ненужной, «взрослой» информации. Во-вторых, больше разговаривать с детьми, побуждая их к осознанному языковому общению, устным рассказам и сочинениям.

1. Две особенности решительно отличают человека от животных: разум и речь; разум нужен человеку для самого себя, а речь — для ближнего. Поэтому нужно прилагать одинаковую заботу к тому и другому, чтобы и ум, и язык были у человека как можно более развиты и усовершенствованы. Прибавим теперь кое-что относительно формирования речи, а именно: какое начало нужно положить изучению грамматики, риторики и поэтики, когда и каким образом.

2. У некоторых детей азы грамматики начинают сказываться с шести месяцев, но обычно — в конце первого года, когда в их языке начинают формироваться некоторые звуки или даже слоги: а, е, и, ба, ма, та и пр. Но на следующий год это обыкновенно проявляется полнее, когда дети пытаются произносить целые слова. В это время обычно им предлагают произносить некоторые легкие слова: тетя, мама, папа; так и необходимо поступать, ибо сама природа приказывает начинать с более легкого, так как детскому, впервые упражняющемуся, языку трудно произносить так, как произносим мы, взрослые: отец, мать, пища, питье и пр.

3. Однако, как только язык у детей начинает действовать лучше, вредно позволять им говорить картаво. Иначе, когда дело дойдет до изучения более важного, они вынуждены будут, наконец, говорить правильно и отучиваться от того, чему ранее научились неверно. Почему же мать, сестра, нянька не занимаются с детьми, которые уже свободно начинают говорить, и во время игр и развлечений не научат их произносить хорошо и отчетливо буквы, слоги и целые слова (однако сперва более короткие) или отдельные буквы или слоги? На этом году жизни им и нужна только такая грамматика. Эти упражнения могут продолжаться до третьего года; иногда, вследствие медленного развития некоторых детей, это необходимо и позже.

4. На четвертом, пятом, шестом году вместе с пониманием окружающего речь детей будет обогащаться; только не следует пренебрегать упражнениями, чтобы они привыкли называть своим именем все, что видят дома и чем занимаются. Поэтому нужно часто ставить вопросы: что это такое? что ты делаешь? как это называется — при этом всегда нужно обращать внимание на то, чтобы они произносили слова отчетливо. Требовать большего здесь нет необходимости, разве только не мешало бы помогать, используя развлечения. На-

пример, кто лучше и скорее произнесет какое-либо длинное слово, вроде Таратануара, Навуходоносор, константинопольцы и пр.

5. Риторика также начинается в первом году, и притом с последней своей части, с жестов. До тех пор пока разум этого юного возраста и язык скрываются в глубоких недрах, мы имеем обыкновение вводить детей в познание нас самих и в познание вещей известными жестами и внешними действиями, а именно: когда мы их поднимаем, кладем спать, показываем им что-нибудь или улыбаемся, то посредством всего этого мы показываем, чтобы они со своей стороны посмотрели на нас, засмеялись, протянули руки, взяли то, что мы им даем. Так и мы учимся понимать друг друга скорее при помощи жестов, чем при помощи речи; таким же образом нужно поступать и с глухими. Ребенок может, говорю я, тотчас, на первом и на втором году, научиться настолько, чтобы понимать, что значит веселое и печальное лицо, что значит угроза пальцем, что значит утвердительный или отрицательный кивок головой. Это и есть основа риторического действия.

6. Приблизительно на третьем году дети начнут по жестам понимать фигуральные выражения и подражать, иногда спрашивая, иногда выражая удивление, иногда умалчивая, когда что-либо рассказывают. Из учения о тропах они могут понять немного, пока занимаются тем, чтобы понять собственное значение слов. Однако же, если на пятом или на шестом году они услышат что-либо такое от своих сверстников или от нянек, они также это усвоят. Нечего беспокоиться о том, чтобы в этом возрасте они это поняли или знали, так как они будут иметь еще достаточно времени для этих высоких (украшающих) слов. Я стремлюсь только к тому, чтобы показать, что корни всех наук и искусств в любом и каждом ребенке (хотя бы мы обыкновенно этого не замечали) растут уже в нежном возрасте, и на этих основаниях строить все вполне возможно и нетрудно, лишь бы только с разумным существом мы обращались разумно.

7. Приблизительно то же самое и нужно сказать о поэзии, которая связывает речь рифмами и метрами, а именно что ее основы вытекают из начал речи: как только ребенок начинает понимать слова, то вместе с тем начинает любить также созвучие и ритмы. Поэтому, когда ребенок, упав или где-нибудь ударившись, плачет, няньки утешают его примерно такими или подобными речитативами: «Мой мальчик, мой красавчик, где ты бегал? Что принес? Если бы дитя спокойно сидело, не вернулось бы с шишкой». Это до того нравится детям, что они не только легко умолкают, но даже смеются. Обыкновенно также, хлопая у них рука об руку, поют следующее или тому подобное: «О, мой ребенок, мой мальчик, спи прекрасно, сомкни ясные твои глазки, ни о чем не заботься».

NB *Будет обидно, если мысль о ритмической организации детской познавательной деятельности останется незамеченной. А ведь, по сути дела, Я.Коменский подводит к будущему открытию Р.Штайнера — эвритмии. На этом приеме будет строиться учебная работа в вальдорфских школах.*

Эвритмия — метод, соединяющий слово, пластику, движение и музыку. Вся наша жизнь (и жизнь детей тоже) состоит из ритмов: ритм пульса, ритм дыхания, смена дня и ночи, времен года и т.д. Мы их не замечаем, но попробуйте нарушить ритмическую организацию человека, и сразу возникает дискомфорт. Вот вальдорфские учителя и решили наложить учебный материал на естественные потребности ребенка в движении. Вспомним, как маленькие дети учат игровые песенки: они обязательно при этом ритмично двигаются. Как сочиняет свои знаменитые бурчалки Винни-Пух? Шагая весело с друзьями. Стоит остановиться — дразнилка перестает звучать. В старом фильме «Я Вас любил» восьмиклассник учит «Евгения Онегина». Стихи даются ему трудно, пока он не включает записанную на магнитофоне танцевальную музыку. Текст удачно наложился на ритм, и дело пошло. Таких примеров каждый может привести много.

Дети вальдорфских школ учат язык, обучаются счету под музыку и в определенном (меняющемся) ритме. Учителя разложили учебный материал на единицы, каждой из которых придумали свой ритмический и музыкальный рисунок. Так, с одной стороны, удовлетворяется природная потребность ребенка в движении, с другой — повышается эффективность усвоения материала. Для этой цели в школе даже есть классы без мебели: палас (или ковер) на полу да фортепьяно в углу — и больше ничего. При нашей бедности такие классы и нам под силу.

Речевки, игровые песенки, считалки, бурчалки, сопровождаемые ритмическими движениями, оживят самые скучные уроки.

8. Было бы хорошо, если бы на третьем и на четвертом году количество такого рода ритмичных прибауток увеличилось. Пусть няни, играя, напевают их детям не только для того, чтобы отвлечь их от плача, но также и для того, чтобы они сохранились в их памяти и с течением времени могли быть полезными; например, на четвертом, пятом и шестом году дети расширяют знания поэзии, запоминая религиозные стихи. Об этом я напомню ниже (гл. X) среди упражнений в благочестии. Хотя бы дети теперь и не понимали, что такое ритм или стих, однако они учатся на опыте замечать некоторое различие между размеренной речью и прозой. Мало того, когда в свое время то же самое будет разъясняться в школах, им будет приятно сознавать, что они ранее уже узнали нечто подобное и теперь понимают лучше. Итак, детская поэзия состоит в том, чтобы, зная несколько размеренных стоп или стишков, дети могли понять, что такое ритм, или поэзия, и что такое простая речь. Этого достаточно о развитии речи и о том, как далеко и по каким ступеням нужно развивать ее у детей до шестилетнего возраста.

ГЛАВА IX

Каким образом нужно упражнять детей в нравственности и добродетелях

1. В IV главе я изложил, каковы те внешние достоинства, которые должно с первых лет развивать у детей. Теперь я укажу, как благоразумно и удобно это следует производить. Если бы кто-либо спросил, каким образом в столь нежном возрасте можно при-

учить детей к этим серьезным вещам, я отвечу: молодые деревца легче заставить расти так или иначе, чем взрослое дерево; таким же образом гораздо скорее можно направлять ко всему доброму юношество в первые годы его жизни, чем впоследствии, пользуясь при этом только научными средствами. Они следующие:

1) Постоянный образец добродетелей.

2) Своевременное и разумное наставление и упражнение.

3) Умеренная дисциплина.

2. Необходимо постоянно показывать детям хороший пример, так как (как мы это достаточно показали в «Великой дидактике») Бог даровал детям как бы свойство обезьян, а именно: страсть подражать всему тому, что на их глазах делают другие. Так, хотя бы ты никогда ничего не предписывал ребенку делать, только бы на глазах его что-либо говорил или делал, ты увидишь, что, подражая, он попытается делать то же; это подтверждается постоянным опытом. Поэтому в том доме, где есть дети, нужна величайшая осмотрительность, чтобы не произошло чего-либо противного добродетели, но чтобы все соблюдали умеренность, опрятность, уважение друг к другу, взаимное послушание, правдивость и пр. Если это будет происходить постоянно, то, несомненно, не нужны будут ни множество слов для наставления, ни побои для принуждения. Но так как часто сами взрослые нарушают правила нравственности, то неудивительно, что и дети также подражают тому, что видят у других, да и вообще свойственно начинать с погрешностей, и наша природа сама по себе наклонна ко злу.

3. Однако к этому свойству нужно будет присоединить своевременные и разумные наставления. Уместно будет учить детей словами тогда, когда мы видим, что примеры действуют на них недостаточно, или когда, желая подражать примеру других, они делают это недостаточно умело. Здесь-то и будет полезно дать им наставление, чтобы они вели себя так, а не иначе: вот, смотри, как делаю я, как делают отец и мать. Брось это! Стыдись! Ты не станешь прекрасным юношей, если будешь вести себя таким образом. Так поступают бродяги... и т.п. Прибегать к слишком длинным увещаниям или говорить длинные речи еще не время, да и ни к чему не приведет.

4. Чтобы дети более обращали внимание на примеры добродетелей и на увещания, иногда нужно также наказание. Есть две ступени наказания. Первая ступень — окрик на мальчика, если он в чем-либо ведет себя неприлично. Однако это нужно делать разумно, чтобы он не был потрясен и чтобы в то же время он почувствовал страх и следил за собой.

Иногда могут последовать за этим более сильное порицание и обращение к его совести с последующим увещанием и угрозой, чтобы он этого более не допускал. Если будет заметно исправление, то будет полезно немедленно или немного позже снова его похвалить. Ведь разумной похвалой и порицанием достигается многое не только у детей, но даже у взрослых. Если эта первая ступень наказания останется недействительной, тогда применяется и

другая — наказать розгами или побить рукой с той целью, чтобы ребенок опомнился и более следил бы за своим поведением.

5. Здесь я не могу воздержаться от того, чтобы не выразить сурового порицания обезьяньей или ослиной любви со стороны некоторых родителей по отношению к детям. Закрывая на все глаза, такие родители позволяют детям расти без всякой дисциплины и без всякого наказания. В таких случаях детям разрешается совершать какой угодно негодный поступок, бегать туда и сюда, кричать, вопить, без причины плакать, грубо отвечать старшим, приходить в гнев, показывать язык, позволять себе какое угодно своеволие — все это родители терпят и извиняют. «Ребенок! — говорят они. — Не нужно его раздражать. Он еще этого не понимает». Но ты сам — глупый ребенок! Если ты замечаешь у ребенка недостаток понимания, то почему не пробуждаешь его? Ведь не для того он рожден, чтобы остаться теленком или осленком, но чтобы стать разумным существом. Или ты не знаешь, что глупость связана с сердцем юноши, что она изгоняется оттуда, как говорит Писание, жезлом наказания?[9] (Притч. 25, 15). Почему ты предпочитаешь, чтобы он оставался при своей естественной глупости, а не был бы избавлен от нее с помощью своевременного святого и спасительного наказания? Не думай, что ребенок не понимает. Если он понимает, что значит предаваться своеволию и гневу, беситься, злиться, надувать губы, бранить другого и пр., то, конечно, он поймет также, что такое розга и для чего она служит. Не у ребенка не хватает здравого смысла, но у тебя, глупый человек: ты не понимаешь и не желаешь понять, что будет служить на пользу и отраду и тебе, и твоему ребенку. Ведь почему большая часть детей впоследствии становятся неуступчивыми по отношению к родителям и всячески их огорчают, если не потому, что не привыкли их уважать.

NB *Россию продолжают потрясать крайности. Похоже, что маятник становится символом наших реформ, а состояние нестабильности — типичным состоянием общества. Все уговоры отказаться от экстремизма, все заклинания о стабилизации пока остаются лишь риторикой.*

Система образования, консервативная по своей природе, наименее подвержена раскачиванию, но и в ней неспокойно. До недавнего времени абсолютное господство принадлежало коллективному воспитанию, сегодня высшей ценностью провозглашена индивидуальность. И немедленно оживились сторонники детоцентризма. Поставив ребенка в центр всей педагогической галактики, они абсолютизируют его роль в учебно-воспитательном процессе: он — субъект собственного развития, он всегда прав, для учителя он больше не может быть объектом педагогического воздействия, формировать личность — значит подчинять волю воспитателя, да здравствует саморазвитие!

На мой взгляд, можно говорить о появлении педагогического популизма под видом ненасильственной педагогики, об отказе от требований, которые обязан предъявить ученику учитель. Это может привести к отказу от активной педагогической позиции, к превращению педагога в работника сервисного обслуживания: недаром же великое

дело обучения и воспитания детей стало называться «образовательными услугами». Гримасы рынка!

В периоды колебаний и сомнений полезно обращаться к классикам. Великий гуманист Коменский вовсе не призывал к всепрощению и самотеку. Громадное уважение к ребенку органически сочеталось в его учении со столь же большой требовательностью.

---

6. Совершенно правильно сказано: кто будет расти без дисциплины, состарится без добродетелей. Ибо должно исполняться Писание, которое утверждает, что розга и наказание приносят мудрость, а своевольный ребенок покрывает свою мать стыдом (Притч. 29, 15). Поэтому-то там же божественная мудрость поучает (17): «Наказывай своего сына, и он успокоит тебя и даст наслаждение душе твоей". Если родители не повинуются этому совету, то получают от детей своих не наслаждение и покой, а позор, укоризну, огорчение и беспокойство. Часто приходится слышать от родителей такие жалобы: у меня плохие и безнравственные дети, один — безбожник, другой — расточитель, а тот — человек безрассудный. И что удивительного, мой друг, если ты жнешь то, что посеял? Ты посеял в их сердце своеволие и хочешь собрать плоды дисциплины? Это было бы похоже на чудо: дикое дерево не может приносить плоды привитого. Пока деревцо было нежным, нужно было приложить старание, чтобы оно было привито, согнуто или выпрямлено, а не вырастало бы так уродливо. Но так как весьма многие пренебрегают дисциплиной, то нет ничего удивительного, что молодежь везде вырастает своевольной, дикой, безбожной, что Бог на это гневается, а благочестивые люди огорчаются. Разумно, конечно, сказал кто-то из мудрецов, что ребенок нуждается в розге, хотя бы казался ангелом. Разве сам Илия не вел благочестивой жизни? Разве не давал благочестивых увещаний своим сыновьям (1 Цар. 2, 2)? Но так как он не прибегал к строгим наказаниям, то судьба его была печальна: своей слабостью он навлек на себя величайшую скорбь, на свой дом — Божий гнев, на весь свой род — истребление (2 Цар. 2, 29 и пр. и 3 Цар. 13, 14). Весьма верно д-р Гейлер (знаменитый страсбургский проповедник два века тому назад) такого рода родителей изобразил в следующей картине: дети рвут свои собственные волосы, режут себя ножами, а отец сидит с завязанными глазами[10].

7. До сих пор были общие соображения. Теперь о вышеуказанных добродетелях я буду говорить отдельно: как дети могут совершенствоваться в них прилично, разумно и легко.

8. Первое место должны занимать умеренность и воздержание, так как это основа здоровья и жизни и мать всех остальных добродетелей. К этому дети привыкнут, если им будут давать столько пищи, питья и позволят столько спать, сколько требует природа. Ведь остальные животные, следующие указаниям одной только природы, более воздержанны, чем мы. Таким образом, дети должны есть, пить, спать только в то время, когда их побуждает к этому природа, именно когда очевидно, что у них есть

чувство голода, жажды и потребность сна. Кормить их, поить и укладывать спать помимо их желания было бы безумным. Достаточно, если им давать все согласно с требованиями природы. Нужно обращать внимание на то, чтобы аппетит не возбуждался искусственно какими-нибудь тонкими кушаньями или лакомствами. Ведь это смазанные повозки, на которых возят больше, чем необходимо, это приманки, ведущие к обжорству. Правда, иногда нисколько не мешает предложить детям что-либо вкусное, однако давать пищу, состоящую только из лакомств, чрезвычайно вредно как для здоровья (об этом в V гл.), так и для добрых нравов.

9. Основы гигиены можно будет закладывать немедленно на первом же году жизни, ухаживать за ребенком с возможно большей опрятностью. Как это должно происходить, няньки, если они не лишены смысла, знают. На втором, третьем и следующих годах полезно учить детей, чтобы они прилично брали пищу, не пачкали жиром пальцев, не пятнали себя разбрызганной пищей, не издавали во время еды звуков (издавая по-свиному звук губами), не высовывали языка и пр. Пить дети должны без лизания, облизывания и неприличного обрызгивания себя. В одежде нужно требовать всяческой чистоты, чтобы они не волочили одежды по земле, не пачкали, особенно умышленно. Детям это свойственно еще по недостатку у них ума, а родители по какой-то глупости на все это смотрят сквозь пальцы.

10. Дети легко привыкнут почитать старших, если узнают, что старшие очень о них заботятся и внимательны к ним. Итак, если часто будешь обращаться к ребенку, будешь его обличать и наказывать, не беспокойся, он будет питать к тебе уважение. А если детям будешь позволять все, как обыкновенно делают родители, чрезмерно любящие детей, то совершенно несомненно, что дети будут жить в своеволии и упрямстве. Любить детей — дело природы, а скрывать свою любовь — дело благоразумия. Вполне правильно говорит Сирах, что необъезженный конь окажется упрямым, а избалованный сын обречен на гибель. Ласкай сына, и устрашит тебя, играй с ним, и опечалит тебя. Не смейся с ним, чтобы не пришлось тебе печалиться за него и, наконец, стиснуть зубы твои (Сир. 30, 8, 9, 10). Итак, лучше держать детей в строгости и в страхе, чем открывать им глубину своей любви и тем самым открывать им дверь к своеволию и непослушанию. Хорошо также давать и другим право порицать детей, чтобы, где бы они ни были (а не только на виду у родителей), они привыкли сдерживать себя и таким образом воспитывать в сердце своем скромность и уважение ко всем людям. Поэтому непредусмотрительно и совершенно неразумно поступают те, кто никому не позволяет даже искоса посмотреть на своих детей. А если кто-нибудь что-нибудь скажет о них или сделает им замечание, родители начинают за них вступаться даже в присутствии самих детей. Благодаря этому горячая кровь, точно оседлав коня, дает полную свободу своеволию и заносчивости. Итак, этого нужно остерегаться.

лы, а потому родители и няни должны относиться к ним с большой рассудительностью и подавлять их также в самом корне. В первом раннем возрасте это легче и гораздо полезнее сделать, чем впоследствии, когда злость пустит глубокие корни. Напрасно говорят (как это обычно у некоторых): «Он — ребенок, не понимает». Выше уже было сказано, что такие люди сами лишены разума. Справедливо, однако, что бесполезные травы мы не сразу можем вырвать, как только они начинают вырастать из земли, так как мы еще не можем правильно отличить дикие травы от посеянных и не можем выдернуть их рукой. Однако верно и то, что не следует ждать, пока они подрастут, потому что впоследствии крапива будет жечь сильнее, чертополох будет больше колоть, а полевые плоды или другие полезные травы будут заглушены и погибнут. А когда этот терновник, пустивший уже крепкие корни, вырывается силою, то часто подрываются корни у растущего рядом посева. Итак, как только ты заметишь плевелы, крапиву и терновник, тотчас вырывай. Тем успешнее будут произрастать настоящие посевы. Если ты видишь, что ребенок хочет сверх необходимости лакомиться и объедаться медом, сахаром и какими угодно фруктами, ты будь разумнее его и не позволяй этого; уведи его, займи чем-либо другим, на его плач не обращай внимания, достаточно наплакавшись, перестанет и отучится от этого на будущее время с большой для себя пользой. Равным образом, если он пожелает вести себя дерзко и нагло, не жалей его, крикни на него, накажи его физически, убери у него то, из-за чего он плачет. Таким образом, он, наконец, поймет, что нужно подчиняться твоей воле, а не стремиться к тому, что его манит. Для такого воспитательного приема двухлетний ребенок достаточно созрел; нужна, однако, осмотрительность, чтобы ребенка не раздражить и не вызвать у него гнева. Ибо в этом случае ты сам открыл бы ему дорогу для пренебрежения твоими увещаниями и твоими наказаниями.

18. Чтобы приучить детей к деятельности и услужливости, нужно весьма мало труда, так как, можно сказать, они сами по себе хватаются за все, только бы им не мешали и лишь бы их научили, как это должно делать благоразумно. Итак, отец или мать пусть постоянно поручают детям исполнять то, что они могли бы исполнить сами или через слугу: «Мой мальчик, подай мне это сюда. Подними это, положи это на скамейку. Поди, позови Ваню. Скажи, чтобы Аннушка пришла ко мне. Дай этому нищему четверть унции. Сходи к бабушке, пожелай ей от меня доброго дня и скажи, что я спрашиваю, как ее здоровье, а с возвращением поспеши» и пр.; все — сообразно с силами возраста. Кроме того, следует упражнять детей в быстроте и подвижности (расторопности), так, чтобы, когда им что-либо поручается, они, оставив игры и все остальное, исполняли это как можно скорее. Этой готовности подчиняться старшим дети должны научиться с самого юного возраста, и затем она будет служить им великим украшением.

19. Что касается вежливости (morum civilitatis), то родители могут обучить ей детей настолько, насколько сами в состоянии быть вежливыми; итак, нет необходимости здесь в специальном указании. Милым будет тот ребенок, который как в отношении к своим родителям, так и в отношении к другим ведет себя почтительно и приветливо; у некоторых это как бы прирожденное, другие должны в этом упражняться, и этим не следует пренебрегать.

20. Наконец, чтобы эта приветливость и ласковость не была неразумной, ее нужно умерять скромностью и серьезностью. Когда осел, о котором рассказывает басня[12], видя, что собачка ласкается к своему хозяину хвостом и вскакивает к нему на грудь, попытался сделать то же самое, то вместо благодарности получил удары палкой (так как эта ласка не подходила к нему, как к ослу). Эту басню можно рассказать детям, чтобы и сами они поняли, что кому идет.

21. А чтобы они знали, что прилично и что неприлично, их нужно приучать к известным жестам и движениям: как правильно сидеть, как вставать, как прилично ходить, не кривляясь, не шатаясь, не раскачиваясь; как они должны просить, если им что-либо нужно, как благодарить, когда им дают, как приветствовать, если кого-либо встречают, как сгибать колени и протягивать правую руку, если с ними заговаривают старшие, как снимать шляпу, держать спокойно руки и пр., и многое другое, что касается добрых и хороших нравов и привычек <...>

ГЛАВА XII

Каким образом родители должны готовить своих детей к школе

1. Все человеческие дела, если ими заниматься с пользой, требуют осмотрительности и должной подготовки. На это указывает Сирах (18, 18), требуя подготовки и перед молитвой, и перед судом, и перед тем, как произнести какое-либо слово, хотя бы вопрос оказался особенно ясным (33, 4). И, во всяком случае, естественно, чтобы создание, владеющее разумом, ничего не делало без обдумывания, почему это делать и какое должно или может быть следствие, если поступить так или иначе. Итак, родители должны отдавать своих детей для образования в школу обдуманно, и прежде всего сами должны подумать, что предстоит здесь делать, и открыть глаза детям, чтобы они поразмыслили о том же самом.

2. Итак, неразумно поступают те родители, которые без всякой подготовки ведут своих детей в школы, точно телят на бойню или скотину в стадо; пусть потом школьный учитель мучится с ними, терзает их, как хочет. Но еще более безумны те, кто сделали из учителя пугало, а из школы застенок и все-таки ведут туда детей. Это происходит в том случае, если родители или прислуга в присутствии детей неосторожно болтают о школьных наказаниях, о строгости учителей, о том, что больше дети не будут

играть, и т.п. «Пошлю тебя в школу, — говорят, — успокоишься, выпорют тебя, подожди только» и пр. Этим способом в детях развивается не кротость, но еще большее одичание, отчаяние и рабский страх по отношению к родителям и учителям.

3. Итак, разумные и благочестивые родители, воспитатели и попечители будут поступать так. Во-первых, когда приближается время посылать детей в школу, они будут ободрять их, точно наступает ярмарка или собирание винограда, говоря, что они пойдут в школу вместе с другими детьми и вместе с ними будут учиться и будут играть. Может также отец или мать пообещать ребенку красивую одежду, изящную шляпу, красивую дощечку для письма, книжку и что-либо подобное, а иногда и показать то, что уже приготовлено для ребенка (ко дню отправления в школу). Однако давать этого не будут (чтобы дети все более и более воспламенялись желанием), но будут только обещать, что дадут. Об этом будут говорить такими и следующими словами: «Ну, дорогой сын, усердно молись, чтобы поскорее наступило то время, будь благочестивым и послушным» и пр.

4. Хорошо будет также разъяснить детям, какое это прекрасное дело посещать школу и учиться. Ведь из таких детей выходят важные люди, начальники, доктора, проповедники слова Божия, сенаторы и пр., все выдающиеся, славные, богатые и мудрые люди, к которым остальные должны относиться с почтением. Таким образом, гораздо лучше посещать школу, чем дома томиться от безделья, или бегать по улицам, или изучать ремесло и пр. Затем учение не есть труд, но забава с книгами и пером, и гораздо приятнее сахара. А чтобы они заранее до некоторой степени познакомились с этими занятиями, не мешает дать им в руки мел, которым бы они могли рисовать на скамейках, на столе или на данной доске проводить линии, рисовать, что только хотят: чашки, кресты, круги, звездочки, лошадей, деревья и пр., передают ли они это верно или нет — неважно, лишь бы только они получали от этого удовольствие. Невозможно, чтобы это осталось без результата; ведь они таким образом легче будут привыкать чертить буквы и различать их, и вообще не следует упускать из виду ничего, что сверх того можно придумать для возбуждения в детях любви к школе.

5. Кроме того, родители должны будут внедрять детям любовь и доверие к будущим преподавателям. Этого одним способом достигнуть нельзя. Иногда нужно любовно упоминать об учителе, называя его дядей по отцу или по матери, крестным отцом, соседом и вообще расхваливая его ученость и мудрость, его любезность и доброту, указывая, что он человек выдающийся, многое знает, ласков к детям и их любит. И хотя и правда, что некоторых он наказывает, но только безнравственных и непослушных, кто заслуживает того, чтобы его наказывали, а послушных он не наказывает никогда. При всем этом он показывает, каким образом что-либо нужно писать или читать и пр. Говоря с детьми так и каким-нибудь иным подобным образом, по-детски, родители

должны устранить у детей всякий страх перед школой. Затем также нужно спрашивать: будешь ли ты послушен? Если ребенок скажет, что он будет послушен, ему нужно сказать: итак, знай наверно, что учитель тебя полюбит. А чтобы у ребенка завязалось какое-либо знакомство с его будущим учителем и чтобы он правильно понял сказанное ему и укрепился в этой надежде, мать или отец иногда (отправив его одного или со служанкой) может послать учителю какой-нибудь подарок. Тогда учитель (помня о своем долге) ласково с ним поговорит, покажет ему что-нибудь, чего тот не видел (книжку, рисунок, какой-нибудь музыкальный или математический инструмент и то, что ребенку может доставить удовольствие). Иногда также учитель что-либо подарит ребенку: дощечку для письма, флакончик чернил, маленькую монету, какой-нибудь фрукт или что-либо подобное. А чтобы учителю не было от этого ущерба, родители (ради которых это происходит) могут и должны это как-нибудь возместить или вперед что-либо послать. Таким образом, ребенок будет относиться к школе и к учителям бодро и с расположением, особенно если у него будет проявляться благородная натура. Здесь уже половину дела сделает тот, кто так хорошо начнет; ведь сама школа будет для него только забава, и дети будут делать успехи с радостью.

NB *Итак, материнская школа — это первые шесть лет жизни ребенка. Но этот срок — лишь ориентир. В зависимости от индивидуального развития дошкольника время поступления в общую школу может несколько изменяться. Важно одно: к школе надо готовить — это обязанность родителей, готовить психологически и физически, интеллектуально и эмоционально, вырабатывая у ребенка положительную мотивацию и радостное ожидание встречи с новой жизнью.*

(Актуальность проблемы подтверждает такой факт: 45% первоклассников, поступивших в школы Москвы в 1994 г., были совершенно не готовы к восприятию школьной программы.)

---

6. Однако, так как всякая мудрость от Господа и пребывает с ним от века (Сир. 1, 19), а он и руководитель к мудрости, и исправитель мудрости и в его руках мы и наши речи, равно промысл и значение (Премудр. 7, 15), то сама необходимость требует, чтобы родители снова в благочестивых молитвах вверяли своих детей Богу, прося, чтобы он благословил их школьные работы и сделал из них сосуды благодати, а если то будет угодно его милосердию, то и орудия своей славы. Так Анна с молитвами поручала своего сына Самуила жрецу Илии; так Давид поручал Соломона пророку Нафану; так мать чешского мученика, учителя Гуса, ведя его в чужую страну, несколько раз во время пути, падая с ним на колени, изливала молитвы. Церковь знает, что Бог услышал и благословил ее. Ведь каким образом Бог мог бы отвергнуть то, что ему с плачем и слезами посвящается всем сердцем и пламенно (сперва во чреве матери, после в крещении и снова теперь, при поступлении в школу)? Каким образом не принял бы он столь святой жертвы? Это невозможно.

ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА, содержащая универсальное искусство учить всех всему,

ИЛИ

верный и тщательно обдуманный способ создавать по всем общинам, городам и селам каждого христианского государства такие школы, в которых бы все юношество того и другого пола, без всякого, где бы то ни было, исключения, могло обучаться наукам, совершенствоваться в нравах, исполняться благочестия и таким образом в годы юности научиться всему, что нужно для настоящей и будущей жизни.
(В сокращении)

КРАТКО, ПРИЯТНО, ОСНОВАТЕЛЬНО,
где для всего, что предлагается,

ОСНОВАНИЯ почерпаются из самой природы вещей;
ИСТИННОСТЬ подтверждается параллельными примерами из области механических искусств;
ПОРЯДОК распределяется по годам, месяцам, дням и часам, наконец, указывается
ЛЕГКИЙ И ВЕРНЫЙ ПУТЬ для удачного осуществления этого на практике.

Цицерон. De divinatione (О прорицании):
«Какой больший и лучший дар мы можем предложить государству, как не тот, чтобы обучать и образовывать юношество, особенно при настоящих нравах и в наше время, когда юношество так испорчено, что его нужно обуздывать и сдерживать общими силами».

Диоген у Стобея, 41: Основа всякого государства в воспитании юношества.

Иог. Валент. Андрсэ. Диалог Теофила «О христианской литературе».
«Правильно руководить юношеством — это значит также создавать и преобразовывать государство. Признаваясь откровенно, здесь мне приходилось многое обдумывать, исследовать, изменять, смягчать, расходясь с обычаем, работать между надеждой и страхом. Самым разумным было здесь не слишком ослепляться авторитетом и не увлекаться своими открытиями».

Также:

«Отчаиваться в успехе — бесславно, пренебрегать чужими советами — неблагоразумно».

Руководящей основой нашей дидактики пусть будет:

исследование и открытие метода, при котором учащие меньше бы учили, учащиеся больше бы учились; в школах было бы меньше шума, одурения, напрасного труда, а больше досуга, радостей и основательного успеха, и в христианском государстве было бы меньше мрака, смятения, раздоров, а больше света, порядка, мира и спокойствия.

Псал. 66, 2—3:

«Боже, будь милостив к нам и благослови нас. Освети нас лицом твоим, дабы мы познали на земле путь твой, во всех народах спасение твое».

Польза дидактического искусства

NB *Поражает расчетливая многоадресность книги. Она нужна всем и рассчитана на всех. В этом ее главная идея: воспитание, обучение и развитие детей — дело всеобщее, оно касается всех и каждого. Интересно, что в этом перечне адресов не последнее место занимают сами учащиеся.*

Правильно построенная дидактика важна:

1. *Для родителей*, которые до сих пор большею частью были не осведомлены, чего им ждать от своих детей. Они нанимали учителей, обращались к ним с просьбами, задабривали их подарками и даже меняли их так же напрасно, как и с некоторой пользой. Но если метод воспитания доведен до безошибочной верности, то результат, на который не всегда надеются, не может с Божией помощью не воспоследовать.

2. *Для учителей*, большинство которых совершенно не знали, как надо учить, и вследствие этого, желая выполнить свой долг, мучили себя и истощали свои силы трудолюбием и старательностью; стремясь достигнуть успеха то тем, то другим способом, они меняли метод не без тягостной потери времени и трудов.

3. *Для учеников*, чтобы можно было довести их до вершин наук без трудности, скуки, окриков и побоев, а как бы играя и шутя.

4. *Для школ*, которые при правильном методе не только можно будет сохранять в цветущем состоянии, но и без конца умножать. Ведь они будут поистине местами игр, домами наслаждения и удовольствий. И тогда (вследствие непогрешимости метода) из какого УГОДНО ученика выйдет ученый (в большей или меньшей степени), никогда не будет недостатка в хороших руководителях школ, и научные занятия всегда будут процветать.

5. *Для государств* — по приведенному ранее свидетельству Цицерона. С этим согласно знаменитое выражение Диогена-пифагорейца (у Стобея): «Что составляет основу всякого государства? Воспитание юношей». Ведь никогда виноградные лозы не принесут полезного плода, если за ними не было хорошего ухода.

6. *Для церкви*, так как правильное устройство школ одно только может довести до того, чтобы у церквей не было недостатка в образованных пастырях, а у образованных пастырей — в восприимчивых слушателях.

7. Наконец, важно и *для небес*, чтобы школы были преобразованы для подлинного и универсального совершенствования духа, чтобы тем легче были освобождены от тьмы блеском божественного света те, которых не может пробудить звук божественной трубы. Ведь хотя Евангелие и проповедуется в различных местах и мы надеемся, что будет оно проповедоваться до скончания мира, однако на свете бывает так, как это обыкновенно происходит на каком-либо собрании народа, на ярмарке или в трактире или в другом шумном сборище людей: слушают не исключительно того одного, кто предлагает наилучшее, но и того, кто, встретившись с кем-либо или сидя, или стоя возле него занимает и привлекает своего соседа своей болтовней. Пусть служители слова исполняют свою обязанность с каким угодно рвением; пусть они говорят, возглашают, увещевают, заклинают, но большая часть людей их не слушает. Ведь многие посещают религиозные собрания только по какому-либо редкому случаю; другие хотя и приходят на них, однако слушают невнимательно, так как их уши и глаза закрыты и они про себя большей частью заняты другим. Наконец, допустим, что они внимательны и воспринимают смысл священных заветов, однако, несомненно, эти заветы не действуют и не влияют на них так сильно, как это должно было бы быть: косность духа и привычка к грехам притупляют у людей ум, ослепляют их, делают нечувствительными, и потому они не могут освободиться от своей спячки. Точно связанные оковами, они остаются в привычной своей слепоте и в своих грехах; следовательно, от застарелой греховности никто не может их освободить, кроме одного Бога, как сказал кто-то из отцов церкви; почти чудо, если закоренелый грешник обратится к раскаянию. Но так как в других случаях, где Бог указует средства, требовать чуда — значит искушать Бога, то нужно признать, что и здесь также дело находится в таком же положении. Поэтому будем думать, что наш долг — помышлять о средствах, которыми бы вся христианская молодежь все с большим пылом побуждалась бы к силе ума и любви к небесному. И если мы этого достигнем, то увидим, что Небесное Царство, как это было некогда, расширит свою мощь.

Итак, от столь святой цели пусть никто не отвлекает своих помышлений, своих стремлений, сил и средств. Тот, кто вызвал желание, даст и выполнение его. Подобает непрестанно просить этого от божественного милосердия в молитвах и представлять себе это в надеждах. Ведь здесь дело идет о спасении людей и славе всевышнего.

Иог. Валент. Андреэ:

«Отчаиваться в успехе — бесславно, пренебрегать чужими советами — неблагоразумно».

ПРИВЕТ ВАМ, ЧИТАТЕЛИ!

1. *Дидактикой называется* искусство обучения. В последнее время некоторые выдающиеся мужи, тронутые сизифовым трудом школ, решили взяться за дело. Но как начинания их, так и успех были различны.

NB *В отличие от большинства современных педагогов, традиционно считающих дидактику наукой, Я.А.Коменский утверждает, что дидактика — это еще и искусство, тем самым он поднимает ее над чисто рациональной сферой и ставит в ряд с великими проявлениями человеческого духа.*

Когда я думаю об искусстве дидактики, приходит на память урок В.А.Сухомлинского в Школе радости (так назывались классы подготовки дошкольников), на котором я имел счастье присутствовать. Прошу извинения у читателей за длинный отрывок, думаю, он того стоит.

Было холодное зимнее утро. Дети шли на уроки еще затемно. Кое-кто дожевывал на ходу завтрак. Было видно, что многие, разоспавшись за каникулы, вставали с трудом.

В 8 часов 30 минут утра в кабинете биологии собралось человек 25 малышей. Сели, нахохлились, как воробьи. Входит Сухомлинский, веселый, приветливый, сияющий. Чувствуется: счастливый человек пришел заниматься любимым делом.

— Здравствуйте, дети!

Дети нестройным хором ответили учителю.

Я сижу за последней партой и думаю: с чего же он начнет?

— Поздравляю вас, дети! Ведь идет Новый год. Вдруг один из малышей подает реплику:

— Вы нам неправильно говорите. Новый год уже кончился. Опять старый пошел.

Дети согласны. Учитель сияет. Он многозначительно смотрит на меня: заметил ли, оценил ли эту реплику. Вот она, детская психология. Новый год — пока елка стоит и подарки дарят. А как праздник кончился — кончился и Новый год.

— Кто же, дети, расскажет, как вы встретили новогодний праздник, был ли у вас Дед Мороз? Что он принес, что пожелал?

Дети зашевелились, ожили, сон как рукой сняло. Дав ребятишкам немного поговорить на новогоднюю тему, Василий Александрович вдруг спрашивает:

— А скажите, дети, только честно, кому сегодня из вас не хотелось идти в школу?

Я насторожился. Зачем этот вопрос? Сразу стал прикидывать, как бы на него ответили мои первоклассники. Наверное, никто бы не рискнул признаться, что с удовольствием посидел бы дома, знают, что это нехорошо. А тут один мальчишечка с места во весь голос говорит:

— Я не хотел.

— Так, — делает паузу учитель, — молодец.

И уточняет:

— Молодец, что правду сказал.

Дальше завязывается такой диалог.

— Но ведь ты все же пришел.

— Да.

— Почему же ты пришел?

— Тут интересно.

— Так! Что же тебе интересно?

— Тут рыбки есть.

Напоминаю, что урок проходил в кабинете биологии.

— Ребята! Раз Петру интересны рыбки, давайте о них поговорим.

— Давайте!

— Сколько у нас аквариумов?

— Шесть!

— И во всех есть рыбки?

— Нет! Два аквариума без рыбок. В них только трава да камни!

— Верно. Скажите, а рыбки живые?

— Живые! Они плавают!

— Хорошо! А камни на дне живые?

— Нет! Потому что они каменные!

Учитель опять бросает восторженный взгляд: каково!

— А травка в аквариуме живая?

В классе наступает некоторое замешательство, потом начинается спор. Наконец, кому-то приходит счастливая мысль:

— Если трава растет, значит, она живая. А если нет — мертвая.

И только тут я озаряюсь догадкой, что сижу на уроке сложнейшей научной темы — «Живое и неживое в природе». Но как искусно учитель подвел к этой теме малышей!

Между тем урок набирает силу. В ход пошли наглядные пособия, картинки, колосья пшеницы. Идет разговор о хлебе, о труде взрослых и детей в селе Павлыш.

Но вот учитель начинает замечать, что внимание детей ослабевает: они устали. Василий Александрович прерывает беседу:

— Ну ладно, дети, мы с вами хорошо поговорили. А теперь у меня к вам просьба; почитайте те новые стихи, которые вы выучили к Новому году. Тому, кто расскажет нам какой-нибудь стишок или басню, я книжку подарю.

Сразу потянулось несколько рук. Учитель вызвал двоих. Первая девочка прочитала стихотворение о зиме, получив в награду книжку (из серии «Твои первые книжки»), довольная села. Потом мальчик читал нечто вроде басни. Ее смысл такой: жил-был Зайчик. Он был ужасно ленивый. Надо в школу идти, а он говорит, что у него ушки болят. Тогда ему сказали: давай, дескать, отрежем тебе ушки, чтобы не болели. Зайчик подумал и сказал: «Нет. Лучше я в школу пойду».

Сухомлинский весело реагирует на басню:

— А ты, Василек, что говоришь, когда в школу идти не хочешь?

— А я говорю, что голова болит!

— Так, может, тебе ее отрезать?

Ребята и Василек дружно хохочут:

— Чем же он думать будет?

Вдруг учитель спрашивает:

— Дети! Вы, наверное, хотите отдохнуть, побегать?

— Да!!!

— Ну так бегите во двор, поиграйте. А я вас потом покличу.

Я смотрю на часы: урок длился 35—40 минут. И все это время учитель только и делал, что удовлетворял интересы и потребности детей. Никакого назидания, никакой нарочитости. Все весело и интересно.

2. Некоторые задались целью написать сокращенные руководства для более легкого преподавания только того или иного языка. Другие изыскивали более быстрые и краткие пути, чтобы скорее научить той или иной науке или тому или другому искусству. Третьи предлагали что-либо иное. Но почти все они исходили при этом из внешних наблюдений, составленных на основе более легкой практики, или, как говорят, a posteriori[1].

3. Мы решаемся обещать Великую дидактику, т.е. универсальное искусство всех учить всему. И притом *учить* с *верным успехом*; так, чтобы неуспеха последовать не могло; *учить быстро*, чтобы ни у учащих, ни у учащихся не было обременения или скуки, чтобы обучение происходило скорее с величайшим удовольствием; *учить основательно*, не поверхностно и, следовательно, не для формы, но подвигая учащихся к истинным знаниям, добрым нравам и глубокому благочестию. Наконец, все это мы выясняем a priori, т.е. из самой настоящей неизменной природы вещей, точно заставляя вытекать из живого источника неиссякающие ручейки; затем, соединяя их в одну большую реку, мы устанавливаем некоторое универсальное искусство создавать всеобщие школы.

4. Конечно, то, что мы обещаем, весьма значительно и крайне желательно. И я легко предвижу, что это кому-нибудь покажется скорее мечтаниями, чем изложением сути дела. Но кто бы ты ни был, читатель, воздержись со своим суждением, пока не узнаешь, что здесь действительного, и тогда будет возможность не только составить заключение, но и произнести его. Ведь я не желаю, не говоря уже о том, что я не стремлюсь, чтобы кто-нибудь, увлеченный нашими взглядами, выразил свое согласие с тем, что еще не исследовано; я настойчиво прошу, убеждаю, настаиваю, чтобы каждый, кто явится в качестве исследователя этого дела, выставлял свои собственные и притом более усовершенствованные взгляды (которые бы не могли быть ослаблены никакими обманчивыми мнениями).

5. Дело это поистине весьма серьезно и, с одной стороны, должно стать предметом общего желания, а с другой — его нужно взвесить общими обсуждениями и продвигать вперед общими совокупными усилиями, так как оно преследует общее благо всего человеческого рода. «Какой больший и лучший дар мы можем предложить государству, как не тот, чтобы учить и образовывать юношество, особенно при настоящих нравах и в наше время, когда юношество так испорчено, что его нужно обуздывать и сдерживать общими силами». Так говорит Цицерон. А Филипп Меланхтон пишет: «Правильно образовывать юношество — это имеет несколько большее значение, чем покорить Трою». Сюда же относится знаменитое изречение Григория Назианзина: «*Образовать человека, существо самое непостоянное и самое сложное из всех, есть искусство из искусств*».

6. Следовательно, предложить «искусство из искусств» есть дело чрезвычайной трудности и требует утонченного обсужде-

ния, и притом не одного человека, а многих людей, так как один человек никогда не бывает настолько проницательным, чтобы от его взора не ускользнуло весьма многое.

7. Итак, с полным правом я требую от моих читателей, больше того — во имя блага человеческого рода — заклинаю всех, кому дано будет познакомиться с этим трудом, во-первых, не считать безрассудством, что находится человек, принимающий решение не только взяться за столь трудное и столь великое дело, но и давать какие-либо обещания, так как они касаются чрезвычайно спасительной цели. Во-вторых, пусть читатели не приходят в отчаяние в самом начале от того, что не удастся сразу первый опыт и задуманное в наших пожеланиях дело не будет нами доведено до полного совершенства. Ведь прежде всего необходимо, чтобы родились зачатки вещей, а потом уже, чтобы они возрастали по своим ступеням. Поэтому, как бы ни было несовершенно это наше начинание и хотя бы оно еще не достигало намеченной цели, все-таки само дело покажет, что здесь достигнута высшая ступень, более близкая к цели, чем это имело место до настоящего времени. Наконец, я умоляю читателей, чтобы они приложили к делу такое внимание, старание и не только свободу суждения, но и проницательность, какие нужны для самых великих дел. Моим долгом является указать в немногих словах повод к своему начинанию и в самой простой форме изложить отдельные главные пункты нового начинания, а затем уже одно с полным доверием предоставить благосклонному суждению, а другое — дальнейшему исследованию всех правильно мыслящих людей.

8. *Это искусство учить и учиться* на той ступени совершенства, до которой оно, по-видимому, стремится теперь подняться, в значительной мере было неизвестно предшествующим векам, и таким образом учебные занятия и школы были полны трудов и гнета колебаний, и самообманов, ошибок и заблуждений, так что более основательного образования могли достигнуть лишь те, кто отличался необычайными дарованиями <...>

ДИДАКТИКА

ГЛАВА I

Человек есть самое высшее, самое совершенное и превосходнейшее творение

Думали, что изречение «познай самого себя» упало с неба.

1. Когда некогда Питтак провозгласил свое знаменитое изречение «познай самого себя», то оно было встречено мудрецами с таким одобрением, что они, желая увековечить его в народе, утверждали, будто оно упало с неба, и велели начертать его золотыми буквами на храме Аполлона Дельфийского, куда стекалось множество людей. Последнее разумно и благочестиво, а первое, конечно, выдумано, но в общем правдоподобно; это нам ясно более, чем им.

И, однако, поистине оно упало с неба.

2. Ведь разве раздающийся в Писании голос не значит «познай, о человек, меня, и ты познаешь себя». Меня — источник вечности, мудрости и блаженства, себя — мое творение, мой образ, мое наслаждение.

Возвышенность человеческой природы.

3. Ибо тебя я предназначил быть моим соучастником в вечности; на твою пользу я создал небо и землю и все, что содержится в них; тебе одному совокупно вручил то, что остальным творениям в отдельности: бытие, жизнь, чувство и разум. Тебя я поставил над делами моих рук, все положил под твои ноги, овец и волов и полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, и таким образом славою и честью увенчал я тебя (Пс. 8, 5—9). Наконец, чтобы не было у тебя недостатка ни в чем, я сам явился к тебе, соединившись сущностью своей с тобой, соединяя мою природу с твоей на вечность, как не выпадало это на долю никакой иной твари, видимой и невидимой. Ибо, неужели какое-либо создание на небе или на земле может похвалиться тем, что Бог явился во плоти, показал себя ангелам (1 Тим. 3, 16), конечно, не для того, чтобы они видели только и с изумлением созерцали того, кого видеть желали (1 Петр. 1, 12), но чтобы поклонялись Богу, явившемуся во плоти, т.е. сыну Божию и сыну человеческому (Евр. 1, 6; Иоанн. 1, 52; Матф. 4, 11). Итак, пойми, что ты полное завершение моих творений, удивительный микрокосм и наместник Бога среди моих творений, венец моей славы.

Она должна быть поставлена пред очами всех людей.

4. О, если бы все это было начертано не на дверях храмов, не на заглавных листах книг, наконец, не на устах, не в ушах и очах всех людей, а в их сердцах! Именно к этому должно стремиться всем, кто несет обязанность образовывать людей, чтобы они, помня об этом достоинстве и своем превосходстве, научили всех жить и направляли все средства к тому, чтобы достигнуть этой возвышенной цели.

ГЛАВА II

Последняя цель человека находится за пределами этой жизни

1. Высшее из творений должно иметь высшую цель

1.Сам разум говорит, что столь высокое творение предназначается для более высокой по сравнению со всеми созданиями цели, а именно: чтобы человек, будучи соединен с Богом, высшим пределом всякого совершенства, славы и блаженства, наслаждался вместе с ним славой и блаженством во веки.

NB *Каждой строкой «Великой дидактики» Я.А.Коменский являет собой величайший образец Педагога-гуманиста. Это известно каждому, кто хоть немного знаком с его жизнью и творчеством. Но сегодня, когда смертельная опасность угрожает самому гуманистическому идеалу, когда ученые и журналисты уже поют ему отходную как несостоявшейся утопии, особенно важно опереться на мнение великих. Не укрепивши свою веру в человека как цель развития цивилизаций, как высшую ценность, мы не сможем повернуть школу к ребенку и останемся на привычном уровне красивых деклараций.*

2. Это ясно:

2. Хотя это достаточно ясно из Писания и мы твердо верим, что дело вообще находится в таком положении, однако не было бы потерей труда коснуться, хотя бы мимоходом, того, сколькими способами Бог в этой жизни изобразил нам нашу высшую цель.

1) Из истории творения.

3. И прежде всего, конечно, в самом творении. Ведь человеку не повелел Бог просто существовать, подобно прочим созданиям, но предпослал торжественный совет; тело он образовал ему как бы собственными перстами, а душу вдохнул в него из самого себя.

2) Из нашего устройства.

4. Наше устройство показывает, что для нас достаточно того, что есть у нас в этой жизни, *ибо мы живем здесь тройною жизнью: растительною, животною и умственною, или духовною*, из которых первая нигде не выходит за пределы тела, вторая через действия чувств и движения направляется к предметам, а третья может существовать также отдельно, как это видно у ангелов. А так как очевидно, что эта высшая ступень жизни сильно у нас затмевается и сковывается первыми ступенями, то по необходимости следует, что должно существовать место, где бы она доведена была до совершенства.

3) Из всего, что мы здесь делаем и претерпеваем.

5. Все, что мы в этой жизни делаем и терпим, показывает, что здесь мы не достигаем последней цели, но что все наше существо, как и мы сами, имеет иное назначение. Все, что мы есть, все, что мы делаем, думаем, говорим, замышляем, приобретаем, имеем, есть только некоторая лестница; продвигаясь по ней все далее и далее, мы всегда, правда, восходим на выс-

шие ступени, однако последней ступени мы не находим никогда. Вначале человек ничто, как ничто он был от вечности, а только во чреве матери воспринимает начало от капли отцовской крови. Итак, что такое вначале человек? Бесформенная и грубая масса. Затем он принимает очертания маленького тельца, однако без чувства и движения. После этого он начинает двигаться и силою природы выходит наружу; понемногу открываются глаза, уши и остальные чувства. С течением времени проявляется внутреннее чувство, когда человек понимает то, что он видит, слышит и чувствует. Далее, через наблюдение различия вещей, появляется рассудок. Наконец, воля, направляясь к одним предметам, отвращаясь от других, принимает на себя обязанность руководительницы.

3. Во всем этом есть постепенность, однако без окончательного предела.

6. Но и внутри указанных отдельных ступеней есть своя постепенность. Ведь и понимание вещей проявляется постепенно, выступая точно сияние утренней зари из глубокой тьмы ночи и проливая все больше света, пока продолжается жизнь (если только кто-нибудь не погружается в скотское состояние вообще), и так вплоть до самой смерти. Наши действия также сперва слабы, бессильны, грубы и слишком беспорядочны. Постепенно затем, вместе с силами тела, развиваются также качества духа, так что, пока мы живем (если кого-либо не охватит и не похоронит его заживо крайнее тупоумие), всегда мы что-нибудь делаем, замышляем, предпринимаем, и *все это в благородной душе всегда стремится выше, не достигая, однако, конечного предела. Ибо в этой жизни нельзя найти какого-либо предела желаниям и стремлениям.*

Это обнаруживает всякий опыт.

7. Куда бы кто ни обратился, он узнает это на опыте. Кто полюбит сокровища и богатство, тот не сможет утолить свою жажду, хотя бы он владел целым миром: это стало ясно на примере Александра[2]. Кто воспламенится жаждой почестей, тот не в состоянии будет успокоиться, хотя бы ему поклонялся весь мир. Кто отдается чувственным наслаждениям, тому все прискучит, хотя бы потоки наслаждений наполняли все его чувства, и жажда наслаждений будет направляться от одного к другому. Кто предается изучению мудрости, тот не найдет никакого предела: ведь чем более кто знает, тем более понимает, что ему недостает еще многого. Справедливо сказал Соломон: «Не насытится око зрением, не наполнится ухо слышанием» (Еккл. 1, 8).

4. И самая смерть не ставит предела нашему бытию.

8. Но примеры умирающих показывают, что и смерть не кладет последней грани нашим делам. У кого жизнь прошла хорошо, те радуются, что вступят в лучшую жизнь, а проникнутые любовью к настоящей жизни, видя, что с ней нужно расстаться и что нужно переселиться в другую жизнь, начинают трепетать и примиряются с Богом и людьми, если только каким-нибудь образом могут это сделать. И хотя бы сломленное страданиями тело ос-

лабевало, чувства затмевались и сама жизнь уходила, дух, однако, выполняет свои функции живее, чем когда-либо. Благочестиво, серьезно и осмотрительно даются распоряжения относительно себя, своей семьи, своего наследства, государства и пр., и кто видит умирающего благочестивого и мудрого человека, видит несомненно рассыпающийся земной прах, но кто его слышит, тому кажется, будто он слышит ангела. Поэтому каждый должен признать, что здесь происходит не что иное, как подготовка к уходу хозяина, когда его жалкая хижина грозит разрушением. Это поняли сами язычники: римляне, по свидетельству Феста, смерть называли исходом, а у греков глагол, обозначающий *уходить*, часто употребляется в значении погибать, умирать. Почему? Не потому ли, что полагают, что путем смерти только переходят в другое место?

5. Пример Христа-человека указывает, что люди предназначены для вечности.

9. Нам, христианам, особенно это ясно, так как Христос, сын Бога живого, ниспосланный с неба для восстановления погибшего в нас образа Божия, показал это своим примером. Ведь, будучи зачат и явившись на свет через рождение, он пребывал среди людей; затем умер, воскрес и вознесся на небеса, и смерть не властвует более над ним. Вот он и называется и есть на самом деле наш предтеча (Евр. 6, 20), перворожденный среди братьев (Рим. 8, 29), глава среди своих членов (Еф. 1, 22), первообраз всех, которые должны быть возрождены по образу Божию (Рим. 8, 29). И так, как сам он был на земле не для того, чтобы оставаться здесь, но чтобы, свершив свой путь, перейти в вечные жилища, так и нам, соучастникам его, не суждено оставаться здесь, а придется переселиться в другое место.

Тройное местопребывание человека.

10. Итак, каждому из нас предназначены тройная жизнь и тройное местопребывание для жизни: чрево матери, земля и небо. Из первого жилища во второе человек вступает через рождение, а из второго в третье — путем смерти и воскресения; из третьего — никуда навеки. В первом мы получаем только жизнь с зачатками движения и чувством; во втором — жизнь, движение, чувство с началами разума; в третьем — совершенную полноту всего.

И тройная жизнь.

11. Первая жизнь есть приготовление ко второй, вторая — к третьей, третья сама в себе без конца. Переход из первой жизни во вторую и из второй в третью узок и болезнен: и в том и в другом случае приходится расставаться с одеянием, или с внешними покровами (там — послед, здесь — само тело), подобно тому, как из разбитой скорлупы выходит птенец. Первое и второе жилища подобны мастерским: в одной формируется тело для последующей жизни, а в другой — разумная душа для вечной жизни; третье жилище принесет самое совершенствование и наслаждение той и другой жизнью.

Прообраз этого у израильтян.

12. Так, израильтяне (да позволено будет привести их здесь для сравнения) были рождены в Египте, откуда отведены через горные теснины и Красное море в пустыню. Там они строили шатры, изучали закон, сражались с различными врагами и, наконец, перейдя Иордан, сделались наследниками Ханаанской земли, изобилующей молоком и медом.

ГЛАВА III

Эта жизнь является только подготовлением к вечной жизни

Свидетельства.

1. Что эта жизнь, преследующая иную цель, не есть (собственно говоря) жизнь, а вступление к истинной и вечной жизни, это будет видно, во-первых, из доказательства, заложенного в нас самих, во-вторых, из доказательства, заложенного в мире, и, наконец, из свидетельств Священного писания.

1. Мы сами.

2. Если мы посмотрим на самих себя, то увидим, что все, касающееся нас, подвигается вперед так последовательно, что все предшествующее пролагает дорогу последующему. Примером этому служит наша первая жизнь — в утробе матери. Ради чего протекает эта жизнь? Не ради ли самой себя? Ничуть. Она протекает там только для образования тела как жилища души и как инструмента для удобного пользования в последующей жизни, которою мы наслаждаемся под солнцем. Как только эта цель достигнута, мы вырываемся на свет, так как нечему больше произойти с нами в той тьме. Точно так же и эта наша жизнь под солнцем есть не что иное, как подготовка к вечной жизни, а именно — душа с помощью тела подготовляет себе все необходимое для будущей жизни. Как только и это достигнуто, мы переселяемся отсюда, так как не остается ничего, что могли бы мы делать на земле. Правда, некоторые похищаются отсюда неподготовленными, или, вернее, извергаются на погибель, как выкидыши, выбрасываемые по разным причинам из утробы матери не для жизни, а для смерти. В обоих случаях это происходит хотя и по Божьему изволению, но по вине людей.

2. Видимый мир создан только как рассадник, питомник и школа для людей.

3. Сам видимый мир, в какой бы части мы его ни рассматривали, свидетельствует о том, что он создан именно с той целью, чтобы служить:

размножению,
питанию,
деятельности
} человеческого рода.

Так как Богу было угодно сотворить всех людей не сразу в одно и то же мгновение, как произошло это с ангелами, но сотворить мужа и жену, которым были дарованы силы и благословение для размножения путем рождения, то необходимо было для последо-

вательного размножения дать надлежащее время; для этого дано было несколько тысяч лет. Но, чтобы это время не было беспорядочным, глухим, слепым, он распростер небеса, украсив их солнцем, луною и звездами, и повелел им своим круговращением размерять часы, дни, месяцы и годы. Далее, так как человек должен был стать телесным созданием, нуждающимся в месте, где обитать, чтобы дышать и двигаться, в пище, чтобы расти, и в одежде, чтобы покрываться, он распростер (в глубине мира) твердую почву, землю и окружил ее воздухом, оросил водами и повелел произвести разнообразные растения и животных не только для удовлетворения нужд, то и для наслаждения. И так как он создал человека по образу своему, даровав ему разум, то для того, чтобы и у разума не было недостатка в соответствующей пище, разделил отдельные твари на многообразные виды затем, чтобы этот видимый мир являлся ему самым ярким зеркалом бесконечного могущества, мудрости и благости Божией и чтобы, созерцая его, человек проникался удивлением к творцу, совершенствовался в познании его, увлекался любовию к нему. Для этого именно невидимые и скрывающиеся в бездне вечности прочность, красота и прелесть показываются повсюду через видимые творения и дают возможность ощущать, созерцать и вкушать себя. Итак, этот мир есть не что иное, как наш рассадник, наш питомник и наша школа. Итак, есть нечто за пределами этого мира; выйдя из подготовительных ступеней этой школы, мы возвысимся до вечной академии. Следовательно, уже разум убеждает нас, что это так. Однако еще очевиднее это из Божественных изречений.

3. Сам Бог в своем слове.

4. У Осии сам Бог свидетельствует, что небеса существуют для земли, земля — для пшеницы, вина и масла, а все это — для людей (Ос. 2, 21, 22). Итак, все ради человека, даже само время. Ибо существование миру не будет дано долее, чем это нужно для восполнения числа избранных (Откр. 6, 11). Как только это свершится, небеса и земля прейдут и не найдется им места (Откр. 20, 7). Ибо явятся новое небо и новая земля, в которых будет обитать справедливость (Откр. 21, 1; 2 Петр. 3, 13). Наконец, названия, которые Писание дает этой жизни, указывают, что она есть не что иное, как подготовка к другой жизни. Оно называет ее дорогой, путем, дверью, ожиданием, а нас называет путешественниками, пришельцами, наемниками, искателями другого града, и притом непреходящего (Быт. 47, 19; Пс. 39, 13; Иов. 7, 12; Лук. 12, 34).

4. Опыт.

5. Всему этому нас учит само дело и наше общее положение, которое находится пред глазами всех людей. Ведь кто из родившихся, явившись, не исчезал снова, хотя мы и предназначены для вечности? Но так как мы предназначены для вечности, то по необходимости мы переживаем здесь только переходное положение. Поэтому Христос говорит: «Будьте готовы, ибо не знаете часа, в который придет Сын человеческий» (Матф. 24, 44). По этой причине (и это также мы знаем

из Писания) Бог призывает некоторых отсюда еще в раннем возрасте, когда видит их уже подготовленными, как, например, Еноха (Быт. 5, 23, ср. Притч. 4, 14). Почему же тогда он проявляет долготерпение по отношению к злым? Именно потому, что он не хотел бы, чтобы кто-нибудь неподготовленный был застигнут смертью, а чтобы всякий пришел к покаянию (2 Петр. 3, 9). Если, однако, кто-нибудь продолжает злоупотреблять терпением Бога, то он повелевает того взять.

Заключение.

6. Итак, насколько верно то, что пребывание во чреве матери есть приготовление к жизни в теле, так верно и то, что пребывание в теле есть приготовление к той жизни, которая последует за этой настоящей жизнью и будет продолжаться вечно. Счастлив тот, кто из чрева матери вынес хорошо образованные члены, в тысячу раз счастливее тот, кто унесет отсюда хорошо образованную душу.

ГЛАВА IV

Есть три ступени приготовления к вечности: познание себя (и вместе с собой — всего), управление собой и стремление к Богу

Откуда познаются второстепенные цели человека, подчиненные высшей цели (вечности).

1. Таким образом, ясно, что последняя цель человека есть вечное блаженство с Богом. А каковы цели, подчиненные и служащие этой переходной жизни, это ясно из слов Божественного совета, которые он произнес, намереваясь создать человека. «Сотворим, — сказал Бог, — человека по образу нашему и по подобию, и да владычествует он над рыбами морскими и над птицами небесными и над зверями всей земли, которые движутся по земле» (Быт. 1, 26).

2.Отсюда ясно, что человек поставлен среди видимых созданий с тем, чтобы быть

Есть три цели: человек должен быть 1) одаренным разумом среди всех, 2) владыкой над собой и 3) радостью для Бога.

I. *Разумным созданием.*

II. *Созданием, владычествующим над другими созданиями.*

III. *Созданием, представляющим собою образ и радость своего Творца.*

Эти три цели соединены так, что ни одной из них нельзя отбросить, так как на них зиждется основание настоящей и будущей жизни.

Что такое разумное создание?

3. *Быть разумным созданием — это значит все исследовать и давать всему имена и все исчислять, т.е. знать и иметь возможность назвать и понять все, что находится в мире*, как это ясно из «Книги Бытия» (2, 19) или как поясняет Соломон (Притч. 7, 17 и пр.): «Познать устройство мира и действие стихий, начало, конец и средину времен; смены поворотов солнца и перемены времен года, круги годов и положение звезд; природу, животных и души зверей; силы ветров и мысли людей; различия растений и силы

корней; одним словом — все сокровенное и явное». Сюда же принадлежит знание ремесел, также искусство речи, чтобы (как говорит сын Сирахов) «ничто не было неизвестным в какой-либо как малой, так и в большой вещи» (Сир. 5, 18). В самом деле, таким лишь образом человек будет в состоянии удержать за собой имя разумного существа, если он будет понимать разумное основание (устройство) всех вещей.

Что значит быть владыкой всех созданий?

4. Быть владыкой всех созданий — это значит, приспособляя к надлежащему назначению все вещи, употреблять их с пользою для своих выгод, везде среди созданий вести себя царственно, т.е. с достоинством и святостью (а именно ставя выше себя лишь одного чтимого Творца, а также ангелов его, рядом с собою — своих сослужителей, а все прочее — ниже себя), соблюдать дарованное достоинство; не служить никакому созданию, даже собственной плоти; свободно пользоваться всем для собственных услуг; хорошо знать, где, когда, каким образом и до какого предела благоразумно пользоваться каждою вещью, где, когда, каким образом и до какого предела признавать право плоти, где, когда, каким образом и до какого предела нужно уступать ближнему, — словом, быть в состоянии разумно управлять движениями и действиями внешними и внутренними, своими и чужими.

Что значит быть образом Божиим?

5. Наконец, быть образом Божиим — значит в точности представлять совершенство своего первообраза, как сам он говорит: «Будьте святы, как свят Я, ваш Бог» (Лев. 6, 2).

Эти три требования осуществляются во-первых, в образовании, во-вторых, в добродетели, в-третьих, в благочестии.

6. *Отсюда следует, что истинные требования, предъявляемые к человеку, заключаются в том, чтобы он был: 1) знающим все вещи, 2) владыкою вещей и самого себя,* 3) чтобы он себя и все возродил к Богу, источнику всех вещей. Если эти требования мы выразим тремя хорошо известными словами, то получим:

I. *Образование.*

II. *Добродетель, или нравственность.*

III. Религиозность, или благочестие.

NB *Сущность человека автор определяет триединством — образованность, нравственность, благочестие. По его мнению, здоровье, сила, красота, богатство, дружба, долголетие второстепенны. Вряд ли с этим согласится сам человек, обычный смертный. Даже если названное триединство считать сутью, а остальное — формой, плотью ее, все равно не стоит развивать одно в ущерб другому.*

Под образованием нужно понимать познание всех вещей, искусств и языков; под добродетелью — не только внешнюю воспитанность, но и всю внутреннюю и внешнюю основу побуждений, а под религиозностью — то внутреннее богопочитание, которым дух человека связывается и соединяется с высшим чувством.

Эти три качества в этой жизни составляют в человеке всю сущность; все же остальное второстепенно.

7. В этих трех качествах заключается все превосходство человека, так как только они являются единственной основой настоящей и будущей жизни; остальное (здоровье, сила, красота, богатство, знатность, дружба, счастливый успех в делах, долголетие) есть не что иное, как добавление и внешнее украшение жизни тех, которым они даны Богом, или же излишняя суетность, бесполезное бремя и вредные препятствия для того, кто, страстно стремясь к ним, сам приобретает их себе и, пренебрегши теми важнейшими благами, занимается этими и подавляет себя ими.

Что выясняется на примерах: 1. Часов.

8. Разъясню это на примерах. Часы (солнечные или автоматические) есть изящный и чрезвычайно необходимый инструмент для измерения времени; их субстанцию, или сущность, завершает художественная соразмерность всех частей. Присоединяемые к частям футляры, скульптурные изображения, живопись, золотые украшения — все это дополнительные вещи, прибавляющие несколько красоты, но ничего не прибавляющие к качеству. Если бы кто-либо предпочел, чтобы подобного рода инструмент был скорее красивым, чем доброкачественным, то его ребячество было бы осмеяно, так как он не понимал бы, для какого употребления они преимущественно предназначены.

2. Коня.

Так, достоинство коня состоит в его силе в соединении с пылкостью, скоростью и готовностью направлять свой бег по мановению всадника; хвост же, развевающийся или связанный в узел, расчесанная и поднятая грива, позолоченные удила, вышитая попона и различная сбруя лишь придают красоту коню; однако если бы мы увидели, что кто-нибудь по этим украшениям измеряет достоинство коня, то назвали бы его глупцом.

3. Здоровья.

Наконец, наше хорошее здоровье заключается в правильном пищеварении и в хорошем состоянии внутренних частей нашего организма. Спать на мягком ложе, великолепно одеваться, изысканно питаться — это все не только не способствует улучшению здоровья, а, скорее, ему вредит. Поэтому, кто обращает больше внимания на приятное, чем на полезное, тот неразумен. Но бесконечно более гибельно неразумие того, кто, желая быть человеком, обращает больше внимания на украшения человека, чем на его сущность. Вот почему премудрый называет глупцами и нечестивцами тех, кто считает нашу жизнь забавою и прибыльной ярмаркой, и утверждает, что от таких людей далеки и Божия хвала и Божие благословение (Притч. 15, 12 и 19).

Заключение.

9. Итак, пусть будет твердо установлено, что мы постольку подвигаемся к нашей конечной цели, поскольку мы прилагаем старания в этой жизни к приобретению добродетелей и благочестия. Поэтому указанные три стремления пусть будут истинным делом нашей жизни, а все остальное — второстепенным, задержкой и внешним украшением.

ГЛАВА V

Семена образования, добродетели и благочестия заложены в нас от природы

Природа человеческая первоначально была доброй; к ней мы должны быть возвращены (от испорченности).

1. *Под природой здесь мы разумеем не испорченность, присущую всем нам после падения*, вследствие чего называемся мы по природе «сынами гнева», не способными собственными силами помышлять о чем-либо благом, *но первое и основное наше состояние, в которое нужно же призвать нас, как к первоначалу.* В этом смысле Луис Вивес сказал: «Что такое христианин, как не человек, возвращенный к своей природе и как бы восстановленный в правах своего рождения, от чего его отвратил Диавол?» (Кн. 1. «О согласии и несогласии»). И в том же смысле следует понять то, что сказал Сенека: «Мудрость заключается в следующем: вернуться к природе и возвратиться туда, откуда нас низвергло общее заблуждение» (т.е. грехопадение человеческого рода, допущенное первосозданными людьми). Далее он говорит: «Человек не добр, но он становится добрым, чтобы, помня о своем происхождении, стремиться стать равным Богу. Вследствие своей порочности никто не пытается подняться туда, откуда он пал» (Письмо 93).

И это силою вечного провидения, восстанавливающего падшего.

2. Под словом «природа» мы понимаем также всеобщее Божие провидение, или непрестанное воздействие Божественной благости, чтобы во всем совершить все, а именно во всяком творении то, для чего оно предназначено. Ибо дело Божественной мудрости заключалось в том, чтобы ничего не создавать напрасно, т.е. без какой-либо определенной цели и без средств, соответствующих достижению этой цели. Итак, все, что существует, существует для чего-либо и, чтобы достигнуть этого, снабжено всеми необходимыми органами и вспомогательными средствами и, кроме того, некоторою устремленностью. Это — устремленность к своей цели не против воли, не с сопротивлением, а с охотой и с наслаждением под напором самой природы, и если задержать это стремление, то наступают мучение и смерть. Следовательно, несомненно, что человек родился способным для уразумения вещей, для добродетели, для неограниченной любви к Богу (что он для этого предназначен, это мы уже видели), и корни этих трех способностей существуют у него с такою же несомненностью, как и корни у каждого дерева.

Мудрость заложила в человеке вечные основы.

3. Посмотрим, какие в нас заложены основы мудрости, добродетелей и религии, чтобы было очевиднее, что значит, когда Сирах провозглашает, что мудрость положила вечные основы в людях (Сир. 1, 14). Таким образом можно увидеть, каким удивительным созданием мудрости является человек.

1. Сделав человека способным к приобретению познания вещей. Это ясно из того, что она создала его по образу своему.

4. Ясно, что всякий человек рождается способным к приобретению познания вещей, так как прежде всего он есть образ Божий. Образ, если он точен, по необходимости представляет черты своего первообраза, или он не будет образом. А ввиду того, что среди остальных свойств Божиих выдающееся место занимает всеведение, естественно, некоторый образ его отразится в человеке. И почему же нет? Имея светлый ум, человек, несомненно, находится в центре дел Божиих, наподобие шарообразного зеркала. Будучи повешено в комнате, это зеркало воспринимает образы всех вещей, образы всего находящегося вокруг. Ведь наш ум схватывает не только соседние предметы, но и отдаленные (по месту и по времени), привлекает к себе, поднимается в высоту, угадывает тайное, открывает сокрытое, пытается исследовать даже непостижимое; таким образом, он есть нечто бесконечное и беспредельное. Пусть будет дано человеку прожить тысячу лет, в течение которых он, всегда научаясь чему-либо новому, постигал бы одно из другого; и все-таки он будет иметь еще место для восприятия предметов. Ум человеческий отличается такой ненасытной восприимчивостью к познанию, что представляет собой как бы бездну. Наше ничтожное тело ограничивается самыми тесными пределами; голос распространяется немного далее, зрение ограничивается лишь высотою небесного свода, а уму нельзя поставить твердого предела ни на небе, ни где-либо за его пределами; он как возвышается выше неба небес, так и опускается ниже бездны бездн, и, хотя бы они были в тысячу раз выше и глубже самих себя, он все же проникает туда с невероятной быстротой. И будем ли мы отрицать, что ему доступно все? И будем ли мы отрицать, что он вмещает все?

2. Малый мир.

5. Философы назвали человека м и к р о к о с м о м (малый мир); он обнимает собою в сжатой форме все, что расстилается во все стороны по великому миру (м а к р о к о с м у). Что это так, доказывается в другом месте. Итак, ум человека, вступающего в мир, чрезвычайно удачно сравнивается с семенем или зерном, в котором хотя и нет в действительности формы травы или дерева, однако понятия травы или дерева на самом деле в нем существуют; как это ясно, когда семя, посаженное в землю, внизу пускает маленькие корни, а выше дает ростки, из которых впоследствии, по врожденной силе, развиваются ветви и сучья; последние покрываются листьями, украшаются цветами и плодами. Следовательно, нет *необходимости что-либо привносить человеку извне, но необходимо развивать, выяснять то, что он имеет заложенным в себе самом, в зародыше*, указывая значение всего существующего. Поэтому, как известно, Пифагор имел обыкновение говорить, что человеку так свойственно от природы все знать, что если семилетнего мальчика разумно спрашивать о всех вопросах философии, то он мог бы ответить на все вопросы именно потому, что единый свет разума по своей форме и по своим пределам доста-

точен для всех вещей. Только теперь, после грехопадения, затемняя сам себя и спутывая, он не может обнаружить себя, а те, которые должны были бы его освободить, постоянно еще более запутывают.

3. Одаренный чувствами.

6. Обитающей в нас разумной душе, сверх того, даны органы, как бы лазутчики и разведчики, с помощью которых душа исследует все, что находится вне ее, — это зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, так что ни одно создание, где бы оно ни находилось, не может от нее укрыться. *Так как в видимом мире нет ничего, чего нельзя было бы или видеть, или слышать, или обонять, или вкушать, или осязать и, таким образом, определять по существу и качеству, то отсюда следует, что в мире нет ничего, чего бы не мог обнять одаренный чувством и разумом человек.*

4. Побуждаемый стремлением к знаниям.

7. *Врождена также человеку жажда к знанию и не только способность переносить труды, но и стремление к ним.* Это проявляется непосредственно в раннем детском возрасте и сопровождает нас всю жизнь. Ведь кто не желает всегда слушать, видеть, делать что-либо новое? Кому не доставляет удовольствие каждый день куда-нибудь отправляться, с кем-либо побеседовать, о чем-либо со своей стороны рассказать? Положение дел именно таково: глаза, уши, орган осязания, самый разум, беспрестанно отыскивая себе пищу, всегда устремляются во внешний мир, и для живой натуры нет ничего более невыносимого, как праздность и бездействие. А так как даже люди невежественные удивляются ученым мужам, то не указывает ли это на то, что они чувствуют притягательную силу какого-то естественного стремления? Они и сами хотели бы быть участниками их учености, если бы могли надеяться на осуществление этого, но так как они на это не надеются, то предаются сожалениям и почитают тех, кого считают стоящими выше себя.

Поэтому многие самостоятельно достигают разнообразного познания вещей.

8. **Примеры автодидактов[1] показывают со всей очевидностью, что, следуя за природой, человек может постигнуть все.** Не имея никаких учителей, будучи сами себе учителями или (как говорит Бернгард, имея своими наставниками дубы и буки (т.е. гуляя и размышляя в лесах), некоторые пошли гораздо дальше других, находившихся под тщательным руководством учителей. Разве это не указывает, что у человека поистине есть и лампада, и светильня, и масло, и огниво со всем прибором? Лишь бы только он умел высекать искры, принимать их огнивом, зажигать светильник, и он тотчас же в восхитительном зрелище увидал бы удивительные сокровища премудрости Божией как в себе, так и в великом мире (как все расположено по числу, мере и весу). Теперь, когда у него зажигается не внутренний свет, а вне его кругом носятся светильники чужих мнений, не может быть ничего другого, кроме того, что происходит именно так, как если бы вокруг кого-либо, заключенного в мрачную тюрьму, носили

факелы; лучи их, конечно, проходят в щели, однако полный свет проникнуть туда не может. Так происходит то, о чем говорит Сенека: «Врождены нам семена всех наук, а Бог, как учитель, выводит способности из таинственной глубины» («О благодати», IV, 6).

NB *Поражает святая вера в неограниченные возможности человеческого познания. В мире нет ничего, чего бы не мог познать человек. И это он может сделать сам, без посторонней помощи. Интересен в этом смысле опыт автодидактов. Заметно, как автор все время подпитывает своей верой тех, кто еще собственную веру не обрел.*

Наш ум сравнивается
1) с землей,
2) с садом,
3) с чистой доской.

9. Тому же учат нас и предметы, которым уподобляется наш ум. Ибо не воспринимает ли земля (с которою часто сравнивается в Священном писании наше сердце) семена всякого рода? Разве одного и того же сада нельзя засевать всевозможными травами, цветами и ароматическими растениями? Конечно, можно, если у садовника нет недостатка в уме и прилежании. И чем более разнообразия, тем более получается приятное зрелище для глаз, тем большее наслаждение для обоняния, тем более сильное отдохновение для сердца. Аристотель сравнил человеческую душу с чистой доской, на которой еще не было ничего написано, на которой, однако, можно было бы написать все. Итак, подобно тому как на чистой доске сведущий в своем деле писатель мог бы написать, а живописец — нарисовать что угодно, так в человеческом уме одинаково легко начертить все тому, кто хорошо знает искусство обучения. Если этого не происходит, то вернее верного, что вина не в доске (если только она иногда не бывает шероховата), но в неумении пишущего или рисующего. Разница в том, что на доске линии можно проводить лишь до пределов ее краев, между тем как для письма и чертежа в уме ты никакой границы не найдешь, потому что (как сказано выше) ум безграничен.

4. С воском, на котором оттискиваются бесчисленные печати.

10. Удачно также наш мозг (эта мастерская мыслей) сравнивается с воском, на котором оттискивается печать или из которого лепятся фигурки[4]. Как воск принимает любую форму и из него можно лепить и снова переделать любую слепленную фигуру, так и мозг, отражая образы всех вещей, все принимает, что только содержит мир. Этим сравнением вместе с тем удачно обозначается, что такое наше мышление и наше знание. Все, что возбуждает мое зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, является для меня печатью, посредством которой образ вещи отпечатывается в мозгу, и притом в такой степени, что, если даже удалить вещь от моих глаз, ушей, носа и моей руки, ее образ остается уже у меня и не может не оставаться, если только, вследствие недостаточного внимания, образ не отпечатается слабо. Например, если я увидел какого-нибудь человека или заговорил с ним, если, совершая куда-нибудь прогулку, увидел гору, реку, поле, лес, город и т.п., если когда-либо услыхал гром, музыку, какие-либо речи, если прочи-

тал что-либо внимательно у автора и пр. — все это запечатлевается в мозгу и всякий раз при воспоминании воспроизводится так, как если бы все это опять стояло у меня перед глазами, раздавалось в ушах, вкушалось или осязалось мною. Хотя мозг воспринимает одни впечатления по сравнению с другими, или более раздельно, или представляет более ясно, или удерживает прочнее, однако каждое из них он воспринимает, представляет и удерживает так или иначе.

Способность нашего ума воспринимать — Божье чудо.

11. Здесь мы имеем достойное удивления зрелище божественной мудрости, которая могла позаботиться о том, чтобы совсем небольшая масса мозга была достаточна для восприятия стольких миллионов образов.

Ибо все то, что каждый из нас (особенно людей науки) в течение стольких лет видел, слышал, вкушал, читал, собрал опытом и размышлением и о чем он в силу необходимости может вспоминать, — все это, очевидно, носится в мозгу; это именно образы вещей, некогда виденных, слышанных, вычитанных из книг и т.д., которых миллионы и миллионы существуют и увеличиваются до бесконечности, так как ежедневно мы видим, слышим, читаем, исследуем нечто новое.

Однако все это вмещается в мозгу. Какая это неисповедимая мудрость Божьего всемогущества! Соломон удивляется, что все реки текут в море, но море не переполняется (Еккл. 1, 7). Кто не подивится бездне нашей памяти, которая все исчерпывает и все восстанавливает, но никогда, однако, не переполняется и не оскудевает. Таким образом, наш ум в самом деле более велик, чем мир, в том отношении, что содержащее должно быть (по необходимости) больше содержимого.

Наш ум — зеркало.

12. Наконец, самым подходящим сравнением нашего ума является сравнение с глазом или зеркалом; что бы ни поставили перед зеркалом, какой бы формы и цвета ни был предмет, оно тотчас воспроизводит точное его изображение, за исключением тех случаев, когда предмет пододвинешь к нему в темноте или с задней стороны или если предмет находится слишком далеко, т.е. на большем, чем следует, расстоянии, или если помешаешь отображению, или затемнишь его, приводя предмет в колебание, — тогда, нужно признаться, изображение будет неудачным. Но я говорю о том, что естественно происходит при свете и при удобном положении предмета перед зеркалом. Итак, подобно тому, как нет никакой необходимости принуждать глаз, чтобы он открывался и смотрел на предмет, так как он сам собою (стремясь от природы к свету) с наслаждением взирает на свет и воспринимает все (лишь бы только не мешало ему сразу слишком большое число предметов) и никогда не может насытиться созерцанием, — точно так же наш ум жаждет предметов, сам всегда открывается пред ними, сам хочет созерцать все, сам воспринимает все, сам быстро все усваивает; везде он неутомим, лишь бы только не был он подав-

лен множеством предметов и лишь бы все ему представлялось для созерцания одно вслед за другим, в надлежащем порядке.

Корень благонравия в человеке — гармония.

13. Что человеку от природы свойственна гармония нравов, это видели даже язычники. Правда, они не знали иного, свыше ниспосланного, света и более надежного вождя, данного для вечной жизни, но и из этих проблесков света природы (при значительном усилии) они делали себе факелы. Цицерон, например, говорит так: «Нашим духовным силам врождены семена добродетелей; если этим семенам дать развиться, то сама природа привела бы нас к счастливой жизни». (Это преувеличено!) Однако лишь только мы являемся на свет и в жизнь, подвергшись воспитанию, мы постоянно вращаемся среди всякой испорченности, так что кажется, будто мы всасываем заблуждения почти с молоком кормилицы (Туск. 3). Но что действительно некоторые семена добродетелей врождены человеку, это доказывается следующим двойным аргументом: во-первых, всякий человек наслаждается гармонией, а во-вторых, сам он также изнутри и извне есть не что иное, как гармония.

1. Гармонией человек наслаждается везде, именно: во всем видимом,

14. Ясно, что человек наслаждается гармонией и страстно к ней стремится. Ведь кто не наслаждается созерцанием красивого человека, стройного коня, прекрасного изваяния, красивой картины? Но откуда это, если не из того источника, что пропорция частей и цветов доставляет нам удовольствие? В этом самым естественным образом состоит очарование для глаз. Я спрашиваю также, на кого не действует музыка? И почему это?

Именно потому, что гармония тонов дает приятное созвучие. Кому не нравится хорошо приготовленная пища? Это потому, что сочетание вкусовых ощущений приятно раздражает нёбо. Каждому приятны умеренная теплота, умеренный холод, умеренный покой членов и движение. Почему? Не потому ли, что все умеренное в природе благотворно и здорово, а все неумеренное враждебно и гибельно? Мало того, мы ценим друг в друге самые добродетели (ведь даже не имеющие добродетелей удивляются добродетелям других, хотя и не подражают им, так как полагают, что не сумеют преодолеть свои предосудительные привычки). Итак, почему же каждый не ценит добродетелей в самом себе? Воистину мы слепы, если не признаем, что корни всякой гармонии заключаются в нас.

во всем, воспринимаемом слухом, вкусом, осязанием и даже в самих добродетелях.

2. Гармония, которую каждый находит сам в себе: в отношении а) как тела,

15. Но и сам человек есть не что иное, как гармония как в отношении тела, так и в отношении души. Ибо как сама вселенная есть подобие огромного часового механизма, столь искусно составленного из множества колес и звуковых приборов, что в общем для непрерывности движений и для гармонии одно сочетается с дру-

гим, — таков и человек. Что касается тела, устроенного с изумительным искусством, то первым двигателем является сердце, источник жизни и действий, от которого остальные члены получают движение и меру движения. А силой, вызывающей движение, является мозг, который с помощью нервов, как бы шнуров, притягивает и отпускает остальные колеса (члены). А разнообразие деятельности внутри и вне заключается именно в той самой соразмерной пропорции движений.

б) так и в отношении души.

16. Подобным образом *в душевных движениях* главным движущим *колесом является воля*; рычаги, приводящие ее в движение, — это желания и страсти, которые склоняют волю в ту или другую сторону. *Рычагом, открывающим движение и замыкающим его, является разум, который взвешивает и определяет, чего, где, в какой мере нужно желать или чего избегать.* Остальные движения души есть как бы меньшие колеса, следующие за главным. Отсюда, если желаниям и страстям не дается слишком большой силы и рычаг, т.е. разум, правильно будет открывать и закрывать движения страстей, необходимым следствием должны быть гармония и согласованность добродетелей, т.е. соответствующее сочетание действий и пассивных состояний.

Нарушенная гармония может быть восстановлена.

17. Итак, человек поистине есть сам в себе не что иное, как гармония. Поэтому, как о часах или о музыкальном инструменте, сделанных рукою опытного мастера, если они испорчены и расстроены, мы не говорим решительно, что они уже больше не годны (ведь их можно починить и исправить), так и относительно человека, хотя и испорченного грехопадением, нужно прийти к выводу, что благоволением Божиим он может быть исправлен при помощи определенных средств.

Что корни религии врождены человеку, доказательством служит:
1. Сущность образа.

18. Что корни религии врождены человеку от природы, это доказывается тем, что он — образ Божий. Ведь образ носит подобие, а подобное радуется подобному; это непреложный закон всех вещей (Сир. 19). И так как человек не имеет ничего себе подобного, кроме Бога, по образу которого он создан, то отсюда следует, что нет ничего, к чему бы он скорее стремился своими желаниями, кроме того источника, от которого он произошел; лишь бы только он достаточно хорошо познал его.

2. Всем врожденное почитание Божества.

19. Это ясно даже на примере язычников, которые, не будучи научены словом Божьим, по тайному внушению одной только природы признавали Божество, поклонялись ему и благоговели перед ним, хотя ошибались в числе Богов и способе почитания. «У всех людей есть понятие о Богах, и все уделяют высшее место какому-нибудь Божественному существу», — пишет Аристотель («О небе», кн. 1, гл. 3). А Сенека говорит: «Почитание Богов заключается прежде

всего в том, чтобы верить в Богов, затем признавать за ними подобающее величие и благость, без которой нет никакого величия, чтобы знать, что они именно управляют миром, вселенной как своим достоянием и пекутся о человеческом роде» (Письмо 96). Но между этим и известным апостольским изречением существует лишь самая незначительная разница: «Приходящему к Богу подобает веровать, что Он есть, и ищущим его воздает» (Евр. 11, 6).

3. Стремление к высшему благу, которое есть Бог.

20. Платон говорит: «Бог есть высшее благо, превыше всякой субстанции и всякой природы; к нему стремится все» (Платон, в письме). Это же (что Бог есть высшее благо, к которому все стремится) подтверждает и Цицерон, говоря: «Первая учительница благочестия есть природа» («О природе богов», кн. 1). Именно потому, что (как говорит Лактанций, кн. 4, гл. 28) мы рождаемся с тем, чтобы воздавать справедливое и должное послушание сотворившему нас Богу, мы и будем его познавать, за ним следовать. Этим союзом благочестия мы обязаны Богу и соединены с ним, откуда (т.е. от religio) и религия получила свое название.

Оно не уничтожено совершенно даже падением человеческого рода.

21. Правда, нужно признать, что естественное стремление к Богу, как к высшему благу, вследствие грехопадения было извращено и выродилось в какое-то блуждание, которое своею силою никогда не может вернуться на правый путь. Однако у тех, кого снова просвещает Бог своим словом и своим духом, это стремление настолько изощряется, что Давид восклицает Богу: «Кто, кроме тебя, для меня на небе! И с тобой ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое. Бог — твердыня сердца моего и жребий мой во веки» (Пс. 1, 22, 25, 26).

Итак, безбожно искать возражений против стремлений к благочестию.

22. Итак, когда мы совещаемся о средствах против испорченности, пусть никто не указывает на существующую испорченность, так как Бог духом своим при помощи разумных средств хочет ее упразднить. Когда у Навуходоносора был отнят человеческий разум и дано было звериное сердце, ему все-таки была оставлена надежда возвратить себе человеческий разум и даже царское достоинство, как только он признает власть небесную (Дан. 4, 23). Так и нам, деревьям, выброшенным из рая Божия, все-таки оставлены корни, которые снова могут произрастать, если на них падают дождь и солнечные лучи милости Божией. Разве тотчас после грехопадения и возвещенной гибели (наказание смертью) Бог не внедряет снова в наши сердца (обещанием благословенного семени) залога новой милости? Разве он не послал нам сына своего, чтобы через него восстановить падшее?

Ветхого Адама и не следует вооружать против нового.

23. Позорно и безбожно — и это представляет явный знак неблагодарности, — что мы всегда шумим об испорченности, а скрываем возрождение. Какую силу имеет в нас

ветхий Адам, на это мы указываем, а какую силу имеет новый Адам — Христос, этого мы не исследуем. Конечно, апостол от своего имени и от имени возрожденных говорит: «Я все могу в укрепляющем меня Христе» (Филип. 4, 13). Если возможно, чтобы произрастал и давал плоды черенок, привитый к иве, терновнику или еще какому-либо лесному деревцу, почему бы этого не могло быть, если бы он был привит к самому корню? Сравним аргументацию апостола (Рим. 41, 20): «К тому же, если Бог может из камней воздвигнуть чад Аврааму (Матф. 3, 9), то почему же ему не возбудить людей на всякие благие дела, которые от начала сотворены были сынами Божьими и вновь усыновлены Христом и возрождены через духа благодати?»

Благодать Божью следует не ограничивать, а с благодарностью принимать.

24. Ах, не будем ограничивать благодать Божью, которую Бог готов излить на нас с величайшей щедростью. Ведь если мы, верою насажденные во Христе и одаренные духом усыновления, если мы, говорю я, будем утверждать, что мы вместе с нашими детьми не способны к тому, что свойственно царствию Божию, то каким образом Христос провозгласил относительно детей, «что их есть царствие Божие»? Или каким образом он направляет нас к ним, повелевая обратиться и быть, как дети, если мы хотим войти в Царствие Небесное (Матф. 18, 3)? Каким образом апостол объявляет святыми детей христиан (даже когда один только из родителей — верующий) и утверждает, что они не могут быть нечистыми (1 Кор. 7, 14)? Но даже и о тех, которые в действительности уже были обременены тягчайшими пороками, апостол решается утверждать: «И такими были некоторые из вас, но вы омылись, осветились, оправдались именем Господа нашего — Иисуса Христа, духом Бога нашего» (1 Кор. 6, 11). Поэтому, когда мы требуем, чтобы дети христиан (не потомство ветхого Адама, но возрождение нового Адама, чада Божий, малые братья и сестры Христа) были образованными и способными для восприятия семени вечности, может ли показаться это кому-либо невозможным? Ведь не от дикой маслины требуем мы плода, но помогаем приносить плоды черенкам, снова привитым к древу жизни.

Заключение.

25. Итак, утвердимся же на том, что для человека естественнее и, через благодать святого духа, легче стать мудрым, благонравным, святым, чем чтобы со стороны пришедшая испорченность могла затруднить развитие. Ведь всякая вещь легко возвращается к своей природе. И это то, чему учит Писание. «Премудрость легко созерцается любящими ее и обретается ищущими ее; она даже упреждает желающих познать ее. С раннего утра ищущий ее не утомится, ибо найдет ее стоящей у дверей своих» (Притч. 8, 1—4). Известны также слова Венузийского поэта[5]: «Кто же настолько дик, что не мог бы смягчиться, если бы только слух свой просвещал терпеливо образованием!» (учением) (Гораций. Посл. I, 39—40).

ГЛАВА VI

Человека, если он должен стать человеком, необходимо формировать

Семена не есть еще плод.

1. Семена знания, нравственности, благочестия дает, как мы видели, природа, но она не дает самого знания, добродетели, благочестия. Это приобретается с помощью молитвы, учения, деятельности. Весьма удачно поэтому кто-то определил человека как существо, способное к обучению, так как никто не может стать человеком, если его не обучать[6].

Человеку врождено предрасположение к знанию, но не самое знание.

2. Если мы будем рассматривать истинное знание, то Богу свойственно знать все без начала, без преуспевания, без конца — одним простым проникновением. Человеку и ангелу этого дать было нельзя, как нельзя было дать и бесконечности и вечности, т.е. свойств божества. Ангелам и людям достаточно преимущества в том, что они обладают остротой ума, которым могут постигать дела Божии и таким образом накапливать сокровищницу знания. Поэтому об ангелах известно, что они также учатся, созерцая (1 Петр. 1, 12; Еф. 3, 10; 1 Цар. 22, 20; Иов. 1, 6), и их знание так же, как и наше, есть опытное.

Чтобы человек стал человеком, он должен получить образование, что доказывается: 1. На примере прочих творений.

3. Итак, пусть никто не думает, что истинным человеком можно стать, не научившись действовать как человек, т.е. не получивши наставления о том, что делает его человеком. Это ясно на примере всех созданий, которые хотя и предназначены быть полезными человеку, но становятся таковыми, только будучи приспособленными для этого рукой человека. Так, например, камни даны затем, чтобы служить для постройки домов, башен, стен, колонн и пр., но они служат для этой цели лишь в том случае, если они нами наломаны, отесаны, уложены. Так и жемчужины и драгоценные камни, предназначенные для украшения людей, обрабатываются, шлифуются, полируются людьми; металлы, созданные для важных нужд нашей жизни, нужно добывать, расплавлять, очищать, различным образом отливать и ковать. Без этого от них меньше пользы, чем от земляной грязи. Из растений мы имеем пищу, питье, лекарства, однако таким образом, что травы и хлеба нужно сеять, окапывать, косить, молотить, молоть, толочь, а деревья необходимо сажать, подрезывать, обкладывать навозом, снимать с них плоды, сушить и пр., но еще более их нужно обрабатывать самыми разнообразными способами, если что-либо из них должно быть использовано на лекарства или на постройку. Казалось бы, что животные, которые одарены жизнью и движением, должны сами по себе быть на все способны. Однако, если мы желаем пользоваться их работой, ради которой они нам даны, мы должны предварительно их упражнять в ней. Вот примеры: конь от природы пригоден для военного

дела, вол — для упряжки, осел — для ношения тяжестей, собака — для охраны и охоты, сокол и ястреб — для ловли птиц и пр. И все же, если каждого из этих животных мы не приучим к свойственному им делу упражнениями, то пользы от них будет мало.

2. На примере самого человека по отношению к его телесной стороне.

4. *Человек со стороны тела создан для труда.* Но мы видим, что вместе с ним рождается только способность к этому: человека нужно постепенно учить и сидеть, и стоять, и ходить, и двигать руками для работы. Итак, откуда же у нашего духа было бы преимущество, чтобы без предварительной подготовки он сделался бы совершенным благодаря самому себе и через себя? Потому, что для всех созданий существует закон брать начало из ничего и постепенно возвышаться как в отношении сущности, так и в отношении действий. Ведь и относительно ангелов, по совершенству особенно близких к Богу, известно, что они знают не все, но постепенно совершенствуются, познавая дивную Божию премудрость, как мы это указали несколько раньше.

3. И так как даже до грехопадения человек должен был упражняться, то тем более это нужно теперь — после испорченности.

5. Ясно также, что для человека уже до грехопадения в раю была открыта школа, в которой он постепенно мог бы совершенствоваться. Правда, у первозданных людей, как только они были произведены на свет, не было недостатка ни в способности ходить, ни в даре слова, ни в способности рассуждать. Однако из беседы Евы со змием очевидно, что им не хватало знания вещей, которое приобретается из опыта. Если бы у нее был больший опыт, она так просто не вступила бы с ним в разговор, так как знала бы, что это животное речью не обладает и, следовательно, здесь кроется обман. Теперь не в состоянии испорченности тем более необходимо учиться, чтобы приобрести знания. Ведь действительно мы приносим с собою в мир чистый ум, точно гладкую доску, не умея что-либо делать, говорить и понимать, и все это нужно приобретать с основания. И мы действительно добиваемся теперь этого с гораздо большим трудом, чем это должно было быть в состоянии совершенства, так как и вещи для нас затемнены, и языки смешаны. Тому, кто в интересах науки хотел бы использовать различные источники на живых и мертвых языках, вместо одного языка нужно изучать их уже несколько; мало того — и родные языки стали более запутанными, и ничто нам не врождено.

4. И потому что примеры показывают, что человек без воспитания становится не чем иным, как только зверем.

6. Имеются примеры того, как некоторые люди, похищенные в детстве дикими животными и выросшие среди них, знали нисколько не больше зверей. Мало того, по речи, движениям рук и ног они ничем не отличались от зверей, если только снова через некоторое время не попадали в среду людей. Приведу несколько примеров. Приблизительно в 1540 г. в одном из гессенских сел, расположенном среди лесов, случилось, что по небрежности родителей пропал

трехлетний мальчик. Несколько лет спустя крестьяне заметили, что среди волков находится какое-то животное, по виду не схожее с ними: четвероногое, а лицом похожее на человека. Когда об этом распространились слухи, начальник этой местности приказал поймать его живым. Животное было поймано, приведено к нему, а затем и к ландграфу Кассельскому. Когда его привели во двор князя, животное вырвалось, убежало и спряталось под скамьей, сердито выглядывая оттуда и издавая отвратительный вой. Князь распорядился оставить его среди людей. После этого зверь начал понемногу становиться ручным, затем подниматься на задние ноги и ходить на двух ногах и, наконец, разумно говорить и становиться человеком. И тогда он, насколько мог припомнить, рассказал, что был похищен волками и вскормлен ими, а затем вместе с ними обыкновенно выходил на добычу. Описывает эту историю М.Дрессер в книге о новом и древнем воспитании. О том же упоминает и Камерарий («Горы», т. I, гл. 75), присоединяя к этой истории и другую, весьма похожую. А. Гуларций (в «Чудесах нашего века») пишет, что в 1563 г. во Франции несколько знатных людей, выйдя на охоту и убив двенадцать волков, одновременно поймали в сети мальчика приблизительно семи лет, голого, с желтой кожей и вьющимися волосами. Когти у него были загнуты, точно у орла. Говорить он не умел, а только издавал какое-то нечленораздельное мычание. Когда его отвели в замок, то с трудом наложили на него оковы — до того он был озверелым. Но, изнуренный несколькими днями голода, он стал кротким, а на седьмой месяц заговорил. Его водили напоказ по городам с немалой прибылью для хозяев. Наконец какая-то бедная женщина признала в нем своего сына. Итак, верно то, что сказано в сочинениях Платона («О законах», кн. 6): «Человек есть существо самое кроткое и самое божественное, если он будет укрощен настоящим воспитанием; если же его не воспитывать или давать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля».

1. В воспитании нуждаются и тупые и даровитые.

7. Вот что следует сказать вообще о том, что *образование необходимо всем*. Если бы теперь мы обозрели различные качества людей, то мы нашли бы то же самое. Ведь кто усомнился бы в том, что воспитание необходимо людям *тупым*, чтобы освободить их от природной тупости? Но поистине гораздо более нуждаются в воспитании люди *даровитые*, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займется бесполезным, пустым и пагубным.

NB *Эта мысль интересна в двух смыслах. Во-первых, автор убежден, что воспитание и образование должны быть всеобщими, без различия пола, возраста, социального положения, природных задатков. Перед знаниями все равны. Во-вторых, явно заметна некоторая понятийная небрежность: «воспитание» и «образование» то отождествляются, то меняются местами. Курьез в том, что это длится по сей день! Долгое время мы твердили о том, что обучение и воспитание — еди-*

ный, неразрывный процесс. Этот тезис воспринимался как аксиома, и его довели до того, что стали понимать единство как простое и полное совпадение: обучение — это и есть воспитание. Потом в педагогическую лексику был введен термин «образование», который поглотил в себе все: учение, воспитание и развитие.

Но в школьной реальности образование до сих пор понимается как результат обучения. Есть даже расхожая шутка на этот счет: образование — это то, что остается после того, как ты забудешь все, чему тебя учили. Образованный человек — это прежде всего много знающий человек. Но образование еще не гарантирует воспитанности. Недавно во время предвыборных теледебатов два кандидата, имеющие по два высших образования, стали кидать друг в друга стаканами. И это на виду у всей России!

Не буду углубляться в терминологические споры (не время и не место), скажу главное: учение, развитие, воспитание, образование — это не синонимы, а понятия, имеющие общее, отличительное и особенное содержание. Профессионал не может пренебрегать терминологией, иначе возникает путаница. Вместе с тем особенность русского слова — его многозначность. Может быть, поэтому люди не могут договориться. Остается одно: каждому педагогу установить для себя самого, какое содержание он будет вкладывать в то или иное понятие. Для меня воспитание — это целенаправленное педагогическое воздействие на процесс развития личности. Это воздействие идет через знания, через разнообразную деятельность после занятий, через общение, игру, творчество, протекающие в системе внутриколлективных и межличностных отношений.

Чем плодороднее поле, тем обильнее оно производит терновник и чертополох. Так и выдающийся ум полон пустыми мечтаниями, если его не засеять семенами мудрости и добродетелей. Как действующая мельница, если в нее не подсыпать зерна, т.е. материала для перемалывания, стирает сама себя и, отрывая от жерновов куски и даже повреждая и разрывая отдельные части, бесполезно с шумом и треском пылит, так и подвижной ум, лишенный серьезной работы, будет вообще наполняться ничтожным, пустым и вредным содержанием и станет причиной своей собственной гибели[7].

2. Богатые и бедные.

8. *Чем являются богатые без мудрости, как не откормленными отрубями свиньями, чем оказываются бедные без разумения вещей, если не ослами, осужденными носить тяжести?* Что такое красивый невежда, если не разукрашенный перьями попугай или, как сказал кто-то, золотые ножны, в которые вложен свинцовый меч[8].

3. Начальствующие и подчиненные.

9. Что касается тех, кто когда-либо должен управлять другими, — царей, князей, магистратов, пастырей церкви и ученых, — то им прежде всего необходимо проникнуться мудростью, так же как проводнику нужно иметь глаза, переводчику — язык, трубе — звук, мечу — острие. Равным образом нужно просвещать и подчиненных, чтобы они умели разумно повиноваться мудрым правителям не по принуждению, не по ослиной покорности, а добровольно, из любви к порядку. Ведь разумным творением нужно управлять не с

помощью криков, тюрьмы, палок, но опираясь на разум. Если это происходит иначе, то бесчестие подчиненных падает и на Бога, который одинаково вложил свой образ и в них, и человеческие дела будут полны насилиями и беспорядками, как это и есть теперь.

Итак все без исключения.

10. Итак, пусть будет установлено: *всем, рожденным людьми, безусловно необходимо воспитание для того, чтобы они были людьми, а не дикими животными, не бессмысленными зверями, не неподвижными чурбанами.* Отсюда следует и то, что каждый настолько превосходит других, насколько он более других упражнялся. Итак, эту главу мы заключим словами Премудрого: «Презирающий мудрость и наставление — несчастен, и суетна надежда его (именно достигнуть своей цели), и труды его бесплодны, и дела его бесполезны» (Притч. 3, 12).

ГЛАВА VII

Формирование человека легче всего происходит в раннем возрасте. Оно даже только в этом возрасте и может происходить

Сходство человека с растением.

1. Из сказанного следует, что человек и дерево в этом отношении сходны. Ведь плодоносное дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза) хотя и может произрастать предоставленное самому себе, но как дикое растение принесет и дикий плод; для того же, чтобы оно дало вкусные и сладкие плоды, необходимо, чтобы искусный садовник его посадил, поливал, подчищал. Хотя человек, как и всякое существо, сам приобретает свой образ, все же, без предварительной прививки черенков мудрости, нравственности и благочестия, он не может стать существом разумным, мудрым, нравственным и благочестивым. Теперь нужно показать, что такого рода прививка должна иметь место в то время, когда растение еще молодо.

Формирование человека должно начинаться в раннем возрасте: 1. Вследствие ненадежности настоящей жизни.

2. Что касается человека, то для этого есть шесть оснований. Во-первых, ненадежность настоящей жизни; с ней придется расстаться, но неизвестно где и когда.

Но уход из этой жизни неподготовленным — дело настолько серьезное, что его нельзя исправить. Настоящая жизнь несомненно дана затем, чтобы человек или приобрел милость Божию, или утратил ее навеки. Во чреве матери тело человека образуется так, что если при рождении у кого-нибудь недостает какого-либо члена, то, следовательно, человек будет лишен его на всю жизнь. Пока мы живем, Душа образуется для познания Бога и союза с ним, и если этого кто-нибудь не достигнет при жизни, то после смерти для этого не будет уже ни места, ни времени. Ввиду того что здесь идет дело о предмете такой великой важности, нужно очень спешить, чтобы кто-нибудь не был застигнут врасплох.

2. Чтобы он был приготовлен для житейской деятельности ранее, чем начнет действовать.

3. Но если даже человеку не угрожала бы неожиданная смерть и он был бы уверен в чрезмерной продолжительности жизни, все же формировать его необходимо начинать как можно раньше, так как живет он не для учения, а для деятельности. Следует поэтому готовиться к делам жизни как можно ранее, чтобы не пришлось нам пресечь образование раньше, чем научимся действовать. Мало того, если бы кто-либо решил посвятить всю жизнь учению, то бесконечное разнообразие вещей, которые создатель мира предоставил нашему приятному созерцанию, так велико, что, если бы кому-либо достался в удел век Нестора, все же у него не было бы недостатка в весьма полезных занятиях. Он находил бы повсюду сокрытые сокровища божественной мудрости и из них бы добывал себе средства для счастливой жизни. Итак, *рано нужно раскрывать у человека способности для созерцания вещей, так как в течение всей жизни ему многое придется познать, испытать и выполнить.*

3. Все всего легче образуется в нежном возрасте.

NB *Как прекрасно определено. Время детства — «нежный возраст».*

4. *Природа всех рождающихся существ такова, что они являются гибкими и всего легче принимают форму, пока они в нежном возрасте; окрепнув, они не поддаются формированию.* Мягкий воск можно лепить, придавая ему новую форму, но если он затвердеет, то его легче обратить в порошок. Молодое дерево можно сажать, пересаживать, подчищать, изгибать как угодно; но если оно выросло, это невозможно сделать. Так, если кто желает согнуть из дерева лук, ему нужно взять дерево зеленое и молодое; нельзя согнуть старое, сухое, суковатое дерево. Свежие яйца при насиживании легко согреваются и дают птенцов; от старых яиц напрасно будешь ждать этого. Желая приучить к работе барышник — коня, пахарь — вола, охотник — собаку и ястреба (как вожак — медведя к пляске, старуха — сороку, ворона, попугая к подражанию человеческому голосу), избирают молодых и юных животных и птиц; если же выберут старых, то их труды пропадут даром.

Так же формируется и сам человек.

5. Все это, очевидно, в такой же мере относится и к самому человеку. У него мозг (как мы выше сказали), воспринимая попадающие в него через органы чувств образы вещей, похож на воск, в детском возрасте вообще влажен и мягок и способен воспринимать все встречающиеся предметы; затем понемногу он высыхает и твердеет, так что, по свидетельству опыта, вещи запечатлеваются и отображаются на нем с большой трудностью. Отсюда известное выражение Цицерона: «Дети быстро схватывают бесчисленное количество предметов». Таким образом, и руки, и все остальные члены только в детские годы могут приспособляться к ремеслам и работам, пока мускулы еще гибки. Кто должен стать хорошим писцом, художником, портным, кузнецом, музыкантом

и пр. — должен заниматься этим с юных лет, когда воображение еще живое, а пальцы гибки, в противном случае он никогда не овладеет своим предметом. Точно так же и корни благочестия следует насаждать в сердце каждого с ранних лет. В ком мы желаем гармонически развить изящный нрав, над тем нужно работать в нежном возрасте. Кому нужно сделать большие успехи в изучении мудрости, тому нужно раскрыть чувства ко всему в первые же годы жизни, пока он может загореться воодушевлением, пока ум быстр, а память крепка. «Постыдное и смешное дело представляет из себя старик, изучающий начала; юноше нужно учиться, а старику этим пользоваться», — говорит Сенека (Письмо 36).

4. Человеку дано чрезвычайно большое время для роста, и это время нельзя употреблять на другое.

6. Чтобы человек мог сформироваться как человек, Бог даровал ему годы юности, чтобы он, будучи непригодным для других занятий, проявил бы прилежание только для формирования. Ибо, в самом деле, конь, вол, слон и другие животные, как бы громадны они ни были, в течение одного-двух лет развиваются до настоящего роста; один только человек доходит до настоящего роста едва в двадцать или тридцать лет. Если бы кто-либо полагал, что это происходит случайно или зависит от каких-либо второстепенных причин, поистине тот выдавал бы свою тупость. Ужели Бог, отмерив, как известно, соответствующее время всем остальным тварям, только одному человеку, этому владыке мира, предоставил бесцельную растрату времени? Не проще ли предположить нам, что в этом была сделана уступка природе, чтобы она, медленно действуя, тем легче сформировала человека? Но она ведь без всяких усилий в несколько месяцев образует гораздо большие тела. Следовательно, мы должны прийти к заключению, что по обдуманному плану творец удостоил нас своим благоволением, дал нам более продолжительное время для упражнения в науках, чтобы, оставаясь более длительный период неспособными к хозяйственной и политической деятельности, мы стали зато более подготовленными для остального времени жизни (даже для вечности).

NB *Принципиально важное рассуждение о природе человека. Он растет и развивается гораздо медленнее животного. Природа не хочет спешить, она взращивает человека постепенно, поэтапно, никогда не форсируя процесс роста. Только долгое, неспешное, основательное созревание человека дает качественные плоды. Это надо понять современным амбициозным торопыгам, пытающимся обогнать естественные темпы развития природы ребенка.*

---

5. Только то прочно, что усваивается в раннем возрасте.

7. *Только то в человеке прочно и устойчиво, что он впитывает в себя в юном возрасте.* Это ясно из тех же примеров. Даже разбитый сосуд сохраняет запах, которым он пропитался при первом употреблении. Дерево как распростерло свои ветви в нежном возрасте вверх, вниз, в стороны, так и сохраняет их в течение сотен лет, пока его не срубят. Шерсть так

прочно удерживает краску, которой она была первоначально окрашена, что перекрасить ее нельзя. Деревянный обод колеса, затвердев, скорее разлетится на тысячу кусков, чем станет снова прямым. *Таким же образом и в человеке первые впечатления настолько устойчивы, что было бы чудом, если бы они изменились.* Поэтому чрезвычайно разумно, чтобы они внушались в юном возрасте согласно с требованиями истинной мудрости.

6. Получить неправильное воспитание — дело весьма опасное.

8. Наконец, дело чрезвычайно опасное, если человек не проникается здоровыми для жизни правилами еще в колыбели. Ибо, *как только начинают действовать внешние чувства, человеческий дух ни в коем случае не может оставаться в покое и даже не сможет воздержаться, чтобы не занять себя полезными делами*, если он не будет занят чем-либо самым пустым и (под влиянием дурных примеров испорченного века) даже вредным. Как мы уже указали, отвыкнуть от усвоенного в раннем возрасте впоследствии будет или невозможно, или чрезвычайно трудно. Мир полон ненормальных явлений, в борьбе с которыми оказываются бессильными и государственные власти, и служители церкви, оттого, что до сих пор не прилагается серьезных усилий к прекращению первоисточников зла.

Заключение.

9. Итак, поскольку каждому близко к сердцу благо его потомства, а руководителям человеческих дел в политическом и церковном управлении — благополучие человеческого рода, постольку пусть все своевременно примут меры, чтобы начинать насаждать, подрезывать, орошать и разумно формировать небесные растения для достижения хороших успехов в науке, нравственности и благочестии.

ГЛАВА VIII

Юношество следует формировать совместно, и для этого нужны школы

Попечение о детях собственно есть дело родителей.

1. Показав, что райские растеньица — христианское юношество не могут расти наподобие леса, а нуждаются в попечении, следует рассмотреть, на кого же падает это попечение. Всего естественнее признать, что оно падает на родителей, чтобы те, кому дети обязаны жизнью, оказались и источником для них разумной, нравственной и святой жизни. Для Авраама это было обычным правилом, как об этом свидетельствует Бог: «Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем господним, творя правду и суд» (Быт. 18, 19). Этого же Бог требует и от родителей, повелевая следующее: «Внушая слова мои детям твоим, и говори об них, сидя в доме твоем и идя дорогою, ложась и вставая» (Втор. 6, 7). А через апостола он говорит: «Отцы, не раздражайте детей ваших, а воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 4).

На помощь им, однако, даются школьные учителя.

2. Однако при многообразии людей и их занятий редко встречаются такие родители, которые могли бы сами воспитывать своих детей или по роду своей деятельности располагали бы необходимым для этого досугом. Поэтому давно уже практикуется порядок, при котором дети многих семей вверяются для обучения специальным лицам, обладающим знаниями и серьезностью характера. *Этих воспитателей юношества обыкновенно называют наставниками, учителями, школьными учителями, профессорами, а самые места, которые предназначены для общих совместных занятий, называют школами, учебными заведениями, аудиториями, коллегиями, гимназиями, академиями и пр.*

Происхождение и распространение школ.

3. По свидетельству Иосифа Флавия, первую школу открыл вскоре после потопа патриарх Сим, и она впоследствии была названа еврейской школой. Кому не известно, что в Халдее, особенно в Вавилоне, было много школ, в которых преподавались как другие науки, так и астрономия. Впоследствии (во времена Навуходоносора) обучались этой халдейской мудрости Даниил и его товарищи (Дан. 7, 22), так же как в Египте обучался Моисей (Деян. 7, 22).

А у израильтян, по повелению Божию, по городам возникали школы, называвшиеся синагогами; в них левиты обучали закону. Эти школы существовали до времен Христа и прославились проповедями его самого и его апостолов. От египтян заимствовали обычай создавать школы греки, и от них римляне, а от римлян этот похвальный обычай распространился по всей империи, особенно после распространения христианства, благодаря неусыпным заботам благочестивых князей и епископов. История свидетельствует, что Карл Великий при покорении какого-либо языческого народа немедленно назначал туда епископов и учителей и воздвигал храмы и школы. Его примеру следовали и другие христианские императоры, цари, князья и государственные власти и тем самым умножили число школ настолько, что они стали неисчислимыми.

Что школы наконец, нужно открывать везде, это объясняется:

4. *Для всякого христианского государства важно,* чтобы этот священный обычай не только удержался, но и распространялся, а именно, *чтобы во всяком благоустроенном человеческом общежитии (будь то город, местечко или деревня) была устроена школа как учреждение для совместного воспитания юношества.* Ведь этого требуют:

1. Надлежащим порядком, который должно соблюдать везде.

5. Похвальный порядок вещей. Ведь если глава семейства, сам не имея досуга для устройства всего, что ему нужно для хозяйства, приглашает различных ремесленников, то почему бы не быть такому же порядку и здесь? Когда ему нужна мука, он обращается к мельнику; когда нужно мясо — к мяснику; когда напитки — к виноторговцу; когда нужна одежда — к портному; ког-

да нужна обувь — к сапожнику; когда нужны здание, плуг, ключ и т.д. — к плотнику, каменщику, кузнецу, слесарю и пр. Мало того, для наставления взрослых в религии мы имеем храмы; для разбирательства судебных тяжб, для собраний народа и для его осведомления обо всем необходимом у нас есть судебные места и общинные сходы. Почему же не иметь для юношества школ? Ведь даже свиней и коров крестьяне не пасут каждый в отдельности, а держат для этого наемных пастухов, которые и обслуживают одинаково всех, между тем как сами крестьяне получают возможность заняться, не отвлекаясь, остальными своими делами. Это и есть прекраснейшее сбережение труда, когда один делает только одно, не отвлекаясь другими делами; именно таким способом каждый служит с пользою многим, а многие — каждому отдельному лицу.

2. Необходимостью. 6. Во-вторых, необходимость. Так как сами родители очень редко обладают надлежащей способностью обучать своих детей и редко имеют для этого достаточно досуга, то отсюда следует, что должны быть люди, которые бы по своей профессии занимались одним этим делом, и чтобы таким образом обслуживались нужды всей общины.

3. Пользой. 7. Если бы даже и были родители, которые могли бы посвятить себя воспитанию своих детей, то *все же более целесообразно образовывать юношей, собирая их вместе, так как больше получается пользы и удовольствия, когда работа одних служит примером и побуждением для других.* Ведь совершенно естественно делать то, что на наших глазах делают другие, и идти туда, куда идут другие, следовать за теми, кто впереди, и опережать тех, кто следует за ними.

> Радостно резвый уносится конь из открытого стойла.
> Есть и кого обогнать, есть и погнаться за кем.

Особенно детский возраст вообще побуждается и направляется к действию больше примерами, чем правилами. Если ты что-либо предписываешь детям, то это слабо к ним прививается, если же ты показываешь, как делают что-либо другие, то этому они подражают и без всяких приказаний <...>

NB *Школа — это учреждение для совместного обучения детей. Она удовлетворяет их потребность в общности сверстников, в разновозрастном общении, в социальном взаимодействии. Этот опыт имеет первостепенное значение для полноценного развития человека, особенно в детском возрасте. Из этого нетрудно догадаться о неоценимом значении школы для воспитания подрастающих поколений. В современной российской школе очень сильны тенденции децентрализации, разъединения, размежевания. Появилось много школ, работающих только в составе младших классов, гимназии функционируют без начального звена, лицеи вообще обучают только старшеклассников. Есть еще варианты. Когда-то единая полная средняя школа начинает «отпочковывать» от себя отдельные части, приобретающие потом самостоятельный статус. Хорошо это или плохо? Учить, ве-*

роятно, так удобнее, учебный процесс становится все более специализированным, профильным. С точки же зрения воспитания здесь больше проигрыша. Разрушаются разновозрастные общности детей и взрослых, в которых все могли удовлетворить свои потребности в старшем друге, в подопечном малыше. Сегодня семьи в основном малодетные. У многих нет ни братьев, ни сестер. Школьное общество компенсирует этот недостаток. Особо велика роль старшеклассников в воспитании детей и подростков.

Сегодня рвутся межпоколенческие связи не только в обществе, но и в школе. Жаль.

ГЛАВА X

Образование в школах должно быть универсальным

В чем же заключается все, чему нужно учить и учиться в школах.

1. Теперь нам нужно доказать, что в школах всех нужно учить *всему. Но этого нельзя понимать так, однако, как будто бы мы требовали от всех знания всех наук и искусств (особенно знания точного и глубочайшего).* Это ведь по существу дела бесполезно и, по краткости нашей жизни, ни для кого из людей невозможно. Ведь мы видим, что любая наука (физика, арифметика, геометрия, астрономия и пр., даже сельское хозяйство или садоводство) так глубоко и так широко развилась, что даже у самых выдающихся умов, если они желают заняться теоретическими размышлениями и опытами, она могла бы наполнить всю жизнь. Так, например, это и случилось у Пифагора с арифметикой, у Архимеда с механикой, у Агриколы с рудничным делом (металлургией), у Лонголия с риторикой (хотя последний стремился только к тому, чтобы стать совершенным цицероницем). Но во всяком случае необходимо заботиться и даже добиваться того, чтобы всех, явившихся в мир не только в качестве зрителей, но также и в качестве будущих деятелей, научить распознавать основания, свойства и цели важнейшего из всего существующего и происходящего, чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о чем бы они не имели возможности составить хотя бы скромного суждения и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно, без вредной ошибки.

NB *Сегодня при почти патологическом стремлении к дифференциации, разноуровневости, специализации и профилизации мысль об универсальности образования может показаться устаревшей. Нынче универсальность почти никому не нужна, скорее нужна накачка молодежи теми знаниями, которые в короткое время могут обеспечить деловой успех: иностранные языки, владение компьютером и знания прикладной экономики. Между тем идеал разносторонне образованного, гармонически развитого человека вынашивался человечеством столетиями. Убежден, что мы к нему еще вернемся.*

Именно в том, что касается образования всего человека.

2. Итак, во всех случаях без исключения нужно стремиться к тому, чтобы в школах, а отсюда благодаря школам и во всей жизни I. *При посредстве наук и искусств развивались природные дарования.*

II. *Совершенствовались языки.*

III. *Развивались благонравие и нравы в направлении всякой благопристойности согласно со всеми нравственными устоями.*

IV. Бог искренно почитался.

В мудрости, благоразумии, благочестии.

3. Ведь мудро сказал тот, кто сказал, что школы — *мастерские гуманности*, если они достигают того, что люди становятся действительно людьми, т.е. (возвращаясь к поставленным выше целям): I. Созданием разумным. II. Созданием, господствующим над всеми творениями (также и над самим собой). III. Созданием, которое является радостию своего Творца. Это будет происходить в том случае, если школы много потрудятся над тем, чтобы сделать людей мудрыми по уму, благонравными в своих действиях и благочестивыми сердцем.

Доказывается, что эти три качества не должны быть разрываемы:

4. Эти три качества поэтому нужно внедрять во всех школах всему юношеству. Это я докажу, взяв за основание:

I. Вещи, которыми мы окружены.

II. Нас самих.

III. Христа — богочеловека — как совершеннейший образец нашего совершенства.

1. Связью самих вещей.

5. Сами вещи, которые имеют к нам отношение, должны быть разделены на три группы. Некоторые, как небо и земля и то, что в них, представляют только предмет исследования, некоторые, как всюду распространенный дивный порядок, — предмет подражания, который постоянно повелевается человеку осуществлять в своих действиях; наконец, некоторые, как милость Божия и многократное его благоволение здесь и во веки, служат для наслаждения. Если ко всему этому человек должен быть подготовлен, то его нужно научить, во-первых, познавать то, что простирается пред ним при созерцании этого удивительного зрелища мира, во-вторых, научить тому, что он обязан делать, и, наконец, научить наслаждаться тем, что, точно в гостеприимном доме, подаст ему своей щедрой рукой всеблагой Творец[9].

2. Строением нашей души.

6. Если мы взглянем на самих себя (примем ли во внимание сущность нашей души, или цель нашего появления и вселения в мир), то равным образом обнаружим, что одинаково всех достоянием является образование, нравственность и благочестие.

7. *Сущность души составлена из трех способностей* (которые воспроизводят несотворенную троицу): *разума, воли и памяти*. Разум направляется на наблюдение различий между вещами (вплоть до малейших мелочей), воля стремится к отбору полезных вещей и к

отстранению вредных, а память хранит для будущего использования то, чем когда-либо занимались разум и воля, и напоминает душе о ее зависимости от Бога и об ее обязанностях, в этом последнем отношении память называется также совестью[10]. Чтобы эти способности могли с успехом проявлять (выполнять) указанные свойства (свои обязанности), совершенно необходимо снабдить их тем, что просвещало бы разум, направляло бы волю, пробуждало бы совесть, благодаря чему разум проницательно познавал бы вещи, воля безошибочно делала отбор всего, а совесть четко устремляла бы все к Богу. Следовательно, как нельзя отрывать друг от друга эти три способности (разум, волю и совесть), так как они составляют единую душу, так не следует разрывать и три украшения души: образованность, добродетель и благочестие.

Целью нашего ниспослания в мир.

8. Далее, если мы поразмыслим, зачем мы посланы в мир, то будет ясно, что цель эта вдвойне троякая, а именно: чтобы служить Богу, его творениям и себе и наслаждаться радостью, проистекающей от Бога, его созданий и от нас самих.

1) Чтобы служить Богу, ближним и себе самим.

9. Если мы хотим служить Богу, ближним и себе самим, то по отношению к Богу нам нужно иметь благочестие, по отношению к ближним — нравственность и в отношении нас самих — знание. Правда, все это так тесно связано между собой, что как человек по отношению к себе самому должен быть не только благоразумным, но и нравственным и благочестивым, так и ко благу ближнего должны служить не только добрые нравы, но и знание и благочестие, а славе Божией должны содействовать не только благочестие, но и знание, и добрые нравы.

2) Чтобы пользоваться тройным наслаждением, проистекающим

10. Что касается наслаждения, то Бог при сотворении засвидетельствовал, что оно предназначено для человека, так как ввел его в мир, уже украшенный всеми благами, и, сверх того, создал для него рай блаженства и, наконец, постановил сделать его участником своего блаженства.

11. А наслаждение нужно понимать не физическое (хотя и оно, будучи не чем иным, как крепостью здоровья, удовольствием от пищи и сна, может проистекать не из чего иного, как только от добродетели умеренности), а духовное, которое проистекает или от вещей, нас окружающих, или от нас самих, или, наконец, от Бога.

а) От самих вещей;

12. Наслаждение, проистекающее от самих вещей, есть то удовольствие от размышлений, которое испытывает мудрец. Ведь чем бы он ни занимался, что бы ни представлялось его взору, на что бы он ни обращал свое размышление, всюду и во всем этом он находит прелести, доставляющие ему столь большое удовольствие, что часто он, как бы вне себя от увлечения, забывает о себе самом. Об этом именно и свидетельствует книга «Премудрости»: «В обращении

мудрости нет суровости, ни в сожитии с нею — скорби, но веселие и радость» (Премудр. 8, 16). А языческий мудрец говорит: «Нет ничего в жизни приятнее, как философствовать»[11].

б) От себя самих; 13. Удовольствие, получаемое от самого себя, представляет то величайшее наслаждение, которое испытывает человек, отдавшийся добродетели, радуясь своему внутреннему доброму расположению. Он сознает себя готовым выполнять все, чего требуют правила справедливости. Эта радость гораздо больше, чем первая: чистая совесть — непрерывный пир.

в) От Бога. 14. Наслаждение в Боге есть наивысшая ступень радости в этой жизни. Чувствуя вечное милосердие к себе Бога, человек так восторгается его отеческой и неизменной милостью, что сердце его от любви к Богу тает и он не знает, что ему более совершать или чего желать, кроме того, чтобы, поручая всего себя милосердию Божию, сладостно пребывать в покое и наслаждаться предвкушением вечной жизни. Это то превышающее всякое разумение спокойствие в Боге (Филип. 4, 7), выше которого ничего нельзя ни пожелать, ни помыслить. Итак, есть три качества: образование, добродетель, благочестие — три источника, из которых вытекают все источники самых совершенных наслаждений.

3. Примером Христа — нашего образца. 15. Наконец, Бог, явившийся во плоти (для того, чтобы явить в себе образ и закон всего), своим примером научил, что эти три качества должны быть у всех вместе и у каждого в отдельности. Ведь евангелист свидетельствует, что он, преуспевая в возрасте, вместе с тем преуспевал в премудрости и любви у Бога и человеков (Лук. 2, 52). Вот где счастливая троица наших украшений. Ведь что такое мудрость, если не познание всех вещей так, как они есть? Что вызывает любовь у людей, если не добрые нравы? А что привлекает к нам милость Божию, если не страх перед Господом, т.е. внутреннее, серьезное и пламенное благочестие? Итак, восчувствуем в себе то, что есть во Христе Иисусе, который является абсолютнейшей идеей всякого совершенства, с которой нам подобает согласоваться.

16. Ибо поэтому и сказал он: «Научитесь от Меня» (Матф. 11, 29). И так как Христос был дан человеческому роду как просвещеннейший учитель, святейший жрец, могущественнейший царь, то ясно, что христиан должно формировать по примеру Христа и делать их просвещенными по уму, святыми по влечению совести, мощными по делам (каждому в своем призвании). Итак, школы наши будут подлинно христианскими лишь тогда, если сделают нас возможно более подобными Христу.

Несчастный разлад. 17. Поэтому является несчастным разладом, если в чем-нибудь эти три качества не связаны непрерывными узами. Несчастно то образование, которое не переходит в нравственность и благочестие. Ведь что такое образо-

вание без нравственности? *Кто успевает в науках, а отстает в добрых нравах* (старинная поговорка), *тот скорее отстает, чем успевает.* Следовательно, что сказал Соломон о красивой, но отвергающей разум женщине, то же можно сказать об образованном, но безнравственном человеке: «Что золотое кольцо в носу свиньи, то образование у человека, который отвращается от добродетелей» (Притч. 11, 5). Как драгоценные камни оправляются не свинцом, а золотом, придающим им больший блеск, так знание должно соединяться не с распущенностью, а с добродетелью, и тогда оно увеличит и свой блеск, и блеск добродетели. А где к тому же присоединится истинное благочестие, там осуществится совершенство. Ибо страх Господень является как началом и концом мудрости, так — равным образом — завершением и венцом знания, так как полнота премудрости есть страх Господень (Притч. 1; Сир. 1 и др.).

Заключение.

18. Словом, так как от детского возраста и воспитания зависит вся последующая жизнь, то цель не будет достигнута, если души всех не будут подготовлены заранее ко всему, что предстоит в жизни. Итак, подобно тому, как в чреве матери у каждого будущего человека образуются одни и те же члены, и притом у каждого человека все: руки, ноги, язык и пр., хотя не все должны быть ремесленниками, скороходами, писцами, ораторами, — так и в школе всех должно учить всему тому, что касается человека, хотя впоследствии одним будет более полезно одно, а другим — другое <...>

ГЛАВА XII

Школы можно преобразовать к лучшему

Следует ли лечить застарелые болезни?

1. Излечить застарелые болезни трудно, тяжело и считается почти невозможным. Однако, если бы кто-нибудь нашелся, кто обещал бы их излечить, неужели больной отверг бы это? Разве больной не пожелал бы, чтобы как можно скорее было применено лечение, особенно если он чувствовал бы, что врач руководится не легкомыслием, а прочным основанием? Итак, в нашем смелом предложении нам нужно добиваться того, чтобы, во-первых, стало ясным то, что мы обещаем, а во-вторых, на каком основании.

Что мог бы предложить здесь и обещать автор?

2. *Мы же обещаем такое устройство школ, благодаря которому*

I. *Образование должно получать все юношество, за исключением разве тех, кому Бог отказал в разуме.*

II. *Юношество обучалось бы всему тому, что может сделать человека мудрым, добродетельным, благочестивым.*

III. *Как подготовка к жизни, это образование должно быть закончено еще до наступления зрелости.*

IV. *Это образование должно происходить весьма легко и мягко, как бы само собою — без побоев и суровости или какого-либо принуждения* <...>

Шесть типов врожденных способностей.

18. Тут как раз представляется случай напомнить кое-что о различии способностей, а именно: *у одних способности острые, у других — тупые, у одних — гибкие и податливые, у других — твердые и упрямые, одни стремятся к знаниям ради знания, другие увлекаются механической работой.* Из этого трижды двойного рода способностей возникает шестикратное сочетание их.

NB ***Рассуждения о шести типах способностей не оставляют места неверию в ученика. Практически получается, что неспособных учеников нет. Просто с помощью индивидуально ориентированного подхода педагог «раскапывает» в каждом воспитаннике свою изюминку.***

19. Во-первых, есть ученики с острым умом, стремящиеся к знанию и податливые; они, преимущественно пред всеми другими, особенно способны к занятиям. Им ничего не нужно, кроме того, чтобы предлагалась научная пища; растут они сами, как благородные растения. Нужно только благоразумие, чтобы не позволять им слишком торопиться, чтобы раньше времени они не ослабели и не истощились.

20. Во-вторых, есть дети, обладающие острым умом, но медлительные, хотя и послушные. Они нуждаются только в пришпоривании.

21. В-третьих, есть ученики с острым умом и стремящиеся к знанию, но необузданные и упрямые. Таких обыкновенно в школах ненавидят и большей частью считают безнадежными; однако, если их надлежащим образом воспитывать, из них обыкновенно выходят великие люди. В качестве примера история дала великого афинского полководца Фемистокла, который в юности был неукротимого нрава (так что учитель ему говорил: «Ты, дитя, не будешь посредственностью; ты принесешь государству или великое благо, или великое зло»). Когда впоследствии удивлялись тому, что характер его изменился, он обыкновенно говорил: «Неукротимые молодые лошади становятся прекрасными, если к ним применяется правильное обучение». Это оправдалось на Буцефале Александра Великого. Ибо когда Александр увидел, что его отец Филипп считает негодным коня из-за его исключительной дикости, так как тот не подпускал к себе ни одного наездника, он сказал: «Какого коня они губят из-за неумения им воспользоваться!» И когда он, не прибегая к ударам, удивительно искусно обошелся с конем, то добился того, что не только тогда, но и впоследствии Буцефал постоянно носил на себе Александра, и во всем мире нельзя было найти коня более благородного и более достойного такого героя. Передавая этот рассказ, Плутарх прибавляет: *«Пример этого коня указывает нам на то, что много отличных природных дарований гибнет по вине наставников, которые коней обращают в ослов, не умея управлять возвышенными и свободными существами».*

22. В-четвертых, есть ученики послушные и любознательные при обучении, но медлительные и вялые. И такие могут идти по

стопам идущих впереди. Но для того чтобы сделать это для них возможным, нужно снизойти к их слабости, никогда не переобременять их, не предъявлять к ним слишком строгих требований, относясь к ним доброжелательно и терпеливо, или помогать, ободрять и поддерживать их, чтобы они не падали духом[12]. Пусть они позднее придут к цели, зато они будут крепче, как бывает с поздними плодами. И как печать с большим трудом оттискивается на свинце, но держится дольше, так и эти ученики в большинстве случаев более жизненны, чем даровитые, и раз они что-либо усвоили, они не так легко забывают. Поэтому их не следует устранять из школ.

23. В-пятых, есть ученики тупые и, сверх того, равнодушные и вялые. Их еще можно исправить, лишь бы только они не были упрямыми. Но при этом требуется великое благоразумие и терпение.

24. На последнем месте стоят ученики тупые, с извращенной и злобной натурой: большей частью эти ученики безнадежны, однако известно, что в природе для всего испорченного есть противодействующие средства и бесплодные от природы деревья при правильной посадке становятся плодоносными. Поэтому вообще не следует отчаиваться, а нужно добиваться устранить у таких учеников, по крайней мере, упрямство. Если этого достигнуть не удастся, тогда только можно бросить искривленное и суковатое дерево, из которого ты напрасно будешь надеяться создать Меркурия. Почву бесплодную, говорит Катон, не следует ни обрабатывать, ни трогать. Однако среди тысяч едва ли найдется хоть одна столь выродившаяся натура; это-то и служит замечательным доказательством Божией благости.

25. Сущность сказанного сводится к следующему высказыванию Плутарха: *«Какими дети рождаются, это ни от кого не зависит, но чтобы они путем правильного воспитания сделались хорошими — это в нашей власти»*. Да, в нашей власти, говорит он. Так садовник из любого живого корня выращивает дерево, применяя в необходимых случаях именно свое искусство посадки.

Четырьмя способами доказывается, что ко всем способностям можно, однако, подходить с одним и тем же искусством и методом.

26. Четыре следующих доказательства показывают, что все юношество со столь различными способностями можно воспитывать и образовывать одним и тем же методом.

27. Во-первых, всех людей следует вести к одним и тем же предметам мудрости, нравственности и благочестия.

28. Во-вторых, как бы ни отличались люди друг от друга способностями, все они обладают одной и той же человеческой природой, снабженной одними и теми же органами.

29. В-третьих, указанное различие способностей есть не что иное, как отступление от естественной гармонии или недостаток ее, точно так же как болезни тела выражаются в излишках влажности или сухости, теплоты или холода. Например, что такое острота ума, как не тонкость и подвижность жизненного духа в мозгу, чрезвычайно стремительно распространяющаяся через ор-

ганы чувств и с величайшей поспешностью проникающая в представляющиеся вещи? Если эта быстрота не сдерживается в какой-либо степени разумом, то дух рассеивается, а мозг остается или ослабленным, или тупым; итак, рано развивающиеся умы большей частью или уносятся преждевременной смертью, или тупеют. Наоборот, что такое тупость ума, если не неповоротливость и затмение жизненного духа в мозгу? Вследствие более частого движения темнота духа по необходимости рассеивается и светлеет. А что такое, спрашиваю я, дерзость и упрямство, как не излишняя подвижность сердца, не склоняющегося к уступчивости? Ее поэтому нужно смягчать дисциплиною. А что такое вялость, если не чрезмерная слабость сердца, нуждающаяся в укреплении? Поэтому, как для тела наиболее подходящим лечением является не то, которое применяет противоположные средства (так как это вызывает более ожесточенную борьбу), а то, которое смягчает противоположность так, чтобы в одной части не было в чем-либо недостатка, а в другой — излишка; точно так же при недостатках человеческого духа наилучшим методом будет лечение, при котором умеряются излишества и недостатки дарований и все приводится в гармонию и приятную согласованность. Вследствие этого наш метод приспособлен к средним способностям (которые всего чаще встречаются), чтобы сдерживать преждевременное истощение наиболее даровитых и подгонять вялых.

30. Наконец, при указанных недостатках и уклонениях способностей скорее можно помочь, пока они новы. Как на войне, пока бой происходит в правильном порядке, новобранцы смешиваются со старыми солдатами, слабые — с крепкими, ленивые — с подвижными, и все сражаются под одними и теми же знаменами, по одним и тем же приказам, а после победы каждый преследует врага, пока хочет и может, забирает добычу по желанию, — так и в этом научном походе необходимо, чтобы более медленные смешивались с более быстрыми, более тупые с более умными, упрямые с послушными и учились бы по одним и тем же правилам и примерам до тех пор, пока нуждаются в руководстве. По окончании же школы пусть каждый изучает и усваивает науки с той быстротой, с какой может.

С какою мудростью должно действовать при смешении способностей различного характера.

31. Указанное смешение я понимаю не столько в отношении места занятий, но в гораздо большей степени в отношении оказания помощи: кого учитель признает более способным, к тому же он присоединяет для обучения двух или трех отстающих; тому, у кого хороший характер, он вверяет для наблюдения и управления учеников худшего нрава. Таким образом будет проявлена прекрасная забота о тех и других; при этом, конечно, учитель должен будет следить за тем, чтобы все делалось разумно. Но, пожалуй, пора уже приступить, наконец, к разъяснению самого дела.

ГЛАВА XIII

Основою преобразования школ является точный порядок[13] во всем

NB *Раздумья о порядке не стоит понимать буквально. Скорее это стремление к системе, где каждый компонент, имея свое значение и место, связан с другими частями системы. Строго говоря, любая школа — это социально-педагогическая система, и чем в большей степени она является таковой, тем лучше.*

Повадок — душа вещей.

1. Если бы мы обратили внимание на то, что, собственно, сохраняет в устойчивом состоянии всю эту вселенную со всеми ее мельчайшими вещами, то не нашли бы ничего, решительно ничего иного, кроме порядка, т.е. размещения вещей предшествующих и последующих, верхних и нижних, больших и малых, схожих и несхожих в соответствии с местом, временем, числом, мерой и весом, надлежащими и соответствующими каждой вещи. Кто-то метко и верно сказал, что *порядок есть душа вещей.* Ведь все, что приведено в порядок, сохраняет свое положение и целость до тех пор, пока удерживает порядок. Если порядок нарушен, то все ослабевает, колеблется, расшатывается, падает. Это ясно из примеров природы и искусства. Действительно:

Это поясняется примерами:
1. Мира.

2. Чем, спрашиваю я, достигается то, что мир отличается стройностью и существует во всей своей полноте? Конечно, тем, что каждое создание весьма строго держится в своих пределах согласно предписанию природы. Этим сохранением порядка, в частности, сохраняется и порядок вселенной.

2 Небесной тверди.

3. Чем достигается столь точное и без всякого замешательства чередование различных *промежутков времени*, годов, месяцев и дней? Только неизменным порядком небесной тверди.

3. Тонкой работы маленьких живых существ.

4. Что даст возможность *пчелам, муравьям, паукам* производить работу такой точности, что человеческий ум находит в ней больше чему удивляться, чем подражать? Не что иное, как врожденное искусство соблюдать в действиях порядок, число, меру.

4. Человеческого тела.

5. Чем достигается то, что *человеческое тело* является столь удивительным органом, вполне достаточным для бесчисленных действий, хотя этот орган наделен не бесчисленными средствами, т.е. что немногими членами, из которых он состоит, можно выполнять изумительные по своему разнообразию дела и не требуется каких-либо дополнительных членов или изменений в них? Это достигается, конечно, благоразумнейшей пропорцией всех членов как внутри самих себя, так и в отношении друг к другу.

5. Нашего ума.

6. Чем достигается то, что единственный данный нашему телу ум, управляя стольки-

ми действиями, является достаточным для всего тела? Только порядком, благодаря которому все члены связаны постоянными связями и по мановению первого движения, исходящего от ума, легко приводятся в соответствующее действие.

6. Мудро управляемого царства.

7. Чем объясняется, что один человек, царь или император, может управлять целыми народами и, несмотря на то что сколько голов, столько и умов, все, однако, осуществляют намерения его одного? И если он хорошо ведет дело, все неминуемо идет хорошо. Это происходит только благодаря порядку, по которому все связаны узами законов и подчинения <...>

ГЛАВА XVI

Общие требования обучения и учения, т.е. как учить и учиться наверняка, чтобы не мог не последовать положительный результат

Рост вещей в природе происходит сам собой.

1. У евангелиста имеется прекрасная притча господа нашего Иисуса Христа. «Царствие Божие, — сказал он, — таково, как если бы человек бросал в землю семя и спал бы и вставал бы ночью и днем и сам не знал бы, каким образом семя прозябает и растет. Ибо земля сама собой приносит плод: сперва всходы, затем колос, а затем полное зерно в колосе. Когда же плод созреет, посылает он жнецов и пр.» (Марк, 6, 26).

Таким же образом должно происходить и в искусстве.

2. Здесь Спаситель показывает, что Бог есть тот, кто творит все во всем; человеку он предоставляет лишь воспринимать верным сердцем семена учения, причем до некоторой степени сам сеятель не будет замечать того, как все будет произрастать и созревать само собой. Поэтому и на воспитателях юношества лежит не что иное, как обязанность умело сеять в душах семена наук и осмотрительно орошать растеньица Божий; успех и рост явятся свыше.

Удачность наслаждения поддерживается искусством.

3. А кто не знает, что для посева и насаждения требуется некоторое искусство и опытность? Ведь у неопытного садовника, засевающего сад растениями, бо́льшая часть растений обыкновенно погибает, а если что вырастает счастливо, то это происходит скорее благодаря случаю, чем искусству. Предусмотрительный же садовник действует искусно, хорошо зная, что, где, когда и как нужно делать или не делать, так что у него ни в чем не бывает неудачи. Конечно, иногда неудача постигает даже опытных людей (так как едва ли возможно человеку выполнять все так же тщательно, чтобы нигде не допустить какой-либо ошибки), однако речь идет сейчас не о предусмотрительности и случайности, а об искусстве предупреждать случайность предусмотрительностью.

Метод обучения должен быть превращен в искусство.

4. До сих пор метод наставления был до такой степени неопределенным, что едва ли кто-нибудь решился бы сказать: «В течение стольких и стольких-то лет этого юношу я доведу до того-то, обучу его так-то и так». Поэтому нам нужно будет рассмотреть, можно ли это искусство духовного насаждения поставить на столь твердые основы обучения, чтобы оно наверняка шло вперед и не обманывало в своих результатах.

И это на основании параллелизма естественного и искусственного.

5. Но так как это основание может состоять лишь в том, чтобы действия этого искусства как можно старательнее приспособить к нормам действий природы (как мы видели в главе XIV), то исследуем пути природы на примере птицы, выводящей птенцов. Рассматривая, как, следуя по стопам природы, удачно подражают ей садовники, художники, строители, мы легко увидим, каким образом должны подражать ей и образователи юношества.

И почему так?

6. Если кому-либо это покажется слишком низким, известным, обыкновенным, тот пусть вспомнит, что мы теперь стремимся к тому, чтобы из повседневных и известных явлений, которые успешно совершаются в природе и искусстве (вне школы), мы могли вывести менее известные, требуемые нашей целью. И несомненно, если известно, откуда мы черпаем идею наших правил, то тем очевиднее будут и наши заключения.

Основоположение природы I

NB ***Принцип природосообразности понимается Я.Коменским почти буквально. Он все время предлагает учиться у природы, внимательно наблюдать за проявлениями ее мудрости и гармонии. Через всю книгу проходят образы яйца, птицы и сада. Постоянными героями автора являются садовник, строитель и учитель. Решая любую педагогическую проблему, автор смотрит вначале, как она разрешена природой.***

Ничто не предпринимается несвоевременно.

7. Природа тщательно приспособляется к удобному времени. Например, *птица*, намереваясь размножать свое поколение, приступает к этому делу не зимою, когда все сковано морозом и окоченело, и не летом, когда от жары все раскаляется и слабеет, и не осенью, когда жизненность всего вместе с солнцем падает и надвигается зима, опасная для птенцов, но весною, когда солнце всему возвращает жизнь и бодрость. И вместе с тем она наступает постепенно. Пока стоит еще холодная погода, птица производит яйца и согревает их внутри организма, где они предохранены от холода; когда воздух становится более теплым, она кладет их в гнездо, и, наконец, при наступлении еще более теплой погоды она выводит птенцов, чтобы нежнейшие существа постепенно привыкали к свету и теплу.

Правильное подражание этому в садах и в архитектуре.

8. Так же и *садовник* обращает внимание на то, чтобы все делать только в свое время. Он не сажает растений ни зимой (так как сок в это время остается в корне и не поднимается для питания саженца), и ни летом (потому что сок уже распределен по ветвям), и ни осенью (так как сок устремляется к корню), но весною, когда сок начинает распространяться из корня и оживлять верхние части дерева. И впоследствии он должен знать удобное время для всего, что должно делать с деревцами, т.е. время для унаваживания, подрезывания, окапывания и пр.; даже и самое дерево имеет определенное время для пускания ростков, для цветения, для распускания листьев, для созревания плодов и пр. Не иначе поступает и предусмотрительный архитектор; он считает необходимым выбирать удобное время для рубки леса, обжигания кирпичей, закладки фундамента, возведения стен и штукатурки их и т.п.

Двойное уклонение в школах от этой идеи.

9. Против этой основы в школах допускаются ошибки двоякого рода:

I. *Не избирается надлежащее время для умственных упражнений.*

II. *Не располагают упражнения так тщательно, чтобы все шло вперед в естественной последовательности, безошибочно.*

Пока мальчик еще мал, учить его нельзя, так как корень познания лежит у него еще глубоко. Учить человека в старости слишком поздно, так как познавательная способность и память уже ослабевают. В среднем возрасте учить затруднительно, так как с трудом можно объединить умственную деятельность, рассеянную по различным предметам. Следовательно, нужно пользоваться юным возрастом, пока сила жизни и разума находится на подъеме; тогда все воспринимается легко и пускает глубокие корни.

Тройное исправление.

10. Итак, мы делаем заключение:

I. *Образование человека нужно начинать в весну жизни*, т.е. в детстве, ибо детство изображает собою весну, юность — лето, возмужалый возраст — осень и старость — зиму.

II. *Утренние часы для занятий наиболее удобны* (так как опять утро соответствует весне, полдень — лету, вечер — осени, а ночь — зиме).

III. Все, подлежащее изучению, должно быть распределено сообразно ступеням возраста так, чтобы предлагалось для изучения только то, что доступно восприятию в каждом возрасте <...>

Основоположение VII

Все постепенно, и никаких скачков.

46. Природа не делает скачков, а идет вперед постепенно. Так, *образование птички* имеет свои ступени, которые не могут быть ни обойдены, ни переставлены, пока птенец, вырвавшись из своей скорлупы, не выйдет наружу. Когда это произойдет, то мать птенца не заставляет его немедленно летать и искать корма (так как он еще не в силах это делать), но кормит его сама и, согревая по-

ка собственной теплотой, помогает его оперению. Когда он оперится, то не сейчас же она выгоняет его из гнезда для летания, а заставляет постепенно упражняться, сперва расправлять крылья в самом гнезде, затем размахивать ими, поднимаясь над гнездом, а вскоре пробовать летать и вне гнезда, однако на близком расстоянии, потом перелетать с ветки на ветку, с дерева на дерево, а там уже с горы на гору; таким образом, наконец, спокойно вверяет она его небу. И каждая из отдельных этих ступеней требует для себя определенного времени, и не только времени, но и постепенности, и не только постепенности, но и неизменного порядка.

Подражание. 47. Так подвигается вперед и тот, кто строит дом. Он начинает не с крыши и не со стен, а с фундамента. А заложив фундамент, не покрывает его крышей, а воздвигает стены. Словом, *как в природе все сцепляется одно с другим, так и в обучении нужно связывать все одно с другим именно так, а не иначе.*

48. Так, *садовнику* нужно соблюдать постепенность в своих работах: необходимо, говорю я, выбирать корень, выкапывать его, пересаживать, подрезывать, делать надрезы, прививать черенок, замазывать щели и пр.; ничего из этого нельзя опустить, ничего нельзя производить ранее другого. И когда все это делается закономерно, в порядке постепенности, то в деле следуют удачи и едва ли может произойти неудача.

Отклонение. 49. Следовательно, получаются явные нелепости, когда учителя не распределяют занятий для себя и учеников таким образом, чтобы одно не только постепенно следовало за другим, но и так, чтобы каждая работа по необходимости заканчивалась в определенный срок, ибо, не установив задач и средств для их достижения и порядка использования этих средств, легко что-либо пропустить, извратить, запутать дело.

Исправление. 50. А потому, сообразно с этим

I. *Вся совокупность учебных занятий должна быть тщательно разделена на классы так, чтобы предшествующее всегда открывало дорогу последующему и освещало ему путь.*

II. *Время должно быть распределено с величайшей точностью так, чтобы на каждый год, месяц, день, час приходилась своя особая работа.*

III. *Распределение времени и работ необходимо соблюдать точно, чтобы ничто не было пропущено и извращено.*

NB ***Распределение учебного материала во времени и в пространстве с точным определением его объема и характера преподавания в каждый данный момент — это признак не только хорошей организации учебного процесса, но и вообще высокой педагогической культуры. К сожалению, эти прописные истины сегодня нуждаются в напоминании, ибо есть немало педагогов, школ, органов образования, которые по конъюнктурным соображениям начиная какую-либо новацию, не знают, чем она кончится. Неумение точно рассчитать окончание начатой работы нередко заводит ее в тупик или вынуждает в разгаре эксперимента отказываться от него. Такой подход губителен для образования.***

До окончания дела не следует останавливаться.

51. Начав что-либо, природа не останавливается, пока не доведет дело до конца.

Птица, например, начиная по природному инстинкту высиживать яйца, не прекращает этого, пока не выведутся птенцы. Если бы она перестала сидеть хотя бы несколько часов, остывший зародыш погиб бы. Даже когда птенцы выведутся, птица не перестает их согревать до тех пор, пока не окрепнут и не покроются перьями и не будут в состоянии переносить действие воздуха.

Подражание.

52. Так же и *художник*, начав писать картину, поступит лучше всего, если будет продолжать дело без перерыва. Ведь тогда и краски лучше согласуются одна с другой и держатся крепче.

53. По той же самой причине всего лучше без перерыва доводить до конца строение здания. Иначе солнце, дождь, ветры разрушат работу, и все, что придется прибавить впоследствии, не так прочно держится, словом, вся постройка получает повреждения, трещины и становится непрочной.

54. Разумно поступает также *садовник*, когда он, принявшись за посадку растений, не прерывает его, пока не завершит дела, иначе с течением времени влага ствола или черенка высохнет, а тогда засохнет и все растение.

Отклонение.

55. Из всего этого ясно, что нельзя без ущерба для дела отвлекать на другие занятия детей, помещенных на месяцы и годы в школы. Равным образом вредно, когда учитель с учениками берется то за одно, то за другое, не доведя ничего серьезно до конца. Вредно, наконец, если он не назначает на каждый час определенной задачи и не выполняет ее в положенное время так, чтобы вообще всякий раз было заметно продвижение вперед. Где недостает подобного огня, там все застывает. И недаром советуют ковать железо, пока оно горячо, так как если позволить ему остыть, то излишне бить по нему молотом; необходимо будет снова его раскалить, и это повлечет потерю как времени, так и железа: ведь каждый раз, как кладут его в огонь, оно теряет некоторую часть своего вещества.

Исправление.

56. Следовательно,

I. *Отданный в школу ребенок должен оставаться в ней до тех пор, пока он не станет образованным, нравственным и религиозным человеком.*

II. *Школа должна находиться в спокойной местности, удаленной от шума и развлечений.*

III. *То, что предназначено к выполнению в соответствии с предначертанным планом, должно быть выполнено без всякого перерыва.*

IV. *Никому, ни под каким предлогом не следует позволять пропускать занятия и уклоняться от уроков.*

Нужно избегать противоречий.

57. Природа тщательно избегает всего противоречивого и вредного. В самом деле, *птица*, высиживая яйца, охраняет их от резкого ветра, дождя или града. Она отгоняет змей, хищных птиц и всех других врагов.

Подражание.

58. Так, *строитель*, насколько возможно, сохраняет лес, кирпичи, известь в сухом месте и не позволяет разорять или разрушать то, что уже выстроено.

59. Подобным образом *художник* охраняет только что выполненную картину от холодного ветра, сильного жара, от пыли и от прикосновения руками.

60. *Садовник* ограждает молодое растение кольями или плетнем, чтобы не обглодали или не вырвал его козел или заяц.

Отклонение.

61. Поэтому *неразумно сообщать юношеству в самом начале какого-либо занятия нечто противоречивое, т.е. возбуждать сомнение в том, что должно быть изучено.* Разве это не то же самое, что расшатывать молодое растение, которое собирается пустить корни? Чрезвычайно верно сказал Гуго: «Никогда не познает основания истины тот, кто начнет обучаться с обсуждения спорных вопросов». Также неразумно, если юношество не охраняется от безнравственных, ошибочных, запутанных книг, а равно и от дурного товарищества.

Исправление.

62. Итак, нужно заботиться о том, чтобы:

I. *Учащиеся не получали никаких других книг, кроме тех, которые приняты в соответствующем классе.*

II. *Эти книги были составлены так, чтобы их по справедливости и заслуженно можно было назвать источниками мудрости, добродетели и благочестия.*

III. *В школе и вне школы не было терпимо дурное товарищество.*

Заключение.

Если все это тщательно соблюдать, то едва ли возможно, чтобы школы не достигли своей цели.

ГЛАВА XVII

Основы легкости обучения и учения

Недостаточно уметь что-нибудь делать, нужно стремиться к легкости.

1. Итак, мы рассмотрели, какими средствами воспитатель юношества может верно достигнуть своей цели. Теперь посмотрим, каким образом те же самые средства нужно приспособить к врожденным способностям, чтобы можно было применять их *легко* и *приятно*.

Оснований для этого десять.

2. Но очевидно, что, идя по стопам природы, обучение юношества будет происходить *легко*, если

I. *Приступить к нему своевременно, прежде чем ум подвергнется испорченности.*

II. *Оно будет протекать с должной подготовкой умов.*

III. *При обучении будут идти от более общего к более частному.*

IV. *От более легкого к более трудному.*

V. *Никто не будет обременен чрезмерным количеством подлежащего изучению материала.*

VI. *Во всем будут двигаться вперед не спеша.*

VII. *Умам не будут навязывать ничего такого, что не соответствует возрасту и методу обучения.*

VIII. *Все будет передаваться через посредство внешних чувств.*

IX. *Для непосредственной пользы.*

X. *Все постоянно одним и тем же методом.*

Так, говорю я, следует поступать, чтобы все протекало легко и приятно. Но последуем теперь по стопам самой природы.

Основоположение I

Материал берется чистый.

3. Природа никогда не использует негодного.

Птица, например, берет для высиживания только свежие яйца, содержащие чистейшее вещество; если птенец уже раньше начал формироваться, то напрасно было бы ожидать успеха.

Подражание.

4. Так и *строитель*, намереваясь строить здание, нуждается в свободной площади; если же ему нужно строить на месте прежнего здания, то он должен предварительно его разрушить.

5. Так же и *живописец* пишет лучше всего на чистой доске. Если же она уже разрисована, или запачкана, или испорчена какой-либо шероховатостью, то сперва ее следует вычистить и отполировать.

6. Так и тот, кто хранит драгоценные мази, нуждается в чистых сосудах или, по крайней мере, в тщательно очищенных от находившейся в них раньше жидкости.

7. Так *садовник* с наибольшим успехом сажает молодые деревца; если же он сажает уже подросшие, то ему придется сперва освободить их от старых ветвей, чтобы устранить возможность распространения сока в другом направлении. Вот почему Аристотель относит устранение ненужного к началам вещей, видя невозможность придать материи новую форму, не уничтожив прежней.

Отклонение.

8. Отсюда следует, что, во-первых, всего лучше воспринимают учение мудрости молодые умы, еще не привыкшие отвлекаться к другим занятиям, и чем позже начинается образование, тем с большим трудом оно продвигается вперед, так как ум уже занят другим. Во-вторых, не может мальчик с пользой для себя одновременно обучаться у многих учителей, так как едва ли возможно, чтобы все придерживались единой формы обучения; следствием этого бывает рассеянность в нежных умах и задержка в их развитии. В-третьих, неосмотрительно поступают в том случае, когда, принимаясь за формирование более взрослых мальчиков и юношей, не начина-

ют с воспитания благонравия, чтобы, обуздав их страсть, сделать учеников восприимчивыми ко всему прочему.

Укротители коней сперва обуздывают коня железными удилами и добиваются повиновения, а потом обучают его той или иной поступи. Следовательно, правы Сенека, говоря: «Сперва учись хорошим нравам, а потом мудрости, которая без хороших нравов усваивается плохо», и Цицерон: «Нравственная философия подготовляет умы для восприятия посева» и пр.

Исправление. 9. Следовательно, I. *Образование юношества должно начинаться рано.*

II. *У одного и того же ученика по одному и тому же предмету должен быть только один учитель.*

III. По воле воспитателя прежде всего должны быть приведены в гармонию нравы.

Основоположение II

Материя стремится принять необходимую форму. 10. Природа так располагает материю, чтобы она стремилась к форме.

Так, *птенец*, уже достаточно сформировавшийся в яйце, стремясь к более полному совершенству, начинает сам двигаться и разрывает скорлупу или разбивает ее клювом. А освободившись из заключения, с радостью согревается у матери, охотно питается и жадно раскрывает рот, глотает положенный в него корм, с удовольствием направляется к созерцанию неба, радуется упражнению в летании и, немного спустя, летает — словом, жадно, хотя и постепенно, стремится ко всему, к чему влечет его природное побуждение.

Подражание. 11. Так, *садовник* считает нужным позаботиться о том, чтобы растение, получив необходимую влагу и жизненную теплоту, благополучно росло.

Отклонение. 12. *Плохую поэтому заботу о детях проявляют те, кто насильно принуждает их учиться.* В самом деле, чего надеются этим достигнуть? Если едят без аппетита, вводя при этом все-таки в желудок пищу, то в результате это вызовет только тошноту и рвоту и, по меньшей мере, плохое пищеварение, нездоровье. Напротив, если еда вводится в желудок под влиянием чувства голода, то он воспринимает ее с удовольствием, хорошо переваривает и успешно обращает в сок и кровь. Поэтому и говорят Исократ: «Если будешь любить знание, будешь много знать»[14] и Квинтилиан: «Стремление к учению определяется волею, принудить которую нельзя»[15].

Исправление. 13. Итак:

I. *Всеми возможными способами нужно воспламенять в детях горячее стремление к знанию и к учению.*

II. *Метод обучения должен уменьшать трудности учения, с тем чтобы оно не возбуждало в учениках неудовольствия и не отвращало их от дальнейших занятий.*

NB *По существу, Я.Коменский утверждает гуманистическую роль методов обучения: они должны исходить из интересов ребенка, делать непонятное понятным, трудное простым, а скучное привлекательным. У нас бывает наоборот: учитель-новатор придумывает новый метод и подгоняет под него всю работу с учеником, заботясь главным образом о том, чтобы доказать свое новаторство. Дети становятся заложниками методики, а то и просто предметом манипуляции педагогического авантюриста. Прошу прощения за резкость, но ведь речь идет о ребенке! Отторжение от учения хотя бы одного не стоит никаких методических изысков.*

Каким образом следует пробуждать и поддерживать в детях стремление к учению.

14. Стремление к учению пробуждается и поддерживается в детях родителями, учителями, школой, самими учебными предметами, методом обучения и властями.

1. Родителями.

15. Если *родители* в присутствии детей с похвалой отзываются об учении и об ученых людях или, побуждая детей к прилежанию, обещают им красивые книги, красивую одежду или еще что-либо приятное; если хвалят учителя (особенно того, которому хотят поручить детей) как со стороны его учености, так и гуманного отношения к детям (ведь любовь и восхищение являются сильнейшим средством, чтобы вызвать стремление к подражанию); наконец, если они иногда пошлют детей к учителю с поручением или маленьким подарком и пр., то легко достигнут того, что дети искренне полюбят и науку и самого учителя.

2. Учителями.

16. Если *учителя* будут приветливы и ласковы, не будут отталкивать от себя детей своим суровым обращением, а будут привлекать их своим отеческим расположением, манерами и словами; если учителя рекомендуют науки, к которым они приступают, со стороны превосходства, привлекательности и легкости; если более прилежных учеников будут время от времени хвалить (даже наделяя малышей яблоками, орехами и т.п.); если, пригласив некоторых учеников к себе на дом, а также всем вместе будут показывать картинки, изображающие то, что им в свое время придется изучать, оптические и геометрические инструменты, глобусы и другие подобные вещи, которые могут вызвать у них чувство восхищения; если будут через них сноситься с родителями — словом, если учителя будут относиться к ученикам с любовью, тогда они легко завоюют их сердце так, что детям будет приятнее пребывать в школе, чем дома.

3. Самой школой, которая должна быть чрезвычайно привлекательна внутри и снаружи.

17. Сама *школа* должна быть приятным местом, доставляя глазам привлекательное зрелище изнутри и снаружи. Внутри она должна быть светлой, чистой, украшенной картинами: портретами знаменитых людей, географическими картами, памятниками исторических событий, некоторыми эмблемами. А извне к школе должна примыкать не только площадка для прогулок и игр (так как у детей этого отни-

мать нельзя, о чем будет сказано ниже в своем месте), но также небольшой сад, в который иногда следует пускать учеников и предоставлять возможность наслаждаться зрелищем деревьев, цветов и трав. Если дело будет так поставлено, то дети, вероятно, будут посещать школу с не меньшей охотой, чем обыкновенно они посещают ярмарки, где они всегда надеются увидеть и услышать что-либо занимательное.

4. Изучаемыми вещами.

18. Привлекают юношество и сами *изучаемые вещи*, если они соответствуют возрасту и преподаются понятно с присоединением иногда чего-либо шутливого или менее серьезного, но приятного. Это и значит приятное соединить с полезным.

5. Методом, который должен быть естественным.

19. Чтобы пробуждать стремление к знанию, прежде всего самый *метод* по необходимости *всегда должен быть естественным*. Ведь все, что естественно, развивается само собой. Нет необходимости заставлять воду течь по наклонной плоскости, удали только плотину или вообще все то, что ее задерживает, — и ты увидишь, что она тотчас потечет. Нет нужды просить птичку улететь — открой только клетку. Нет необходимости принуждать глаз к изящной картине или ухо обращаться к прекрасной мелодии, если только ты предоставишь им это. В таких случаях, скорее, придется сдерживать их.

Метод должен разумно сочетать приятное с полезным.

Чего требует естественный метод, должно быть ясным из предшествующей главы, равно как и из последующих правил. Кроме того, чтобы способности пробуждались самим методом, необходимо его разумно оживлять и делать приятным именно так, чтобы все, как бы оно ни было серьезно, преподавалось дружеским и приятным образом в форме бесед, состязаний, разгадывания загадок или в форме притч или басен. В своем месте об этом будет сказано полнее.

6. Властями.

20. *Власти и попечители школы* могут возбуждать усердие к учению, если сами будут присутствовать на публичных актах (будут ли то упражнения в декламации и в диспутах или экзамены и присуждение ученых степеней) и более прилежным будут раздавать похвальные отзывы и награждать их (без лицеприятия) подарками <...>

Основоположение IV

Сначала более легкое.

25. Природа переходит от более легкого к более трудному. Например, образование *яйца* начинается не с более твердой части, скорлупы, а с желтка; последний сначала покрывается кожицей и только впоследствии — скорлупой. Так, птица, приготовляясь к полету, сперва приучается становиться на ноги, потом двигать крыльями, затем размахивать ими, наконец, при более сильных движениях, подниматься и уж тогда вверять себя воздушному простору.

Подражание. 26. Так, *плотник* сперва учится рубить бревна, потом их обтесывать, затем скреплять одно с другим, наконец, строить целые здания и т.д.

Различные отклонения. 27. Следовательно, превратно поступают, когда в школах обучают неизвестному при помощи столь же неизвестного. Так происходит:

I. Когда правила латинского языка преподаются начинающим его изучать на латинском же языке; это то же самое, как если бы кто-нибудь еврейский язык разъяснил правилами на еврейском языке, а арабский язык — правилами на арабском.

II. Когда тем же самым начинающим дают в пособие словарь с латинского языка на родной язык, тогда как должно быть наоборот. Ведь они изучают не родной язык при помощи латинского, а латинский язык при помощи родного, так как последний уже известен (об этой несообразности подробнее будет говориться в главе XXII).

III. Когда мальчику дается в учителя чужеземец, не владеющий родным языком мальчика. Так как они лишены общего средства взаимного понимания и вынуждены объясняться при помощи знаков и догадок, то не сооружают ли таким образом Вавилонской башни?

IV. Делается также ошибка против правильного ведения дела и в том случае, когда по одним и тем же грамматическим правилам (например, Меланхтона или Рамуса) обучают юношество всех наций (французов, немцев, чехов, поляков или венгров и пр.), тогда как каждый из языков имеет свое особое, и до некоторой степени обособленное, отношение к латинскому языку. Это своеобразие и нужно вскрывать, если мы хотим, чтобы основные свойства латинского языка легко были усвоены учениками.

Исправление. 28. Это будет исправлено, если

I. *Учитель и ученик говорят на одном и том же языке.*

II. *Все разъяснения делаются на знакомом языке.*

III. *Грамматика и словарь будут приспособлены к тому языку, при посредстве которого изучается новый* (латинский язык — при посредстве родного, греческий — латинского и т.д.).

IV. *Новый язык изучается постепенно, а именно: сперва ученик приучается его понимать* (это самое легкое), *затем писать* (при этом дается время для предварительного обдумывания) и, *наконец, говорить,* что — самое трудное, так как это делается без непосредственной предварительной подготовки.

V. *При изучении латинского и родного языков этот последний, как более известный, будет предшествовать, а латинский язык — следовать.*

VI. *Изучаемые вещи располагаются таким образом, чтобы сперва усваивалось то, что является наиболее близким, затем — не столь отдаленным, потом — более отдаленным и, наконец, самым отдаленным.* Поэтому, когда впервые ученикам предлагаются

правила (например, правила логики, правила риторики и др.), их следует разъяснять примерами, недалекими от их понимания, например богословскими, политическими, поэтическими и пр., а примерами, заимствованными из повседневной жизни. Иначе ученики не поймут ни правила, ни его применения.

VII. *У учеников развивают сперва внешние чувства* (это всего легче), *затем — память, далее — понимание и, наконец, суждение*. Именно в такой последовательности они следуют друг за другом, *так как знание начинается из чувственного восприятия, с помощью воображения переходит в память, и затем через обобщение единичного образуется понимание общего и, наконец, для уточнения знания о вещах достаточно понятных составляется суждение.*

NB ***Рискую обратить внимание читателя на эмоциональное пробуждение разума ребенка не потому, что это неизвестно, а потому, что сегодня наблюдается рост технократических настроений, грозящих погасить эмоциональную сферу обучения. Дело делом, но чувства для ребенка прежде всего.***

Основоположение X

Все единообразно.

46. Природа действует во всем единообразно.

Например, каково происхождение одной птицы, таково происхождение и всех птиц, мало того — всех животных, измененное лишь некоторыми побочными обстоятельствами. Так и в растениях: как одна былинка рождается и вырастает из своего семени, как одно дерево сажается, дает ветви и цветет, так это происходит повсюду и всегда со всеми другими растениями и деревьями. И каков на дереве один лист, таковы и все остальные, и какими листья бывают в этом году, такими же они будут и в следующем году и всегда.

Отклонение.

47. Вот почему *разнообразие методов обучения только затрудняет юношество и осложняет обучение*. Между тем не только различные преподаватели различным образом преподают предметы, но и один и тот же преподаватель преподает различно, например, иначе преподает грамматику, иначе — диалектику и пр., тогда как все это можно было бы преподавать однообразно, в соответствии с гармонией целого и с тем, что вещи и слово имеют связь и родство между собой.

NB ***Призыв к однообразному (с помощью универсального метода) преподаванию может вызвать горячие возражения. Как приятно почувствовать себя умнее Коменского!***

Думается, автор имеет в виду не метод, а принцип, но его недооценка точности терминов приводит к разночтениям. Вообще же надо учитывать состояние наук в XVII в., несформированность образовательных систем. «Великая дидактика» поэтому носит нормативный характер. Для того времени это было нужно, ибо закладывало основы общей дидактики (как науки), упорядочивало учебный процесс и делало соразмерными его результаты.

Однако не следует думать, что разумная нормативность не нужна современной школе. Недавно мы все пережили невиданный инновационный бум, когда в целях выживания все бросились в новаторы. Каждый творил, что хотел. Возникали парадоксальные ситуации, когда в школах, расположенных всего-то по две стороны одной улицы, преподавались разные (и немало!) предметы, произвольно изменялись учебная нагрузка, количество часов, отводимые на разные дисциплины. Это был парад суверенитетов в образовании: лишь бы не так, как у других! Мы уже шли к «местечковым дипломам». Но, к счастью, это длилось недолго: маятник стал успокаиваться, сработала педагогическая рефлексия, наступило время спокойного анализа. Теперь вновь наступает период упорядоченного образовательного процесса, но уже на более высоком уровне. И наше время вновь выдвигает проблему нормативов, стандартов, базового образования.

Исправление.

48. Поэтому нужно позаботиться, чтобы в дальнейшем:

I. *Один и тот же метод был принят для преподавания всех наук, один и тот же метод — для преподавания всех искусств, один и тот же метод — для преподавания всех языков*[16].

II. *В одной и той же школе был один и тот же порядок и метод во всех упражнениях.*

III. *Насколько это возможно, были одни и те же издания книг по одному и тому же предмету.*

Так все пойдет вперед легко и без затруднения <...>

ГЛАВА XVIII

Основы прочности обучения и учения

Поверхностность обычного обучения.

1. От многих раздаются жалобы, да и факты это подтверждают, что только немногие ученики выносят из школ основательное образование, а большинство — только поверхностное образование или даже только намек на образование.

Причина того двоякая.

2. Если ты будешь искать причины этого, то она окажется двоякой. Это происходит либо потому, что в школах, пренебрегши существенным, обращают внимание на ничтожное и пустое, либо потому, что ученики забывают то, что они выучили, так как большая часть знаний только скользит по поверхности ума и не внедряется в него. Этот второй недостаток настолько распространен, что мало людей, которые на него не жаловались бы. В самом деле, какими бы мы считались учеными, если бы память тотчас воспроизводила нам все то, что мы когда-либо читали, слышали, восприняли умом, — мы, которые использовали каждый случай для приобретения знаний! Но такой способностью наша память не обладает, и очевидно, что мы черпаем воду решетом.

Средство против того и другого недостатка нужно искать в естественном методе.

3. Но есть ли средство против этого зла? Несомненно, найдется. Обратившись к школе природы, опять-таки будем искать руководящих указаний в ее творениях, предназначенных для долгого существования. Таким путем можно будет найти метод, при котором каждый будет знать не только то, что выучил, но даже более, чем он выучил, т.е. не только свободно излагать почерпнутое от учителей и из авторов, но и основательно судить о самих вещах.

4. Но этого можно достигнуть,

I. *Если основательно будут рассматриваться только те вещи, которые должны принести пользу.*

II. *Занимаясь, однако, всеми этими вещами уже без всякого изъятия.*

III. *Если всему будет положено прочное основание.*

IV. *Если указанные основания будут закладываться глубоко.*

V. *Если все затем будут опираться только на эти основания.*

VI. *Все, что нужно различать, должно быть различаемо с полной определенностью.*

VII. *Все последующее должно опираться на предыдущее.*

VIII. *Все, что связано между собой, должно быть связываемо постоянно.*

IX. *Все должно быть распределяемо пропорционально между разумом, памятью и языком.*

X. *Все должно закрепляться постоянными упражнениями* <...>

Основоположение V

Все из собственных корней.

19. Природа все производит из корня и более ниоткуда.

Ибо, сколько на *дереве* ни появляется древесины, коры, листьев, цветов, плодов — все это рождается только от корня. Хотя дождь и идет сверху, а садовник поливает снизу, необходимо, чтобы вся эта влага прошла через корни, а затем только разлилась по стволу, ветвям, отросткам, листьям и плодам. А потому, хотя садовник приносит прививку со стороны, однако считает необходимым так привить ее к стволу, чтобы она, как бы слившись с его существом, всасывала бы сок того же корня и, питаясь этим соком, разрасталась силою корня. От корня у дерева является все, и нет необходимости приносить со стороны и прививать ему листья и ветви. Точно так же оперение птицы не составляется из перьев, которые побросали другие птицы, но происходит из самих внутренних ее частей.

Подражание этому в ремесле.

20. Так и предусмотрительный *строитель* все устраивает таким образом, чтобы здание опиралось исключительно на свой фундамент и поддерживалось своими связями без подпорок со стороны. Если здание нуждается в таких подпорках, то это

служит доказательством его непрочности и готовности обрушиться.

21. Кто устраивает пруд или водоем, тот не приказывает доставлять воду из другого места и не ждет дождевой воды, но отыскивает естественный источник и по каналам и скрытым трубам проводит воду в свой водоем.

В школах.

22. Из этого основного положения следует, что *правильно обучать юношество — это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, а это значит — раскрывать способность понимать вещи*[17], *чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки*, подобно тому как из почек деревьев вырастают листья, плоды, а на следующий год из каждой почки вырастет целая новая ветка со своими листьями, цветами и плодами.

Огромное отклонение в школах.

23. На самом деле до сих пор школы не достигли того, чтобы приучать умы, точно молодые деревца, развиваться из собственного корня, но приучали учащихся только к тому, чтобы, сорвав ветки в других местах, навешивать их на себя и, подобно эзоповской вороне, одеваться чужими перьями. В школах прилагали старание не столько к тому, чтобы открыть скрывающиеся в создании источники познавания, сколько к тому, чтобы орошать этот источник чужими ручьями. Это значит, что школа не показывала самые вещи, как они происходят из самих себя и каковы они в себе, но сообщала, что о том и другом предмете думает и пишет один, другой, третий и десятый автор. И величайшей ученостью казалось знать о многом противоречивые мнения многих. Поэтому и получилось то, что весьма многие занимаются тем, что, копаясь в авторах, извлекают фразы, сентенции, мнения, составляя науку наподобие лоскутного платья. К ним с упреком обращается Гораций: «О, подражатели, рабский скот!» И действительно, рабский скот, привыкший к таскániю чужих тяжестей <...>

ГЛАВА XXIII

Метод нравов[18]

Все предшествующее не так существенно по сравнению с главным — нравственностью и благочестием.

1. До сих пор достаточно говорилось о том, как быстрее обучать наукам, искусствам, языкам. Обо всех этих предметах с полным правом здесь можно припомнить известное выражение Сенеки (Письмо 89): «*Мы должны всему этому не только учиться, а выучиться*». Конечно, это так, поскольку это служит не чем иным, как только подготовкой к более важному, и, как он говорит, это наши первые опыты, а не настоящие дела. *В чем же будет состоять настоящая работа? В изучении мудрости, которая делает нас возвышенными, мужественными и великодушными.* Это именно то, на что мы выше указали под именем нравственности и благочестия; только благодаря этому мы

становимся поистине выше тварей, более близкими к самому Богу.

Это нужно обратить в искусство.

2. Итак, *следует как можно более заботиться о том, чтобы искусство внедрять настоящим образом, нравственность* и истинное благочестие *было поставлено надлежащим образом в школах, чтобы школы вполне стали, как их называют, «мастерскими людей».*

Шестнадцать правил искусства развивать нравственность.

3. *Искусство развивать нравственность имеет шестнадцать основных правил.* Первым из них является следующее:

I. *Добродетели должны быть внедряемы юношеству все без исключения.*

Из того, что правильно и честно, именно ничего нельзя исключить, не вызывая пробелов и нарушения гармонии.

II. 4. И *прежде всего основные, или, как их называют, «кардинальные» добродетели — мудрость, умеренность, мужество и справедливость.*

Ведь нельзя без фундамента воздвигать здание, в котором все его плохо скрепленные части шатались бы на своих устоях.

III. 5. *Мудрость юноши должны почерпать из хорошего наставления, изучая истинные различия вещей и их достоинство.*

Ибо истинное суждение о вещах есть истинная основа всякой добродетели. Прекрасно об этом говорит Вивес: «Истинная мудрость заключается в том, чтобы судить о вещах справедливо, чтобы считать каждую вещь только такою, какая она есть, не стремиться к пустому, как будто бы оно было драгоценным, или не отбрасывать драгоценного, принимая его за пустое, не порицать того, что заслуживает похвалы, и не восхвалять заслуживающего порицания. Отсюда именно рождаются в человеческих умах всякое заблуждение и ошибки, и ничего нет в человеческой жизни более гибельного, чем те превратные суждения, когда вещам дается неналлежащая оценка. Поэтому пусть приучается (продолжает он) каждый уже с детства иметь о вещах истинное мнение, которое с возрастом должно укрепляться, и пусть устремляется к тому, что правильно, и избегает того, что неправильно, чтобы эта привычка действовать правильно обратилась у него во вторую природу...» и пр.

IV. 6. *Умеренности пусть обучается на протяжении всего времени обучения, привыкая соблюдать умеренность в пище и питье, в сне и бодрственном состоянии, в работе и в играх, в разговоре и молчании.*

Здесь всегда нужно напоминать юношам золотое правило: ничего сверх меры, т.е. никогда и ни в чем не доходить до пресыщения и отвращения.

V. 7. *Мужеству пусть они учатся, преодолевая самих себя, сдерживая свое влечение к излишней беготне или игре вне или за пределами положенного времени, в обуздываний нетерпеливости, ропота, гнева.*

Основой этого должна быть привычка поступать во всем обдуманно и ничего не делать под влиянием увлечения или порыва.

Ведь человек есть существо разумное, следовательно, пусть он привыкает руководиться разумом, обдумывая свои действия, что, почему, каким образом каждое дело должно происходить правильно, чтобы человек поистине был господином своих действий. И так как дети (по крайней мере, не все) не всегда способны к такому продуманному и рациональному образу действия, то для того, чтобы научить их мужеству и самообладанию, прекрасным средством будет приучение их выполнять лучше чужую волю, чем свою собственную, повинуясь, конечно, старшим чрезвычайно быстро во всем. Кто правильно тренирует коней, говорит Локтанций, тот прежде всего учит их слушаться узды, а кто хочет воспитывать детей, тот прежде всего пусть приучает их слушаться приказаний. О, какая здесь открывается великая надежда на исправление человеческих заблуждений, которыми переполнен мир, если с самого дня вступления в жизнь люди будут учиться уступать друг другу, действовать во всем с должным разумением.

VI. 8. *Справедливости учатся, никого не оскорбляя, воздавая каждому свое, избегая лжи и обмана, проявляя исполнительность и любезность.* В этом, а также и в том, что сказано выше, нужно воспитывать детей теми способами и средствами, которые предписывают следующие правила.

VII. 9. *Особенно необходимые юношеству виды мужества: благородное прямодушие и выносливость в труде.*

Так как жизнь придется проводить в общении с людьми и в деятельности, то нужно научить детей не бояться человеческого лица и переносить всякий честный труд, чтобы они не стали нелюдимыми или мизантропами, тунеядцами, бесполезным бременем земли. Добродетель развивается посредством дел, а не посредством болтовни.

VIII. 10. *Благородное прямодушие достигается частым общением с благородными людьми и исполнением на их глазах всевозможных поручений.*

Аристотель так воспитал Александра, что на двенадцатом году своей жизни он умел умно обходиться со всякого рода людьми — царями и послами царей и народов, с учеными и неучеными, с горожанами, поселянами и ремесленниками — и по всякому затронутому делу мог предложить разумный вопрос или разумно отвечать. Для того чтобы при нашем универсальном воспитании все научились удачно подражать этому, надо составить правила обхождения и строго следить за тем, чтобы ученики скромно обращались и ежедневно беседовали о различных предметах с учителями, товарищами, родителями, прислугой и прочими людьми. Наконец, учителя должны уделять внимание тому, чтобы направлять на должный путь всякого, в ком будет замечена распущенность, необдуманность, грубость или дерзость.

IX. 11. *Привычку к труду юноши приобретут в том случае, если постоянно будут заняты каким-либо серьезным или занимательным делом.*

Для этой цели совершенно безразлично, что и ради чего делается, лишь бы только человек был занят делом. Даже в забавах можно научиться тому, что впоследствии при случае может принести серьезную пользу, когда того требуют время и обстоятельства. Но так как все нужно усваивать путем практики (как это мы видели в своем месте), то и труду тоже надо учить посредством труда, так, чтобы постоянные (однако умеренные) умственные и физические занятия перешли в трудолюбие, которое сделает праздность невыносимой. И тогда оправдается то, что говорит Сенека: «Благородные умы питаются трудом».

X. 12. *Особенно необходимо внушить детям родственную справедливости добродетель — готовность услужить другим и охоту к этому.*

Ибо с испорченной природой тесно связан отвратительный порок себялюбия, при котором каждый желает, чтобы думали только о нем одном, оставаясь равнодушным к тому, что происходит с другими. Это является источником различных неурядиц в человеческих делах, поскольку каждый хлопочет только о своих делах, отодвигая в сторону заботу об общем благе. Поэтому *нужно старательно внушать юношеству назначение нашей жизни*, а именно, что мы рождаемся не только для самих себя, но и для Бога и для ближнего, т.е. для всего человеческого рода; исходя из этого убеждения, каждый уже с детства пусть привыкает подражать Богу, ангелам, солнцу и другим более благородным созданиям, т.е. делать и стараться оказывать пользу своими услугами возможно большему числу людей. Итак, тогда лишь наступило бы счастливое состояние в делах частных и общественных, если бы все прониклись желанием действовать в интересах общего благополучия, знали бы и умели, как везде друг другу помогать. Люди будут уметь и хотеть делать это, нужно только их этому научить.

XI. 13. *Развитие добродетелей нужно начинать с самых юных лет, прежде чем порок овладеет душой.*

Ведь если ты не засеешь поля добрыми семенами, оно будет производить травы, но какие? Плевелы и всякие сорняки. Если у тебя есть намерение обрабатывать землю как следует, то легче всего ты управишься с этим делом и с большей надеждой будешь ожидать жатвы, если вспашешь, засеешь и заборонишь землю весной как можно раньше. Много значит привычка, приобретенная с юных лет, так как «долго будет хранить сосуд тот запах, которым пропитался с первого раза».

XII. 14. *Добродетелям учатся, постоянно осуществляя честное.* В главах XX и XXI мы видели, что познанию мы учимся познанием, действию — действием. Дети легко учатся бегать — бегая; говорить — занимаясь разгово-

ром; писать — упражняясь в письме, и пр. Таким же образом они научатся послушанию послушанием, воздержанию — воздержанием, правдивости, говоря правду, настойчивости, действуя настойчиво, и пр., — лишь бы только не было недостатка в тех, кто словом и делом показывал бы пример.

XIII. 15. *Пусть постоянно сияют перед нами примеры порядочной жизни родителей, кормилиц, учителей, сотоварищей.*

Ведь дети — это обезьяны: что бы они ни видели — хорошее или дурное, они стремятся этому подражать даже без всякого внешнего побуждения. Таким образом, они учатся раньше подражать, чем познавать. Я имею в виду при этом примеры, взятые как из жизни, так и из истории; и прежде всего — взятые из жизни, потому что они ближе и производят более сильное впечатление. Итак, пусть прежде всего сами родители строго блюдут домашнюю дисциплину, а учителями пусть будут самые лучшие из людей, выдающиеся своей нравственностью, — вот наиболее действенное замечательное средство к тому, чтобы побудить учеников к самой честной жизни.

XIV. 16. *Однако нужно примеры сопровождать наставлениями и правилами жизни для того, чтобы исправлять, дополнять и укреплять подражание,* как об этом сказано в главе XXI, правило IX.

Подобного рода предписания для жизни нужно извлекать из Священного писания и изречений мудрецов. Например, почему и как нужно избегать зависти? Каким образом защищать сердце от печалей и всяких человеческих несчастий? Как умерять радость? Каким образом сдерживать гнев, изгонять преступную любовь? и т.п. Однако все это соответственно возрасту и степени развития.

XV. 17. *И самым тщательным образом нужно оберегать детей от сообщества испорченных людей, чтобы они не заразились от них.*

Ведь вследствие испорченности нашей природы зло распространяется легче и держится упорнее. Поэтому всячески нужно предохранять молодежь от всех поводов к нравственной испорченности, как, например, дурных товарищей, развращенных речей, пустых и бессодержательных книг (ибо примеры пороков, воспринятые глазами или ушами, есть яд для души) и, наконец, безделья, чтобы дети от безделья не научились делать дурное или не отупели умственно. Лучше, чтобы они всегда были чем-нибудь заняты, серьезным ли делом, или развлечением, только бы не предавались бы праздности.

XVI. 18. *И так как едва ли удастся каким-либо образом быть настолько зорким, чтобы к детям не могло проникнуть какое-либо зло, то для противодействия дурным нравам совершенно необходима дисциплина.*

Враг, сатана, находится на страже не только тогда, когда мы спим, но и когда мы бодрствуем; и тогда, когда мы сеем доброе

семя на духовной ниве, он вмешивается, чтобы сеять вместе и свои плевелы; да и сама испорченная природа наша то тем, то другим дает о себе знать, поэтому совершенно необходимо силою противодействовать злу. Но противодействие должно оказывать дисциплиной, т.е. порицанием и наказанием, словами и ударами, смотря по тому, что требует дело. При совершении проступка всегда нужно тотчас же подавить зреющий порок при первом же его проявлении или, лучше, если это возможно, вырвать его с корнем. Итак, дисциплина должна царить в школах не столько ради преподавания наук (которые при правильном методе преподавания являются для человеческого ума наслаждением и приманкой), сколько ради нравов <...>

ГЛАВА XXXIII

Об условиях, необходимых для практического применения этого всеобщего метода

Торжественное обращение. 1. К родителям.

11. Итак, вы, *дорогие родители детей*, верной охране которых Бог вверил драгоценнейшие сокровища, живые свои изображения, воспылайте, когда обсуждаются эти спасительные намерения. Непрестанно молите Бога о счастливом успехе, а к сильным мира и к ученым постоянно обращайтесь с вашими просьбами, пожеланиями, заявлениями, требованиями. Вместе с тем воспитывайте благочестиво, в страхе Божием своих детей, таким образом достойно подготовляя путь для этого всеобщего образования.

2. К воспитателям юношества.

12. Так же и вы, *все воспитатели юношества,* честно отдающие свой труд насаждению и орошению юных растений рая, настоятельно молитесь о том, чтобы эти облегчившие ваши труды пособия как можно скорее могли быть разработаны и войти во всеобщее употребление, ибо когда вы призваны к тому, чтобы устроить небеса и утвердить землю (Ис. 51, 16), то может ли быть для вас что-либо приятнее, чем то, чтобы видеть самые обильные плоды вашего труда? Ведь этого требует от вас ваше небесное призвание, как и доверие к вам со стороны родителей, которые вверяют вам в залог свои сокровища. Да воспламенятся ваши сердца, неотступно побуждая вас, а через вас — и других беспокоиться об этом до тех пор, пока огнем этого света но загорится и не будет счастливо озарено все ваше отечество.

3. К ученым.

13. Вы же, *ученые*, которым Бог даровал мудрость и острый ум, чтобы вы были в состоянии судить о таких вещах и приводить разумным советом благие мысли к еще лучшему исполнению, смотрите, не медлите, принесите также ваши искры, мало того — факелы и мехи для раздувания этого священного огня.

Сыны света обязаны прибавлять искры к свету божественного огня.

Пусть каждый из вас подумает о словах Христа: «Огонь пришел я низвесть на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лук. 12, 49). Горе тому, кто, имея возможность принести что-либо для усиления этого пламени, приносит только дым зависти, порицания и противодействия. Помните, какую награду обещает он добрым и верным рабам, которые вверенными им для роста талантами распоряжаются так, что приобретают другие таланты, и как грозит он рабам ленивым, которые зарывают свои таланты (Матр. 24). Итак, бойтесь быть учеными только для себя. Насколько в ваших силах, к тому же ведите и других. Пусть вас побуждаст хотя бы пример Сенеки, который говорит: «Я желаю передать другим все, что знаю сам», а также: «Я бы отверг мудрость, если бы она давалась под тем условием, чтобы держать ее в себе и не распространять» (Письмо 26). Не скрывайте также от всего христианского народа науки и мудрость; лучше скажите вместе с Моисеем: «О, если бы все в народе господнем были пророками» (Числ. 11, 29). В самом деле, так как *правильно заботиться о юношестве — значит также устраивать и преобразовывать* церковь и *общество*, то ужели бездеятельно будем стоять мы, которым это хорошо известно, в то время как другие будут прилагать к этому делу руку?

Ни для кого не делается исключения.

14. Я умоляю вас, пусть движет нами единый дух так, чтобы никто не пренебрегал тем, чтобы посвящать Богу и потомству свой труд, все то, что может принести для столь общей и столь спасительной цели своим советом, напоминанием, увещеванием, исправлением, поощрением, и *пусть никто не думает, что это его не касается, хотя бы кто-нибудь и думал, что он не предназначен для школы или даже что ему мешают обязанности его церковной, политической или медицинской профессии.* Однако напрасно все-таки он будет полагать, что он изъят таким образом от настоящего общего стремления к исправлению школ. Ведь если ты решил доказать верность твоему призванию, и тому, кто тебя призвал, и тем, к кому ты послан, то ты обязан не только сам служить Богу, церкви, отечеству, но также предусмотрительно заботиться о том, чтобы были люди, которые делали бы то же после тебя. Сократа восхваляли за то, что, имея возможность занимать общественную должность и быть полезным своему отечеству, он предпочитал служить воспитанию юношества, заявляя, что *более полезен государству тот, кто сделает многих способными управлять государством, чем тот, кто управляет им сам* <...>

5. К государственным властям.

18. *Обращаюсь к вам, кто именем Божиим поставлен во главе человеческих дел.* К вам, владыки народов и государственные власти, — к вам преимущественно обращены наши речи. Ведь вы — те. Но и, которым в столь ужасном потопе, при мировом смятении, для спасения святого семени было поручено свыше построение ков-

чега (Быт. 6). Вы — те князья, которые для построения святилища более других должны жертвовать, с тем чтобы не задерживались в своем труде те мастера, которых Господь наполнил духом своим в изобретении прекрасного (Исх. 36). Вы — те Давиды и Соломоны, обязанность которых для построения храма Господня созвать зодчих и снабдить их обильно необходимым (1 Цар. 6 и 1 Пар. 29). Вы — те начальники, которых возлюбит Христос, если вы возлюбите малых его, если построите школы (Лук. 12, 5).

Просьба к ним же. 19. *Молю вас* именем Христа, *заклинаю счастьем вашего потомства, если оно будет, не останьтесь безучастны! Дело важное, слишком важное, касающееся славы Божьей и общего спасения народов*. Я убежден, отцы отечества, в вашей любви к отечеству. Если бы кто-либо явился теперь и обещал вам дать совет, как можно с небольшими средствами укрепить все ваши города, все юношество научить военной науке, все наши реки сделать судоходными и наполнить торговлей и богатством или какими бы то ни было средствами довести состояние наших общих и отдельных граждан до процветания и большей безопасности, — вы не только внимательно выслушаете советчика, но и, сверх того, будете его благодарить за то, что он столь ревностно заботится о вашем благе и о благе ваших подданных. Но здесь нечто большее. Здесь указывается истинный, надежный, безопасный путь к тому, чтобы подготовить множество таких людей, которые такими же и подобными изобретениями будут одни вслед за другими служить без конца отечеству <...>

NB *Достойный финал «Великой дидактики» — страстный призыв посвятить себя воспитанию новых поколений. Человечество развивает и улучшает себя через воспитание детей. Это самое великое из всех дел человеческих. Ему не жалко отдать всю свою жизнь, как это сделал Ян Амос Коменский!*

О РАЗВИТИИ ПРИРОДНЫХ ДАРОВАНИЙ (PE INGENIORUM CULTURA)

Речь, произнесенная в главной аудитории Патакской школы
24 ноября 1650 г.
(В сокращении)

Чтобы высказаться об этом во славу Божию и в честь тех, которые поручили нам это дело, я полагаю наиболее удобным для себя и для вас, а равно и отвечающим существу самого дела вести рассуждение в следующем порядке:

Во-первых [раскрыть], что такое природное дарование и в чем заключается воспитание (cultura) дарований.

Во-вторых [выяснить], что необходимо требовать, чтобы дарования не оставались необработанными, как дебри лесов или пески пустынь; но чтобы они были возделываемы тщательно, как мы обыкновенно возделываем огороды, виноградники и сады.

В-третьих [показать], каким образом такое образование можно было бы удачно привить целому народу, в частности, есть ли условия для некоторого, более широкого, полнейшего и лучшего образования природных дарований в вашем народе.

Наконец, так как нужно иметь в виду не только повод к столь высоким стремлениям, но и благоприятные для них условия, то в дополнение ко всему указанному нужно еще рассмотреть, почему вопрос ставится именно теперь и почему именно в этом городе. Почему это дело во имя Божие должно быть начато именно нами, здесь присутствующими, без всякого дальнейшего отлагательства и без ожидания других, более благоприятных, обстоятельств. И каким образом.

Изложив все это по порядку и возможно кратчайшим способом, мы, с благочестивыми желаниями и искренними молитвами, предоставим все это дело Богу и тем, которые здесь заступают его место.

Слово «дарование» в этом случае обозначает ту врожденную силу нашей души, которая делает нас людьми. Именно эта сила делает нас, созданных по образу Божию, способными к пониманию всех вещей, к выбору из понятых нами вещей — одних лучших, к настойчивому достижению избранных, наконец, к свободному господству над вещами, уже достигнутыми, и к наслаждению ими, а через то — и к возможно большему уподоблению Богу (который все ясно разумеет, всего свято желает, всемощно совершает и всем преславно управляет). Угодно вам подробнее слышать об этом — так слушайте!

Человеку прирождены четыре части, или качества, или способности. Первая называется ум — зеркало всех вещей, с суждением — живыми весами и рычагом всех вещей и, наконец, с памятью — кладовою для вещей. На втором месте — воля — судья, все решающий и повелевающий. Третья — способность движения, исполнительница всех решений. Наконец, речь — истолковательница всего для всех. Для этих четырех деятелей в теле нашем имеется столько же главнейших вместилищ и органов: мозг, сердце, рука и язык. В мозгу мы носим как бы мастерскую ума; в сердце, как царица в своем дворце, обитает воля; рука, орган человеческой деятельности, является достойным удивления исполнителем; язык, наконец, — мастер речи, посредник между различными умами, заключенными в различных, друг от друга разделенных телах, связывает многих людей в одно общество для совещания и действования. Так изваял нас наш Творец! Этими четырьмя пределами ограничил он свой малый мир. Так осуществляем мы в себе все свойства Божественного образа. Действительно, быстрый ум, облетая небо и землю, способностью понимания все покоряет, способностью суждения все разграничивает и распределяет и в сокровищницах памяти все складывает. Воля, со своей свободою решения, избирая из всего лишь то, что она облюбует, и отвергая то, чего не одобрит, надо всем царствует. Рука, следуя предначертаниям ума и приводя в исполнение постановления воли, производит новое и только что не создает новые миры. Наконец, язык, перечисляя по мере надобности все то, что было обдумано, высказано, совершено (или то, что еще должно быть обдумано, высказано, совершено), и расцвечивая все это своими красками, распространяет свет от света, приумножает его и от одних людей переносит к другим.

Итак, вы понимаете, любезнейшие слушатели, что природным дарованием в нас является то, благодаря чему мы представляем собою образ Божий, т.е. маленьких Богов, оставаясь тем не менее людьми. А отсюда, я полагаю, уже легко понять, в чем состоит воспитание природных дарований. Именно: в каком смысле о человеке говорится, что он усовершенствует поле, огород, виноградник и какое-либо искусство и, наконец, свое собственное тело, в том же смысле можно говорить, что он усовершенствует и душу свою или свое природное дарование. Он совершенствует каждую вещь, приспособляя и приноравливая ее к своим потребностям, приготовляя, изощряя, сглаживая, украшая ее таким образом, чтобы она соответствовала своей цели и на деле приносила наибольшую пользу. Так, поле, огород, виноградник тогда называются хорошо обработанными, когда они приносят много хороших плодов и овощей. Искусство считается хорошо усовершенствованным, когда оно легко и изящно производит свои творения. Тело выхолено, когда волосы хорошо причесаны, кожа гладка и здорового цвета и когда в работе оно проворно. Точно так же и духовное дарование человека будет тогда усовершенствовано, когда, во-первых, он приобретет способность обо многом мыслить и во все бы-

стро вникать; во-вторых, когда он будет опытен в тщательном различении вещей между собой, в выборе и преследовании всюду одного доброго, а также в пренебрежении и удалении всего злого; в-третьих, когда он будет искусен и в выполнении совершеннейших дел; в-четвертых, когда будет уметь красноречиво и поучительно говорить для лучшего распространения света мудрости и для яркого освещения всего существующего (res) и мыслимого (mens).

Хочешь ли узнать хорошо образованного (bene cultus) человека? Наблюдай за его действиями и движениями, за его речью и даже молчанием, равным образом — за его походкой, посадкой, осанкой, глазами, руками и за всем, относящимся к нему: всюду будут просвечивать приличие, достоинство и любезность; всюду он будет верен сам себе; во всем изящен и аккуратен. Хочешь познакомиться с ним в деле? Все плавно идет под его рукой, так как всякое дело поведет он разумно, по предварительном здравом обсуждении. Хочешь слышать его речь? Он может дельно рассуждать о чем угодно, не обнаруживая ни в чем постыдного невежества. Если, напротив того, ему надо молчать, то даже самое молчание он сумеет смягчить благоразумием и приличием, чтобы и из молчания его ты мог чему-либо научиться. Если он вращается между людьми — одно удовольствие на него смотреть. Если ему когда-либо придется жить без сообщества людей, никогда он не будет чувствовать себя одиноким, так как он полон серьезных мыслей и утешения в работе. В жизни он так ведет себя по отношению ко всему доброму и злому, что на деле обнаруживает, что он умеет различать вещи и может распознавать полезное от бесполезного. Идет ли все по его желанию — он не заносится, не гордится, не становится высокомерным. Впадает ли он в несчастье — он все тот же: не опускается, не падает духом, не отчаивается. Одним словом, «кто мудр, тот приспособится ко всевозможным обычаям», — говорит поэт. А мы скажем: кто мудр, тот всюду сумеет быть полезным и будет подготовлен ко всяким случайностям.

Если бы можно было показать тебе хорошо образованный целый народ, то ты увидел бы, что в нем все или, по крайней мере, большинство именно таковы, какими я очертил отдельных лиц. Если желаете, чтобы я еще подробнее разъяснил вам это, я сделаю это путем сопоставления образованных народов с необразованными, или так называемыми варварами.

NB *Очень яркую, эффективную форму для выражения своих педагогических взглядов избрал Я.Коменский — сравнение образования и варварства. В этом отрывке создан яркий образ народа и общества, раздираемых борьбой культуры и невежества. Эта борьба — источник всех бед, равно как благоденствие покоится на образовании и высокой воспитанности. Получается, что определяющая роль образования делает его первичным, а все прочие социальные процессы — вторичным. К сожалению, некоторые картины варварства очень напоминают наше современное состояние.*

Далее идут 18 пунктов, составляющих в своей совокупности своеобразную педагогическую утопию.

Сегодня это слово едва ли не ругательное, а жаль. Как сказал Оскар Уайльд, прогресс — это реализация утопий.

1. Образованные люди суть истинные люди, т.е. человечны по своим нравам; варвары же отличаются скотской грубостью или же зверской жестокостью, так что, кроме человеческого образа (если только они говорят, а не ревут), едва ли и признаешь в них что-либо человеческое.

2. Если ты присмотришься к порядку, господствующему в общественных и частных делах у хорошо образованного народа, там все идет, как часы, если затронута одна часть, приводятся в движение и все остальные: одно колесико толкает другое, — и все определяется числом, мерой и весом. У варваров же все похоже на развязанный сноп или песок без цемента.

3. Возьми взаимоотношения людей между собой. В образованном народе все служат друг другу, каждый на своем месте выполняет то, что полезно ему и другим. У варваров же никто не считается с потребностями другого: все делается вразброд, а потому один другому мешает, и получается общая сутолока.

4. У образованных народов все стихии мира несут людям дань, — и даже самые недра земли не могут скрыть от них свои сокровища (металлы, драгоценные камни и минералы). У необразованных все пропадает без пользы: они не умеют ни подчинять себе природу, ни сосать ее грудь, ни даже пользоваться ею тогда, когда она сама изливает на них дары свои. Отличнейший климат, плодороднейшая земля, удобнейшие для судоходства реки остаются без использования, как это можно видеть у американских народов, проводящих грубую жизнь, подобно диким зверям.

5. Образованные народы не дозволяют ни одному клочку земли пустовать, никакому материалу пропадать бесполезно. Деревья и хворост, камни и щебень, даже песок и уличную грязь они подбирают и находят всему этому известное употребление. У необразованных же, смотришь, ничто не возделывается, сор и грязь, кругом все гниет и разлагается.

6. Отсюда у первых даже самые бесплодные по своей природе области, не представляющие ничего, кроме песка, или скал, или болот и мхов, так хорошо обрабатываются, что кажутся раем. У необразованных же народов даже страны, сами по себе имеющие вид рая (где, как кажется, само небо вступило в брачный союз с землею), засоряются отбросами и теряют свою прелесть.

7. Вот почему образованные народы в избытке располагают не только всеми необходимыми для жизни предметами, но и различными удобствами, даже роскошью; тогда как необразованные едва имеют средства влачить жизнь, питаясь по-звериному сырой пищей.

8. Образованные, заботясь и о будущем, обеспечивают себе все необходимое в жизни, даже для непредвиденных случаев, какие могут их постигнуть: неурожая, нападения врагов, моровой язвы или иных болезней. Они своевременно противопоставляют

им благоустроенные житницы, арсеналы, аптеки. У варваров же не существует никакого разумного попечения о жизни, здоровье, безопасности; живут они изо дня в день, от случая к случаю; все у них необдуманно и случайно.

9. Народ образованный обнаруживает изящество своего ума даже красивой и изящной одеждой, так как все и каждый, малый и великий, знатный и незнатный, одеваются если не изысканно, то во всяком случае опрятно; тогда как необразованные ходят нагими или полунагими, в лохмотьях и рубищах, грязные и истощенные.

10. Образованный народ имеет великолепные многолюдные города, полные произведениями искусств и ремесел. У необразованного — вместо городов пустыри, а если он что-нибудь и называет городом, то это не более, как жалкие лачуги.

11. Образованные народы, связанные узами закона, содержат свои области, а в них города, села, дома, отдельные семейства и, наконец, самих себя в границах установленного порядка, так что никому нельзя безнаказанно их переступать. У народов же необразованных или ложно образованных место свободы занимает своеволие: кому что вздумается, тот то и делает, не зная ни в чем никакой узды.

12. Отсюда у первых все безопасно, безмятежно, тихо и спокойно, а у последних господствуют кражи, разбои и насилия; а потому нет истинной безопасности, и все полно козней и страхов.

13. У народа истинно образованного даже среди сельских жителей нет деревенской грубости: до того все проникнуто городской утонченностью нравов. У необразованных, наоборот, и горожане суть те же селяне, и сам город по нравам — не что иное, как настоящая деревня.

14. Люди, принадлежащие к образованному народу, приветливы к пришельцам, ласково указывают дорогу, вежливы к тем, кто к ним обращается, остерегаясь причинить им какую-либо неприятность. Варвары же или отталкивают от себя незнакомцев, или сами бегут от них, и, во всяком случае, отпугивают их от общения с собой своими гнусными нравами.

15. У образованных народов ленивые люди и здоровые нищие нетерпимы; их даже вовсе нет, так как каждое государство держит всех своих граждан в порядке и печется о своих бедных. У варваров — целые полчища ленивых людей, которые, поддерживая свое существование нищенством или воровством и грабежами или существуя и в нищете и голоде, производят различные смуты и бедствия. И если с этим злом и борются, то только с помощью силы; и тогда начинается сплошная каторга, угнетения, казни и истязания.

16. Образованные, находя удовольствие в свободных науках и искусствах[1], охотно занимаются ими, ни одного из них не выпуская из поля зрения. Они исчисляют звезды и измеряют небо, землю, пропасти и невесть что, не желая, чтобы где бы то ни было, хотя бы в отдаленнейших областях земли, воды, воздуха, что-либо происходило ими не понятое. Они стараются также узнать:

бег веков, как далеко отстоим мы от начала мира, как скоро мы можем ожидать его конца, чтобы, имея перед глазами прошедшее, лучше располагать настоящим на пользу будущего. Необразованные [не только] всего этого, а даже и самих себя не знают, не задумываясь о том, откуда они пришли сюда, куда пойдут, что происходит с ними или вокруг них; а потому они несведущи в прошедшем, неразумны относительно настоящего, не приготовлены ни к чему, что предстоит в будущем.

17. Образованных услаждает лира Орфея, и они охотно предаются божественной музыке, чтобы, пленяясь сладостью звучной гармонии, тем лучше всюду ей внимать по примеру Давида и Соломона. Необразованные же — ослы в музыке; если услышишь между ними какие-либо звуки, то разве — нестройный гам пьяных или дикие гиканья неуклюжих плясунов.

18. Наконец, образованные живут между собой мирно, исполненные света, разума, благой воли и чистой совести, довольные Богом и собой и радуясь своим сокровищам. Необразованные, не обладая ничем внутри самих себя, всецело предаются одной внешности и, гоняясь вместо вещей за призраками, становятся предметом насмешек, чахнут и, наконец, гибнут. И пусть гибли бы, если бы этой смертью они не обрекались бы заживо и на смерть вечную! Но если уж необходимо так бывает, что люди, не достойные этого имени, отклоняются от своего предназначения — блаженной жизни, то лучше бы им вовсе не родиться, или, точнее, лучше родиться не людьми, а немой тварью, чем рождаться такими людьми, которые никаким человеческим образованием не возвышаются до истинной человечности.

Надеюсь, вы поняли теперь, благосклоннейшие слушатели, что такое человек или народ образованный и чем образованные отличаются от необразованных. Нужно, однако, сверх того, иметь также в виду, что верх человеческой образованности есть благочестие, или страх Господень, который прославляется как венец премудрости (Сир. 1, 18). Без этого же и самый образованный будет чистейшим варваром, ибо Бог всех нечестивых называет несмысленными и приравнивает их к скотам (Пс. 49, 21, 94, 8). Они умны, говорит Господь, на зло, но добра делать не умеют (Иер. 4, 22). Называя себя мудрыми, обезумели (Рим. 2, 5, 22). И еще: как вы говорите: мы мудры, и закон Господень у нас? Вот они отвергли слово Господне; и нет в них никакой мудрости (Иер. 8, 8, 9). Такую мудрость апостол называет земной, животной, бесовскою (Иак. 3, 15), хотя сыновья Агари (люди плотские) только и ищут этого земного знания; купцы земные и баснословы и исследователи знания, они не познают пути истинной премудрости и не помнят стезей ее (Вар. 3, 23). Так как между образованнейшими народами Европы встречаются и такие, которые образованы не по образу Божию, а по образу сатаны, то я должен вас, мои дорогие, предостеречь, чтобы кого-либо не сбило с толку слово «образование», которое одинаково относится к людям, изощренным как во зле, так и в добре. Лучше вовсе не

получить образования, чем приобрести его для мирских сует, гордости, обманов, хитростей, нечестия или лицемерия; лучше остаться народом грубым, но простым и богобоязненным (каковы были в первые века, во времена патриархов), чем приобрести тот лоск, которым прикрывает себя свет. Однако же и грубое невежество влечет за собою незнание Бога и пренебрежение к улучшениям, тогда как истинное познание всех вещей есть путь к познанию Бога; а чем более мы познаем его, тем более любим. Да исчезнет же злоупотребление образованием и останется одна польза от него!

NB ***Речь идет о нравственной направленности знаний. Сами по себе они нейтральны, все дело в том, во имя каких целей используются. И здесь особенно важным является уровень воспитанности носителя знаний. Один сделает из них средство улучшения окружающей жизни, в руках другого знания могут стать мощной разрушительной силой. Недаром Д.И.Менделеев сказал: «Знания без воспитания — это меч в руках сумасшедшего».***

Об истинном же и спасительном образовании людей я, сверх того, добавлю, что никто не может сделаться образованным без воспитания или культивирования, т.е. без прилежного обучения и попечения. Если же скажут или подумают, что «духовное дарование есть дар Божий и вложено в нас его десницей, а потому может ли человек совершенствовать дела Божии?», то я отвечу: те дела Божии, которые Творец изъял из нашей власти, действительно не могут быть ни изменены, ни тем более усовершенствованы нами, как, например: внешний вид мира, течение звезд, небесные явления и т.п. Все же то, что он вложил в нашу руку или душу, он как бы подчинил нашей власти, так что от нашего усмотрения зависит приспособить все это к нашим потребностям и с этой целью перемещать, переделывать, отшлифовывать, т.е. вообще совершенствовать. Здесь подразумеваются камни, металлы, травы, дерево, животные и само наше тело. На равном основании Премудрый строитель восхотел, чтобы в нашей власти и на нашей обязанности было совершенствовать и свои врожденные способности: ум, волю, руку, язык, чтобы каждая из них прямо-таки блистала своей отделкой и отвечала своему назначению. Ибо, если бы он что-либо из дарованного нам или нас самих изъял из нашей власти, то этим он умалил бы в нас то величие, которым нас украсил (т.е. свой образ). Однако же он не пожелал умалить его, а потому предоставил нам право распоряжаться собой так или этак и самих себя усовершенствовать с его помощью. Итак, нам нужно такое образование, которое делало бы нас способными всегда все правильно разуметь, желать, делать, высказывать; только тогда, достигнув умом, душой, рукой и языком должного совершенства, мы будем справедливо называться людьми. Отними образование духа, и ты увидишь, что люди хотя и пасутся и тучнеют чревом, но скудеют духом; здоровеют телом, но болеют душой; блестят кожей, но грязны совестью. Ибо почему для человека, земной твари, должны существовать иные условия, чем для других земных тварей? Взгляни на драгоценный камень, лучезарно блистающий в

царской короне или на княжеском пальце. Таким он, полагаешь, и родился? Ошибаешься, если так думаешь. Он родился шероховатым, темным, грязным; ты бы его и с земли не стал поднимать. Чтобы он заблестел, надо его скоблить, чистить, пилить, гранить, обтачивать, выравнивать, обтесывать, всячески шлифовать и полировать. Даже грубый камень, служащий для постройки домов, башен, стен, колонн и других подобных потребностей, может идти в дело не иначе, как ограненный, вытесанный и установленный нашей рукой. Равным образом металлы, созданные для важнейших потребностей нашей жизни, приходится вырывать, плавить, очищать, отливать и ковать различным образом; иначе пользы от них будет не больше, чем вот от этой земляной грязи. От растений мы получаем пищу, питье, лекарство; однако травы и хлеба нужно для этого сеять, бороновать, косить, молотить, молоть, толочь; деревья — сажать, подчищать, удобрять, снимать с них плоды, сушить последние и т.д.; еще более сложной и разнообразной обработки требуют они, если предназначаются для изготовления лекарств или для строительных целей. Животные, например такие, которые служат нам самой своей жизнью или же как тягловая сила, по-видимому, хотя и сами могут все добывать для поддержания самих себя, однако, чтобы пользоваться их работой для тех потребностей, для которых они нам дарованы, ты никогда не обойдешься без предварительного их приучения. Вот, посмотрите: конь рожден для войны, бык — для упряжки, осел — для вьюка, собака — для сторожевой службы и охоты, сокол и ястреб — для ловли птиц и т.д.; однако, если ты каждого из них не приучишь к его делу, они ничего не будут стоить. Так и человек: его тело предназначено для трудов, однако мы видим, что, кроме голой способности, ему ничего больше не прирождено. И сидеть, и стоять, и ходить он должен быть постепенно приучаем; даже есть и пить он не умеет без приучения. Откуда бы явилось такое преимущество для нашего ума, нашей воли, нашей руки, нашего языка, чтобы последние могли, без предварительной подготовки, в совершенстве исполнять свои обязанности? Нелепо было бы даже это и предположить, ибо для всех тварей существует один закон: получать начало из ничего и постепенно возвышаться и совершенствоваться как по своей сущности, так и по действиям.

Итак, необходимо все дарования развивать в совершенстве, чтобы родившийся человеком учился и действовать по-человечески. Но прежде всего необходимо, чтобы такую обработку получали те, кто должен стать зерцалом, правилом и опорой для других, т.е. кто предназначен к управлению какой-либо частью человеческого общества: семьей, школой, городом, царством. Но надо наставлять и тех, кого природа предназначила к подчинению, чтобы они умели разумно покоряться и повиноваться порядку. Надо обучать бездарных, чтобы они доставляли какую-нибудь пользу, хотя бы ремесленным трудом; надо обучать даровитых, чтобы, по чрезмерной подвижности ума, они не ударились во зло и не погибли бы от собственных заблуждений. Хорошим натурам образование нужно для то-

го, чтобы предохранить их от испорченности; нужно оно и испорченным, чтобы исправить их природные недостатки; так было, по его собственному признанию, с Сократом, испорченная и склонная к порокам природа которого была исправлена благодаря воспитанию. Одним словом: как плодородная земля при отличной обработке становится раем, а если остается в небрежении — печальной пустыней, наполненной крапивой, тернием и гадами, так и дарования при прекрасном воспитании совершенно уподобляют нас ангелам и даже самому Богу, образ которого отражают; оставленные в пренебрежении низводят нас к скотам, а совершенно отдалившись от своего первообраза, увы, — даже к самим нечистым духам! Итак, усовершенствование природных дарований, которое одно может возвысить нас до уподобления Богу, необходимо людям более всех сокровищ мира, почестей, удовольствий и всего, что только может входить и обыкновенно входит в круг наших желаний, и потому оно должно быть высшей целью наших стремлений.

Теперь спрашивается: возможно ли культуру природных дарований распространить на какой-либо народ в целом и каким образом можно было бы легко привить ее народу, еще недостаточно образованному? Впрочем, я не вижу нужды ставить вопрос об этой возможности, когда об этом свидетельствует самый факт наличия у многих народов блестящей культуры, хотя и едва ли вполне совершенной у какого бы то ни было народа. Очевидно, однако, что возможно быть и вполне образованным, если отнестись к этому делу с серьезным усердием и желанием, так как вовсе не трудно, а тем более не невозможно направлять известное дело туда, куда оно уже само по себе клонится, только бы были устранены препятствия и разумно направлялось само его природное стремление. По крайней мере, не требуется особенного искусства, чтобы из птицы наверняка сделать птицу, из коня — коня, из воды — воду, из камня — камень (т.е. достигнуть того, чтобы птица летала, конь бегал, вода текла, камень лежал там и так, как тебе угодно), а следовательно, и из человека сделать человека, если только знаешь способ для этого. Ибо природа всех людей одна и та же. Если хорошо знаешь одного — знаешь всех; если умеешь сделать образованным одного — сумеешь и всех. Многим даже без чужого руководства, по внушению более щедрой к ним природы, удается достигнуть того, что они находят в самих себе и учителя, и ученика, и учение, и путь, или метод учения. Я разумею самоучек, которые, без постороннего руководства, становятся учеными, честными, предприимчивыми и красноречивыми. Правда, не все бывают так счастливы, и многим достаются в удел более скромные способности, но, как справедливо пел Гораций:

Самый суровый дикарь непременно нравом смягчится,
Стоит к природе ему терпеливым прислушаться ухом,

так как (говорит Овидий)

Ведомо, что уж одно изученье искусств благородных
Нравы смягчает всегда и дикими быть не дает.

И в самом деле, каким бы человек ни родился, он рождается человеком, т.е. (как сказал Климент Александрийский) «одушевленным полем», а потому (добавляет Гиппократ) «какова роль семян в отношении к земле, такова же и роль знания в отношении к человеческому духу». Как нет такого несчастного поля, которое, будучи возделано, не восприняло бы каких-нибудь семян и не принесло бы плода, так едва ли бывают окончательно бесплодными и дарования, если только они возделываются прилежно, получая всяческую, какая только возможна, помощь. Средств, служащих общему развитию [человека], восемь. Я скажу о них, вы же выслушайте только, и тогда вы поймете, что вам советуют дело, во всех отношениях прекраснейшее и легко осуществимое.

I. Первое средство состоит в том, чтобы родители и няньки полагали первое основание счастливому развитию природных дарований, старательно заботясь, чтобы с детьми не приключилось чего-либо пагубного для их жизни, здоровья, чувств, нравов. Об этом многое следовало бы сказать, но здесь не место. Мы написали по этому предмету, еще 18 лет тому назад, особую книгу под заглавием «Schola materna» — «Материнская школа» — на немецком и польском языках. Там описывается, какие обязанности лежат на родителях в отношении их ребенка: до того, как они его зачнут, пока мать носит его в утробе, во время появления его на свет и в его нежнейшем, требующем особенных забот, возрасте, чтобы прежде всего и главнейшим образом они сами не погубили его своей дорого обходящейся беспечностью или не испортили равносильным жестокости баловством. Это составляет краеугольный камень подлинного воспитания дарований, первое основание общественного благополучия, при правильном о нем попечении.

II. На втором месте стоят воспитатели, попечению которых родители вверяют сыновей с той целью, чтобы те внушали все доброе дарованиям еще слабым, но уже предрасположенным к росту, подавали примеры честности, указывали образцы всяких разумных действий и остроумной речи и, таким образом, не упуская ни одного удобного случая, запечатлевали в них образ Божий и умело вылепливали эти хрупкие произведения, этих своих меркуриев. Велика польза от этого дела, если оно ведется разумно, потому что первый возраст имеет свойство воска, из которого можно все вылепить, и, подобно обезьянам, подражает всему, что только видит, — хорошему и дурному. Вот почему нет ничего справедливее изречения, утверждающего, что мы остаемся на всю жизнь такими, какими нас воспитали в отрочестве.

III. Третьим средством общественного образования являются общественные школы, как бы общественные мастерские гуманности. Здесь надежными учителями, облеченными общественным авторитетом, удобопонятно преподается все, что необходимо знать и чему необходимо веровать, что говорить и что делать; здесь же усердным и непрерывным упражнением во всем, заслуживающем уважения, развивается и укрепляется в детях склон-

ность к науке, мудрости, добродетели и красноречию. Все это совершается приятно, когда учителя и на деле являются тем, чем они слывут, будучи как бы ходячими библиотеками и живыми примерами всего, что нужно делать и чего избегать, так что подражать им и легко, и надежно. Ибо легко следовать правильно за тем, кто правильно идет впереди, и «каков предводитель, таковы и предводимые». Счастлив народ, получающий наставления в многочисленных и разумно устроенных школах!

IV. Четвертым средством всеобщего образования и в школах, и вне школ служат хорошие книги, подкрепляющие дарования более широким познанием вещей, всевозможными добродетелями и потоками красноречия. Говорю — хорошие книги, ибо если они действительно хорошо и мудро написаны, то представляют поистине оселок для отточки дарований, напилок для изощрения разума, мазь для глаз, воронку для вливания мудрости, зеркало чужих мыслей и действий и руководство для наших собственных. Если бы какой бы то ни было народ во всей своей массе в достаточной мере был обеспечен такими книгами, он был бы озарен светом. Подчеркиваю: *светом был бы озарен любой народ во всей своей массе, если бы он в достаточной мере был обеспечен хорошими книгами.*

V. Следующее, пятое, средство изощрения дарований — частое общение с мужами учеными, благочестивыми, деятельными и красноречивыми, общение, заключающее в себе скрытую, но самую действенную силу для нашего преобразования. Ибо справедливо сказано: как прогуливающийся под лучами солнца все-таки согревается, а при продолжительности прогулки он к тому же и загорает, хотя бы он прогуливался и с другой целью; так точно тот, кто вращается среди людей (добрых или злых, образованных или невежественных, мудрых или глупых), непременно усвоит, хотя бы и бессознательно, нечто из их дарований и нравов. Следует поэтому заботливо отстранять от дурного товарищества молодежь того народа, которому мы хотим сообщить образование, и постоянно привлекать ее к общению с людьми учеными, благочестивыми, честными и усердно занятыми делом: тогда молодежь не может не усовершенствоваться. С этой целью многие государи и иные отцы отечества у различных народов находили нужным или приглашать к своей молодежи мудрых мужей из других стран, или отправлять к ним своих, чтобы они жили там и совершенствовались не днями или месяцами, но целыми годами.

VI. Однако недостаточно жить в общении с мудрецами, чтобы привыкать всю жизнь проводить в труде; сами юноши должны постоянно упражняться в деятельности; только тогда выйдут из них будущие мастера, если они приобретут соответствующий навык. Действительно, никто иначе не научается избегать ошибок, как часто ошибаясь, осознавая и исправляя эти ошибки; никто не делается мастером, не упражняясь в мастерстве. Именно в такой школе постоянного практического опыта, начиная с раннего возраста, возникли военные познания Ганнибала, так как он, будучи еще

мальчиком, сразу же последовал за отцом в лагерь и всю жизнь только и делал, что воевал. Таков и Александр Великий, и другие древние герои, воспитанные практическим опытом. Но к чему вспоминать древних? И ныне превозносимая выше других мудрость венетов и белгов[2], а также благоденствие их государств происходят не из другого источника, как из обычая с ранних лет упражнять своих сыновей в трудовой жизни и в общественных делах. Там сын хотя бы дворянина, барона, графа, сенатора и даже самого дожа не допускается к почестям иначе, как постепенно, начиная свое служение родине (вместе с самыми простыми людьми) не иначе, как с низших должностей, и достигает высших только после основательного ознакомления с предшествующими. Таким путем все делаются ловкими и способными ко всему, и никому не дозволяется быть праздным или бесполезно обременять землю.

VII. Седьмое средство, содействующее общественному воспитанию природных дарований, составляют сами мудрые правители с их благочестиво-ревностным попечением (чтобы у подвластных им не было недостатка в школах, у школ — в учителях, у учителей — в учениках, у учеников — в книгах и прочем необходимом, у всех же — в мире и в общественном спокойствии). Так заботились о своих народах Давид, Соломон, Иосафат и другие благочестивые еврейские цари, а Антонин Пий, щедрейший из римских императоров, назначил в каждой провинции (не исключая и самых отдаленных) особое содержание для служителей муз. О Карле Великом читаем, что однажды, когда к нему, провозглашенному государем Галлии, пришли из Шотландии два философа, он спросил их, чего они желают. Они отвечали, что принесли новому государю новый дар — мудрость. Государь спросил, что это за мудрость, и они с философской прямотой отвечали, что до них дошел слух, будто в его государстве школы в упадке и нет попечения о науках, а потому они пришли подать совет об устроении школ. Тогда император, приняв их совет, основал Парижскую академию, а вскоре и много других школ. Отсюда ведет начало блеск галльского народа — между европейскими народами самого образованного. О, если бы таких Карлов, Антонинов, Юстинианов, Константинов, Иосафатов, Соломонов, Давидов выдвинул Бог среди всех, доселе необразованных народов! Тогда бы вся вселенная поднялась от варварства до блеска.

VIII. Наконец, последнее и необходимейшее средство при культуре дарований есть благодать от Бога — того Бога, «без воли которого ничего в человеке не происходит, который один может отверзать очи слепым и содействовать тому, чтобы мы не были подобны коням и несмысленным лошакам» (Пс. 32, 10), который один есть тот свет, что освещает всякого человека, грядущего в сей мир, в света этого тьма не обымет, т.е. не захочет соприкоснуться с ним и быть освещенной им. С нашей же стороны требуется лишь одно — стремиться к свету и, обращаясь к нему, воспринимать лучи блеска его, чтобы быть в свете. Это обращение совершается как через молитвы и призывание, что явствует из примера Соломона, так и через старание сохранить души и тела наши чистыми от грехов, ибо «в лукавую душу не войдет дух премудрости» (Премудр. Сол. 1, 3, 5) <...>

ОБ ИСКУСНОМ ПОЛЬЗОВАНИИ КНИГАМИ — ПЕРВЕЙШИМ ИНСТРУМЕНТОМ РАЗВИТИЯ ПРИРОДНЫХ ДАРОВАНИЙ

Речь, произнесенная в большой аудитории Патакской школы 28 ноября 1650 г. перед началом занятий

NB ***Этой речью Я.Коменский закладывает основы книговедения. Ярко, логично, убедительно он говорит о значении книги как главном инструменте постижения человеческой мудрости. Весь материал практико-ориентирован: в нем даны критерии, позволяющие отличить хорошую книгу от плохой, техника работы с книгой, а также советы книголюбам. Особую важность представляет рассуждение о роли школьных библиотек в образовании юношества.***

Дорогие слушатели, как вам небезызвестно, меня пригласили сюда к вам, чтобы я, насколько Господу будет угодно, помог вам советами в вашем труде, посвященном постижению свободных наук. Весь я к вашим услугам! Положу начало делу сегодня! Положите и вы ему начало, внимательно восприняв слова советчика, чтобы они не развеялись по ветру. В самом деле, я обращаюсь к вам, а не к этим стенам и собираюсь сказать что-то полезное.

Рассматривая в течение вот уже целого проведенного среди вас месяца все наши занятия и их распорядок, я, как мне кажется, понял три важнейшие причины медленности ваших успехов. Первая в том, что вы недостаточно снабжены полезными книгами, этими носителями знаний. Во-вторых, даже если прекрасные подспорья образования в большой своей части все-таки имеются, они часто лежат понапрасну, так упрятанные в библиотеке школы, что немногие получают к ним доступ и даже хотя бы просто знают о существовании этих сокровищ, не то что овладевают ими. В-третьих, я не замечаю ни у наставников, ни у учащихся особого умения обогащать себя сокровищами разностороннего образования так, чтобы избегать лишних усилий[1], перелагая большую часть трудов и тягот на этих безмолвных учителей[2].

Раз уж я подметил эти недостатки и уверен, что при разумном подходе их можно исправить, то молчать мне не пристало. Не думайте только, что одних вас попрекаю в ошибке: это общая болезнь школ в наше время — загружать умы отвлеченными пустяками, совершенно исключая настоящих писателей или допуская едва одного-двух, да и с ними обращаясь так, что получается пытка и для них, и для молодых умов.

Итак, надо сразу же поразмыслить о лекарстве. Для разговора о нем прошу от вас на полчасика навостренных ушей и душевного внимания. Я намерен доказать, что (1) стремящийся к учености должен ценить книги выше золота и драгоценных камней; (2) ни днем ни ночью не выпускать их из рук; (3) извлекая из них отборный цвет мудрости, переносить его в ульи собственных познаний и (4) не оставаться в неведении о том, как прекраснейшим образом использовать эти отовсюду почерпнутые сокровища мудрости.

Указав вам на это, призову вас приняться ревностно за чтение авторов, во святое имя Божие. Не страшитесь моего многословия: не все, что можно сказать по этому поводу, собираюсь говорить, а хочу для начала только воспламенить в вас любовь к книгам, оставив частности самой практике дела.

I

Я сказал, что стремящийся к мудрости должен любить книги больше золота и серебра. Это поистине так. Ведь именно книги, а не золото и серебро способны привести такого человека к исполнению желаний; так что же, выходит, предпочтительнее? Голодный наверняка предпочтет хлеб золоту, слепнущий — лекарство для глаз серебру, тяжелобольной — врачевание сокровищам. Бесплодным останется поле, если не бросить семена; бесполезны будут пчелы, если не станет медоносных садов и лугов; праздны муравьи, если не будет лужаек, где они собирали бы себе пропитание. Но еще бесполезней глаза, если нет зрительных впечатлений; бесполезны ноздри, если нет запахов; уши — если нет звуков и т.д. И точно так же напрасен ум, если нет пищи мудрости, какую доставляют добрые книги, полные благих наставлений, примеров, нравственных заветов, законов и благочестивых правил. Словно задушевные друзья, они охотно беседуют с нами, и, искренне, открыто, без обмана рассказывая по нашему желанию о чем угодно, учат нас, наставляют, ободряют, утешают и как бы зримо являют нам самые далекие от наших глаз вещи. О дивное могущество книг, их величие и чуть ли не божественная сила! Не будь книг, дикарями были бы мы все и невеждами, не хранили бы никакой памяти о событиях прошлого, не знали бы ни божественной, ни человеческой науки. Если бы что и оставалось, то лишь сказки и предания, тысячекратно переиначиваемые непостоянством бродячей молвы. О этот Божий дар человеческому уму — книги! Нет вещи, лучше них поддерживающей жизнь памяти и ума. Не любить их — значит не любить премудрость, а не любить премудрость — значит уподобляться скотам, что означает уже дерзость перед Богом — творцом, пожелавшим, чтобы мы были его образом и подобием. Итак, остережемся этого! И поскольку с помощью книг многие научились даже вне школы, а без книг никто не научится даже и в школе, то, если мы любим школы, будем любить и книги, душу школ, которые без одушевления книгами мертвы.

II

Я сказал об уважении к книгам. Но мало предпочитать их золоту и хранить пуще сокровищ; ибо от спрятанного сокровища какой толк? Книги надо еще и читать, откапывая скрытые в них клады премудрости и вынося их на свет, на пользу всем. Если бы кто-то более прозорливый стал утверждать, что не книги эти, писанные рукой человека, но сам Дух наш и простертые во Вселенной создания рук Всемогущего, а также слово Божьего писания суть золотые россыпи премудрости, мы бы согласились. Но только пусть и с нами согласятся, что мудро составленные человеческим трудом книги — это золото, уже отрытое из недр, разнообразно очищенное водой и огнем и, может быть, уже и прошедшее чеканку и пригодное для общественного пользования, уже получившее определенную ценность и таким образом служащее повседневным нуждам. Как сложенное в сундуки золото считается более надежным имуществом, чем золото, еще сокрытое в подземных рудоносных жилах, так и мудрость, уже разобранная по сундукам-книгам, доступнее той, которая, пока еще скрываясь от нас в своих источниках, может быть только со временем оттуда извлечена. Кроме того, поскольку не было, нет и не будет такого счастливого дарования, которое извлечет все из самого себя, подобно тому, как паук ткет паутину из собственного брюшка, то почему нам не заимствовать его друг у друга? Почему не употребить и усилия других людей для нашего дела? Не лучше ли уподобиться пчелам, которые медоточат не сами из себя, но, летая по садам, лугам и полям, собирают цветочную пыльцу и из нее уже приготовляют мед? Именно так всегда и поступали просвещеннейшие мужи. Катон, мудрейший из римлян, назван у Туллия «пожирателем книг», потому что в его руки не попадало книги, которую он тотчас же не прочел бы и не вобрал в себя[3]. О Плинии, этом выдающемся знатоке всего, что достойно знания, пишут, что на глаза его не попадалась книга без того, что бы он ее не прочел. Есть много свидетельств, что святой Иероним (о нем у Августина: «Ни один человек не знал такого, чего не знал бы Иероним») был человек бесконечной начитанности; между прочим, он утверждает, что прочел шестьсот книг одного только автора — Оригена.

Какие же книги надо таким образом просматривать? Все. Нет столь плохой книги, которая не содержала бы хоть что-то полезное, по свидетельству Плиния[4]. Если все прочесть невозможно (особенно с тех пор, как безбрежно разросся книжный потоп), то хоть бóльшую часть. А если и это не дано, то как можно больше хороших; и если уж совсем мало — то лучших.

А как их выбирать? Скажу по своему разумению; слушайте и не гнушайтесь советом. Во-первых, призываю читать книги, полные *вещей*, а не слов, т.е. книги, говорящие о нужных для жизни предметах, а не изобилующие речами. Ради одного только стиля вряд ли стоит что читать, и если уж понадобится, то от силы одну-две книги. Ведь если мудрый писатель прекрасно излагает прекрасные

мысли, то вот мы и учимся одновременно и тому и другому, словно у нас в руках орех в скорлупе, вино в сосуде, меч в ножнах и т.д.! Зачем разрознивать взаимосвязанные вещи? Во-вторых, книги следует читать больше содержательные, чем формальные, т.е. содержащие примеры и практику — прежде преподающие умозрительные наставления. Этим последним особенно грешат школы, изнуряя и обволакивая умы учеников абстрактными наставлениями, грамматиками, логиками, риториками, вместо того, чтобы скорее вести их прямым путем к делу. Зачем кузнецу молот, если нет того, что надо ковать, — железа? К чему портному пускай даже и тысяча иголочек, наперсточков, ножниц, линеек, если нет у него тканей, из которых можно шить одежду? А ведь именно таковы маленькие кандидаты в мудрецы, которые раздулись от пустых наставлений и правил; переходя к делу, они молчат, колеблются или производят бестолковый шум; сухи и скучны, далеки от подлинного понимания сути, тем более от практики, словом, тощи и бесплодны. Это уклонение школ от истинного пути, пусть и очень застарелое, надо решительно исправить; вместо множества методических наставлений будем как можно скорее вводить чтение авторов. В-третьих, следует наблюдать за тем, чтобы древних авторов не читали в отрыве от новых, произведения универсальные — в отрыве от частных. Ты прочел писателей нашего века? Вкуси античных: старое вино лучше, говорит Спаситель. Прочел древних? Не презирай поздних; они несут новые наблюдения, неведомые прежним. Прочел что-то общего характера? Ищи частные выводы из этих начал. Рассмотрел частные стороны? Подумай, как они сочетаются в целое. Словом, знания древних почтенны из-за давности, поздних — из-за возросшего просвещения; частности надо изучать, потому что они дают много практических навыков, общие вещи — потому что они возносят ум ввысь, как пирамиду, придавая ему цельность и крепость.

III

Но мало читать книги, их надо читать внимательно, отмечая и выписывая главное. Отмечая в самой книге, если она твоя; выписывая или делая выдержки — все равно, твоя она или чужая. Отбирать полезнейшее — дело такой важности, что немыслим толковый читатель без умения отбирать. (В самом деле, ведь ученым тебя делают не книги, а их изучение.) Единственный надежный плод чтения — усвоение прочитанного, выбор полезного. Поистине только это обостряет внимание, держит ум в напряжении, запечатляет воспринятое в памяти и озаряет ум каждый раз все более ярким светом. Не пожелать выделить из книги ничего — значит все пропустить. Полагаться на одну память — все равно что писать по воде, потому что память наша крайне зыбка и много вбирает в себя такого, что тут же и выпускает, если ей не помочь оградой письма. Итак, будем помогать ей в уловлении полезного насколько возможно; а всего легче это сделать, выписывая и занося в свои книги для заметок все достопамятное, откуда его легчайшим образом

можно извлечь при первой надобности. Именно этим путем многие на удивление ученые люди дошли до высот, которые способны только привести в изумление не знающих, какими способами такого достигают. О Плинии сказано: «Он не видел книги, которую бы не прочел; он не прочел ничего достопамятного, не сделав выписку, и он не сделал выписки, которую опять-таки не внес бы в сочинения» (т.е. в свои книги). И Геллий писал о себе: «Какую бы книгу я ни брал в руки, греческую или латинскую, я сразу делал в ней заметки»[5]. А вот Липсий: «Я не собираю, а отбираю"; и он не отрицает, что, выписывая не наугад, а вдумчиво, все-таки выписывает. Недаром о нем свидетельствовали: «Липсий говорит свое, но большей частью не своими устами».

Так что же, спросишь ты, надо отбирать и извлекать? Отвечаю. Вопрос этот не слишком мудреный. Пиши все, что сочтешь для себя новым, доселе не известным; все, что сочтешь прекрасным и могущим тебе когда-нибудь пригодиться, будь то слово, или фраза, или целый период, или повествование; все, что блеснет перед твоими глазами, словно драгоценный камешек. Некоторые выписывают только нужное им для занятий (скажем, богословы) и лишь это выписывают, опуская остальное; таким путем они отбрасывают целые, и даже прекрасные книги, не видя в них никакой пользы для своего дела. Но мы, рекомендуя занятия всеобъемлющие, советуем из любой книги, какая попалась под руки, отбирать и собирать все достопамятное.

«А каким образом?» — спросят меня. Мнения разных людей о предпочтительной форме записей различны, поскольку долго их все излагать, скажу только то, к чему пришел на собственном опыте. Простейший способ — пользоваться дневниками, т.е. книжками, куда ты постоянно будешь записывать все прекрасное из прочитанного, услышанного, увиденного в этот день, а то и из пришедшего тебе на ум. Так, просматривая дневник, ты будешь с удовольствием видеть, насколько продвинулся за каждый день. Но запомни: дневник этот следует снабдить алфавитным указателем, чтобы при поисках нужного он тебе подсказал, где что записано, и помог тотчас разыскать. Поскольку эта твоя сокровищница день ото дня будет расти, и расти до бесконечности, окажется невозможным вспомнить, куда что занесено, без перечня обширных твоих богатств. Если же хочешь все-таки обойтись без перечня и тем не менее держать свои сокровища на строгом учете, составь себе пандекты, или свод, где в определенном, неизменном и известном тебе порядке будут стоять рубрики всех предметов и куда ты сможешь разносить понятия, фразы, суждения, повествования и все, что придется. Такую книжицу представляет собой «Новейшее введение в языки»[6], являющее или, по крайней мере, долженствующее явить облик целой энциклопедии, когда эта книга будет в конце концов с Божьей помощью создана. Подшив достаточно листков бумаги, ты сможешь вписывать туда, что захочешь. Перейдя к частностям, мы сможем подумать обо всем этом полнее.

IV

Перехожу к пользе, которую принесет с собой многолетний труд, вложенный в чтение и разбор авторов. Во-первых, это будет ослепительный свет разума, озаряющий все вещи, — и не такой, который тебе еще придется особо отыскивать или зажигать, когда понадобится что-то продумать, сказать или сделать, но всегда готовый и, куда бы ты ни обратился, всюду тебе сопутствующий, а это — великое дело. Во-вторых, ты будешь богат своим собственным, законно полученным достоянием; никто не сможет тебя обвинить, что сокровищами знания ты обладаешь незаконно. В-третьих, сокровища твои будут в твоей власти и смогут сослужить тебе большую службу, чем сотня чужих «Флорилегий», «Полиантий», «Общих мест», «Тезаурусов» и т.д., ведь что не мы сами сделали, то, как мне кажется, не совсем наше. Кроме того, редко в этих чужих пособиях найдешь то, что как раз всего больше нужно; наоборот, что сам для себя обдуманно собрал, всегда к твоим услугам. К тому же в тех пособиях бесчисленное множество вещей тебе никогда не пригодится, а ведь их все равно придется пробегать каждый раз, пока ищешь нужное, и лишний этот труд ты будешь вынужден каждый раз повторять, хотя, возможно, и будешь оставаться ни с чем. Этого никогда не случится с твоими собственными записями, которые всегда настроят тебя на благие размышления. Сверх всего в тех пособиях содержатся ссылки на чужие мнения в сбивчивых или измененных выражениях, и вряд ли можно когда на них вполне положиться; а что сам выписал и, значит, уверен, что читал собственными глазами, тому не доверять невозможно. Четвертый плод будет в том, что, составив эту обширную сокровищницу извлечений, ты получишь невероятную возможность: за один день пробегать хотя бы и шестьсот авторов (т.е. столько, сколько ты всего прочел и усвоил), справляясь у них о сомнительных вещах; у тебя почти не останется дурного незнания; тебя назовут живой ходячей библиотекой; ты будешь казаться всеведущим, и к тебе будут обращаться, как к оракулу (в среде не причастных к этому секрету). Да и не только казаться: ты станешь таким на деле. Хорошо оснащенный своим сводом выписок, ты сможешь (1) для любой данной темы назвать писавших о ней авторов; (2) при надобности рассуждать на эту тему, и в материале у тебя никогда не будет недостатка, все равно, понадобится ли излагать его письменно или устно, — времени для подготовительной работы потребуется немного; (3) ты приобретешь способность проницательно судить о мнениях авторов, указывая на более верные и правдоподобные из них; (4) благодаря этому ты сможешь быть полезен всем ищущим путь среди сомнений; (5) у тебя будет постоянное лекарство для ненадежной памяти; (6) при всякой надобности ты сможешь рассуждать о любой теме хоть целый день, что для не имеющего свода выписок недоступно; (7) так драгоценным камнем просияет твоя ученость, если к тому же ты приобретешь навык хорошо говорить. Чтобы все случилось именно

так, очень поможет, если, делая особо важные выписки, ты будешь тотчас прикидывать, к чему в твоих работах, когда, где и каким образом ты пожелаешь их применить, занося особо уместные соображения в особую книжицу (озаглавь ее «Для исполнения» и время от времени просматривай). Впрочем, подробнее об этом — тоже потом, когда мы приступим к Геллиевой коллегии.

Видите, дорогие мои, как откровенно я с вами говорю! Как без обмана открываю вам секрет восхождения к обширной и разносторонней образованности! Любовь к вам побуждает меня выносить на свет эти секреты. Ваше дело — ответить мне таким же чувством, и пусть это чувство пробудит в вас жажду дела, столь необходимого вам для вашего блага. Все познаваемое знать так, чтобы ни в чем не быть слишком несведущим, — как это прекрасно! И обо всем обсуждаемом знать наперед несколько мудрейших изречений — как это великолепно! Если я к этому вас не приохочу, напрасно мое появление здесь. А мне не достичь этой цели более кратким и верным путем, чем советуя вам читать авторов, и советуя настойчиво. Вот я показал вам, какие сокровища мудрости можно откопать на поле библиотек. Неужели вы не последуете совету Христа в его притче о человеке, нашедшем клад на чужом поле? Он пошел, скрывая радость, продал свое имущество и купил это поле (Матф. 13, 44). Идите и вы, возлюбленные мои, продайте, что имеете, и купите поля, в недрах которых таятся сокровенные клады мудрости — хорошие книги. Этими сокровищами оснастите себя и других, кого захотите обогатить, а также отечество и саму церковь.

«Неужели все это действительно так уж важно?» — скажет кто-нибудь. Безусловно. Вот послушайте. Каждому народу придает блеск наличие ученых мужей, знаменитых опубликованными сочинениями. Ими ярко блистают многие другие племена, что ж мы? И почему так? Ведь не зажигаются великие светочи другим путем, чем от собранных отовсюду воедино светоносных лучей, как мы уже говорили. Неужели мы решим, что надо и впредь пренебрегать тем, чем у нас всегда до сих пор пренебрегали? Здесь именно и была до сих пор слабость нашего с вами племени: припав к ручейкам, не продвигаться к истокам, довольствоваться каплями мудрости, пренебрегая реками, озерами, морями и самим океаном ее. Наша образованность сводилась к тому, что мы пробавлялись только чужими книжонками, компиляциями, цветничками, всевозможными начальными руководствами, кое-какими комментариями, даже словариками и грамматиками. О эти несчастные руководства! О губительный ущерб! Что позволило итальянцам, испанцам, галлам, англам, бельгам превзойти нас образованностью? Что еще, кроме названной нами причины? У них читают не книжонки, а книги; не книги — библиотеки. И постигают писателей не одного нашего века — исследуют всю древность; и ко всему свежему, где бы оно ни появилось, относятся со вниманием. И не на одном лишь языке — на всех, какими могут овладеть и от каких ожидают чего-либо разумного. Неужели мы такие недоумки? Или у нас недоразвиты на-

ши пять чувств? Или восприимчивая сила фантазии? Или сокровищница-память? Ничего подобного. Мы равны другим народам, одинаково с ними богаты природными талантами. Что же нас от них отличает? Только энергия, которая кипит у них, а у нас угасла. А рвение нас покинуло потому, что засосала лень. Так изгоните лень, дурную гостью, венгры! Отриньте малодушие! Дерзайте, как на ваших глазах дерзают другие! Даст Бог и вам то, в чем он не отказывает другим; только будьте неотступны на тех же путях. И тем увереннее уповайте, что будет так, чем очевиднее уже проявилась милость Божия еще к вашим предкам. Ведь как прекрасно писал полтора века назад сам великий Эразм к Иоанну Турзону, епископу Братиславскому: «Не диво, что среди венгров есть прекрасные дарования, если Ян Панноний удостоился в поэзии такой славы, что даже Италия сама предлагает ему венец. А Низона, память о котором ты во мне освежил, вспоминать так же приятно, как приятна была нам некогда дружба в Риме. Кто его ученее и приветливее? С таким наставником я охотнее готов поздравить вашего светлейшего короля, чем с самим его королевством».

Так говорил Эразм, и прошу вас не пропускать мимо ушей его суждение (то, что он предпочитал одного талантливого венгра целому венгерскому королевству), но пусть оно пробудит в вас жажду соревнования — ведь та же у вас страна, то же небо, тот же Бог. Разумеется, до сих пор в недрах вашего племени зарождалось немало дарований, сомнения здесь нет. Но поскольку эти замыслы природы неумело развиваются нашим искусством, они не получают должной обработки или получают плохую, во всяком случае, недостаточную, и так получается, что при формировании умов бывает больше выкидышей, чем благополучных родов. У меня возникла большая надежда на вас и ваши умы, и я охотно послужу Господу, выводящему таланты на свет; только не отворачивайтесь, не отталкивайте от себя дружескую руку. Да не будет того, чтобы я захотел что-либо знать для себя одного, а не вместе со всеми в общем доме церкви! Да не будет того, чтобы и ты, кто бы ты ни был, упустил по лености малейшую возможность совершенствования!

Я открыл вам сегодня дорогу, идя по которой каждый из вас сумеет достичь высокой учености, так неужели вы не вступите на нее? О, если бы Юпитер вернул мне протекшие годы! О, если бы кто-то преподал мне это искусство 40, 30, даже 20 лет назад! Чего я не смог бы тогда сделать за все это время? Но не было никого, кто бы меня этому научил. А у вас вот — есть! Бог послал вам провожатого и, если хотите, водителя на этом пути, возвратив его на немалое расстояние назад и отняв его на время ради вас у других. Воистину могу сказать о себе то, что сказал о себе философ Сенека: «Прямой путь, поздно и в утомительных блужданиях найденный, я показываю другим!»[7] Неужели вы, кому этот путь открывают не поздно, а как раз вовремя, не потрудитесь вступить на него? Не будете жадно впитывать содержание не только первой же хорошей книги, какая попадется вам сегодня, но и других, одну за другой, начиная с этого дня

и в течение всей жизни? Да будет так, милые мои, любовью к премудрости вас заклинаю: да будет так. Все время, какое вы до сих пор потратили на растрепанные книжонки-компендии или сгубили в праздности и в посторонних забавах, во всевозможном распылении душевных сил, теперь наверстайте насыщенно и уплотненно, став пожирателями не только книг, но и самого времени. Только в отношении времени почтенна жадность, говорит мудрец.

Остерегайтесь, любезные, чтобы не случилось с вами, как с большинством смертных, которые в течение всей жизни так и не начинали мыслить! Или как с немногими, в их числе со мной, которые начинали жить лишь тогда, когда пора бы уж и на покой. Начни раньше ты, юноша, и всякий, слушающий мои советы! Начни деятельно распоряжаться своим существованием, чтобы со временем радостно наслаждаться им! Если потеряешь время в жизни, потеряешь себя самого. А потеряешь себя самого — кто тебе тебя вернет?

Мне кажется, однако, что я слышу безмолвный ропот и вижу, будто ко мне поворачиваются спиной. Иной скажет: к хорошим вещам зовешь, да трудным. Отвечаю. Надо расколоть орех, если хочешь съесть его, и кто хочет овладеть найденным кладом, должен копать. Ленящиеся копать вынуждены попрошайничать, а это очень стыдно. И не правда ли, студенческая жизнь подобна воинской службе? Так вот, римский солдат, столь победоносный в древности, считал для себя законом носить снаряжение четырех видов: первое — предметы личного пользования, второе — оружие наступательное и оборонительное, третье — кол или жердь для устройства лагеря везде, куда бы ни довелось прийти, четвертое — пищу на несколько дней. Вот хорошенькая поклажа! Но только при такой поклаже они могли побеждать. Подражай им, проходя службу в лагере муз! Да и почему, наконец, непривычный труд должен казаться таким тяжелым? Есть достаточно примеров, и всякий сможет понять правила этой воинской службы. Да будет стыдно одаренному юноше, если он, имея при желании всю возможность, предпочтет стать рабом скудной образованности, а не благородным обладателем обширной.

Иной думает: откуда у меня возьмутся книги? Стесненные личные обстоятельства — помеха добродетелям! Отвечаю. Пока ты здесь, мой друг, тебе может с избытком хватить библиотеки этой школы, которую мы постараемся еще и пополнить в меру возможного. Мы надеемся добиться, чтобы и хорошо оснащенная прекрасными и разнообразными авторами библиотека светлейшего князя тоже служила тем же целям[8]. Вне школы поможет щедрость других благодетелей, которые увидят твою старательность; лишь бы не упускать любой представившийся случай, лишь бы отбросить стеснительность, лишь бы не стыдиться быть попрошайкой в *таком* деле. Не оставит Бог, если сам себя не оставишь; молитвой и трудом добиваются Божиих даров. Так ищи — и найдешь, добивайся — и получишь, стучи — и тебе отворят. Ты же, благой Иисус, все наше благо, ниспошли нам желаннейшее благо — свет премудрости! Пусть в твоей школе премудрости мы совершенствуемся день ото дня во славу всесвятого имени твоего, аминь.

ПАНСОФИЧЕСКАЯ ШКОЛА, ТО ЕСТЬ ШКОЛА ВСЕОБЩЕЙ МУДРОСТИ,

учреждение которой было желательно уже многие годы у всех народов и которая теперь под покровительством сиятельного господина Сигизмунда Ракоци счастливо призвана к жизни у венгров в Шарош-Патаке в 1651 г. спасения нашего
(В сокращении)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начертание пансофической школы

Что такое школа вообще.

1. *Согласно обычному словоупотреблению под словом «школа» понимают как здание, так и собрание, в котором обучаются для приобретения познания вещей, понимания и умения применять всякого рода искусства.* Хотя человек родится способным ко всему, но на самом деле он ничего не знает, кроме только того, чему он научен благодаря руководству других людей и часто повторяемому опыту, а потому его необходимо учить всему и для этого посылать в мастерскую, где это делается. Оттого-то у высокообразованных наций есть столько же школ, сколько искусств; есть даже гимнастические (атлетические) школы, где юношество обучается употреблению оружия и т.п.

Что такое ученая школа.

2. *Под ученой* (literaria) *школой мы разумеем учреждение, где упражняются молодые люди, недавно вступившие в жизнь и намеревающиеся приступить к житейским занятиям.*

Какова должна быть мастерская гуманности, школа ума.

3. Истинными школами подобного рода, *мастерскими гуманности*, должны быть все учебные заведения (ludi literarii), предназначенные для обучения юношества. Но большинство школ, увы! слишком уклонились от своей цели и занимаются только тем, что играют науками, или, скорее, тоскливо мучаются над ними. Они не делают ничего, что бы соответствовало нуждам всей жизни, занимая умы лишь отдельными крохами наук, вещами, совершенно посторонними для действительной жизни. И вполне справедливо говорят: «Они не знают необходимого, потому что изучают не необходимое».

Что такое школа всеобщей мудрости.

4. Мы желаем иметь школу мудрости, и притом *всеобщей мудрости, пансофическую школу, т.е. мастерскую, где к образованию допускаются все, где обучают всем предметам, нужным для настоящей и будущей жизни, и притом в совершенной полноте (omnino). И все это должно вестись столь надежным путем, чтобы из обучавшихся в ней не нашлось никого, кто бы совершенно ничего не знал о вещах, ничего бы не понимал в них и не в состоянии был бы сделать истинного и должного применения и, наконец, не был бы в состоянии удачно* (commode) *выражаться.*

NB ***Видимо, мысль о всеобщем и полном образовании очень дорога Я.Коменскому: он повторяет ее многократно. Довод здесь один: человек должен приобщаться к мудрости, потому что он человек. Интересно, что эту же мысль триста лет спустя будет защищать другой педагог-гуманист — В.А.Сухомлинский.***

Что значит, что все должны быть обучаемы.

5. Мы желаем, чтобы все получили такое образование, чтобы всякий, кто родился человеком (т.е. создан по подобию Божию и предназначен Богом для вечного блаженства, но будет шествовать среди бурь житейских), был предохранен от опасностей и метаний в различные стороны, а также не погиб навеки, сбившись на пути к пристанищу вечного покоя. Ибо в этом — все важное для каждого человека (Еккл. 12, 13). Этого все должны остерегаться больше всего (именно вечных опасностей для души), хотя невозможно всем дойти до того, чтобы знать все подробности истины и добра (ибо они бесконечны), понять их и наслаждаться ими.

Что значит, что все должны быть обучаемы всему.

6. Мы желаем, чтобы новички мудрости были обучаемы *всему*. А именно, *во-первых, чтобы умы наполнялись светом познания того, незнание чего было бы вредно*; даже руки вместе с другими способностями должны быть подготовлены ко всякому хорошему делу; язык должен быть вооружен приличествующей плавной речью.

1. Познание вещей.

7. *Мы желаем, чтобы умам внедрена была вся совокупность лучшего из всей области знания.* А именно, чтобы ничего не существовало ни на небе, ни на земле, ни в воде, ни в подземных глубинах, ничего в теле человека и в душе его, ничего в Священном писании, ничего также в ремеслах, в хозяйстве (oeconomia), в государственной жизни, в церкви, ничего, наконец, в жизни и смерти и в самой вечности, чего бы основательно не постигали юные кандидаты мудрости; чтобы они все знали необходимое, понимали причины всего, знали истинное и спасительное применение всего, чтобы, таким образом, дух каждого из них стал точнейшим подобием всеведущего Бога, светозарнейшим зеркалом его творений (ludorum), вернейшим отраженным миром.

2. Искусность в действиях.

8. К познаниям надо присоединить подготовку к деятельности, в чем необходимо упражнять наших учеников, т.е. к познанию вещей нужно прибавить практическую деятельность. Без этой деятельности даже человек, знающий вещи, будет неумело вращаться среди вещей, и, даже будучи знаком с искусством, он будет представляться неспособным и вследствие этого негодным для житейской деятельности. Чтобы чего-либо подобного не случилось с учениками пансофической школы, она *ради этой высокой цели прибавит требование, чтобы никто из обучающихся в ней не был выпускаем, прежде чем он не будет самым лучшим образом напрактикован в тех видах деятельности, которые требуют особенной предусмотрительности, чтобы наши ученики в этом месте обучения учились не для школы, а для жизни. И пусть отсюда выходят юноши деятельные, на все годные, искусные, прилежные — такие, которым со временем можно будет без опасения доверить всякое житейское дело.* Если бы были подобные школы, и притом у каждого народа (gente), то это было бы всеобщим противоядием против лености и косности, а потому и против нестроения, бедности, нечистоплотности. В особенности это будет достигнуто, если школы эти, сверх того, приучат (как и должно быть в действительности) украшать деятельность честными нравами и всем приятной речью и станут увенчивать все это богобоязненностью, сердцем, воспламененным любовью к Богу и готовностью проводить жизнь угодным Богу образом.

3. Изящество речи.

9. *Последнее, к чему стремится пансофическая школа, — это усовершенствовать язык всех настолько, чтобы довести его до приятной речистости.* И это не только на каком-нибудь одном языке, но также еще и на трех ученых языках, которые посвящены описанию крестной смерти Христа и поэтому как бы рекомендуются божеством для изучения народами, стремящимися усвоить Евангелие, — на языках *латинском*, *греческом* и *еврейском*. На *латинском* потому, что этот язык в настоящее время считается первым образовательным средством и связью между народами; на *греческом* потому, что он — родной для латинского[1], который без него не может быть вполне понят, преимущественно же потому, что он служит охранению и истолкованию тайн Нового завета. Что же касается *еврейского* языка, то нечего и говорить о том, что сынам церкви он служит для понимания изречений Ветхого завета и потому никоим образом не может быть исключен из пансофических занятий.

Что значит учить совершенно (omnino).

10. К этому мы прибавим: *все это в пансофической школе должно быть изучаемо, делаемо, соблюдаемо в совершенстве*, т.е. с такой легкостью и обеспеченностью успеха, чтобы наподобие механических мастерских ничего в ней не делалось насильственно, но все происходило естественным путем и чтобы впоследствии каждый ученик становился магистром.

Что значит, что пансофическая школа предназначается для устроения законов христианства.

11. Вот наши желания относительно пансофической школы. Мы утверждаем, что она должна быть предназначена для устроения законов истинного христианства. Ибо что́ такое христианство? Разве оно не есть ясный свет в наших сердцах, озаряющий нас, дабы просветить нас познанием славы Божией (2. Кор. 4, 6)? Разве оно не дело Божие, открывающее глаза слепым, чтобы они обратились от тьмы к свету (Деян. 26, ст. 18)? Разве мудрость христиан не есть мудрость, угодная Богу, руководимая Христом, вечной премудростью Бога, который один знает, что́ подобает нам знать, и который умел и мог положить предел нашему христианскому всезнанию, ограниченному человеческим неведением? Ибо посредством естественного света, который, как свет истинный, просвещает всякого человека, приходящего в мир (Иоан. 1, 9), посредством света своего закона, ибо закон есть свет (Притч. 6, 23), наконец, посредством всего того, что он, живя среди людей, показал им словом и делом; он научил нас облекаться в нового человека, обновленного по образу того, который нас создал (Кол. 3, 10). И пусть никто не говорит: «Христос учил нас возрождаться, а не заниматься науками, искусствами, языками». Ибо этого он не воспрещает, а предпосылает в составе того света, который, как сказано, просвещает каждого человека. Разве он не послал с неба духа святого как учителя языков; разве он не заповедал, чтобы божественный свет (Евангелие) постоянно передавался от одного народа к другому в церкви? Поэтому нельзя представить себе ничего более христианского, чем заботиться всем нам о распространении царственного, т.е. Христова, света.

И как это прекрасно!

12. Особенно когда Христос отнес все к единому закону любви, заповедуя словом и примером, сам от себя и через апостолов, чтобы никто не искал блага только себе, но всем (Матф. 28, 19; Рим. 12, 17; Кор. 10, 24 и др.). Этой заповеди следовали апостолы, стараясь проповедать народам Христа надежду славы, убеждая всякого человека и наставляя всякого во всей мудрости, чтобы сделать всякого совершенным во Иисусе Христе (Кол. 1, 28). И пансофическая школа стремится только к тому, чтобы принести пользу каждому человеку, каждому народу, насколько сможет проникнуть свет Божий, потому что это самое требуется от истинного христианина <...>

VI. Порядок, касающийся занятий

NB *Эта глава — попытка проникнуть в тайну познания, взглянуть на него как на многоступенчатый и многоаспектный процесс.*

Познание — это отражение реальной действительности в человеческом мышлении. Меняется реальность, усложняется действительность, человек проникает своей мыслью все глубже и глубже, но нередко истина так же недосягаема, как горизонт. Манящая тайна непознанного снова ведет человека в глубины

мироздания, и так без конца. Гениально сказал об этом Пушкин, вдумайтесь только в эти привычные слова:

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух.
И опыт — сын ошибок трудных,
И гений — парадоксов друг.

Занятия разделяются на:

59. В отношении состава в каждом классе должны быть занятия: главные, второстепенные и третьестепенные. Главные занятия суть те, которые заключают в себе сущность, ядро и содержание мудрости, красноречия, честного поведения, равно как и благочестия; таковы занятия языками, философией и богословием.

1. Главные.

2. Второстепенные.

Занятия второстепенные суть те, которые служат для главных вспомогательными и нужны для лучшего усвоения первых; таковы занятия историей, при которых дело не в изучении общих, определенно установленных мировых событий, а в собирании исключительных случаев, и мн. др. <...>

3. Третьестепенные.

Под занятиями третьей степени я разумею заботу о вещах, не дающих ничего для мудрости, красноречия, добрых нравов и благочестия, но весьма способствующих свежести здоровья и бодрости духа; таковы, например, различные развлечения, игры и т.п. Но так как ничто из этого не должно быть устранено из пансофической школы, то все следует вставить в общий порядок таким образом, чтобы ничто не встречало в другом помеху, но одно помогало другому.

Главные занятия в области:

60. Главные занятия должны вестись в первую очередь: 1) во всех классах, 2) постепенно и 3) по одному и тому же методу. Если я говорю: во всех классах, то я требую, чтобы у учеников всегда и везде совершенствовались:

1. Чувства.

1. Чувства — для все более и более отчетливого наблюдения вещей.

2. Ума.

2. Ум — для все более и более глубокого проникновения в вещи.

3. Памяти.

3. Память — для все лучшего и лучшего усвоения.

4. Языка.

4. Язык — для того, чтобы понятое уметь высказывать все лучше и лучше.

5. Рук.

5. Руки — чтобы со дня на день искуснее выделывать то, что нужно.

6. Духа.

6. Дух — чтобы лучше и лучше предпринимать и производить все, что достойно уважения.

7. Сердца.

7. Сердце — чтобы пламеннее любить и призывать все святое.

Во всем должно упражняться везде, но постепенно.

61. Я говорю: постепенно, т.е. я хочу, чтобы то, чему положено было основание в первом классе, в следующих классах, получало постоянный рост, точно таким же образом, как ежегодно все более разрастается удачно посаженное деревцо, причем оно постоянно сохраняет свои первоначальные ветви, только доводя их до все большего развития.

Так как строго определенных ступеней в каждом занятии есть три: начало, продолжение и завершение, то при надлежащем их прохождении мы будем идти от одних достижений к другим. Вот эти ступени в семи предметах первостепенного значения.

1. Ступени чувственных восприятий.

62. Первая ступень чувств, или чувственных восприятий, наблюдается у всех малых детей в том, что они начинают поворачивать глаза к свету, уши к звукам, зубы к вкусным вещам и т.п. Вторая ступень у взрослых, но еще не обученных искусству, состоит в том, что они при помощи многочисленных упражнений много и ясно видят, слышат и т.п. На третьей ступени люди уже знают способ действия, причины и различия в свете и красках, в лучеиспускании, в видении, в зрительных приборах и т.п., равно как и то, что входит в область других чувств, и научаются пользоваться остротой своих чувств для понимания тонкостей.

2. Ступени ума.

63. Понимание вещей также имеет три ступени. На первой ступени мы воспринимаем исторически, что что-нибудь есть[2], на второй — научно, что́ и почему есть, и на третьей ступени — при помощи умозаключения, т.е. разумно, рассматриваем основания какой-нибудь вещи[3], так что можем выдумать даже новую вещь того же рода. Например, если кто-нибудь знает употребление компаса и, наученный лишь опытом, умеет им пользоваться, то он стоит на первой ступени знания. Но если он понимает и основания таким образом устроенного компаса, то он находится на второй ступени. Если же, наконец, он дошел до того, что в состоянии выдумать компас нового вида, то он стоит на третьей ступени.

3. Ступени памяти.

64. Ступени памяти следующие: первая — вообще удерживать в голове вещь, вторая — уметь перечислить большее и более важное и третья — передать все до мельчайших подробностей.

4. Ступени языка.

65. Для рационального занятия языками существуют те же ступени: лепет (отдельные слова), связная речь (loquela) и красноречие. На первой ступени изучаются основания языка, слова, которые надо в отдельности понимать, произносить и изменять, особенно краткие, первоначальные и простые; на второй учат, как связывать из слов фразы и строить из них предложения и периоды, на третьей ступени — как из всех этих словесных элементов вытекает поток речи, приятный и действующий на других.

5. Ступени упражнения.

66. Рука также приучается к движениям и к известной деятельности: прежде всего мы начинаем владеть ею и двигать по желанию своего разума, затем делаем свою работу без очевидных ошибок и, наконец, работаем красиво и быстро.

6. Ступени для изучения поведения.

67. То же самое можно наблюдать и в поведении: мы прежде всего остерегаемся грубых промахов, затем более тонких и, наконец, доходим до того, что в наших действиях, жестах и словах все становится благоприличным и приятным.

7. Ступени благочестия.

68. По таким же ступеням идет и образование сердца или души для внутреннего благочестия. Первая ступень — теоретическая, т.е. истинное и полное знание того, что Бог открыл, повелел, обещал (ибо знать только это, даже в тонкостях, доступных ангелам, есть не более как порог благочестия). Вторая ступень — практическая, т.е. постоянное упражнение в вере, любви, надежде посредством живой деятельности. Об этом Писание говорит таким образом: разум верный у всех, исполняющих [заповеди его], или, как звучит еврейский текст: хороший успех всем, исполняющим заповеди его (Пс. 11, 10). Последняя ступень есть совершенство веры, любви, надежды, вплоть до уверенности — то, что апостолы называют совершенной уверенностью и совершенным разумением (Кол. 2, 2; Евр. 6, 11 и др.), все побеждающей верой (1 Иоан. 5, 4), любовью Божьей, излитою в сердца наши духом святым (Рим. 5, 5), изгоняющею страх (1 Иоан. 4, 18), надеждой, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий и входит во внутреннейшее, за завесу (т.е. на небо. — Евр. 6, 19, 20), где она является нашим предтечею, миром Божьим, который выше всякого чувства (Филип. 4, 7), и т.д. Ибо подобное твердое убеждение делает то, что мы (как это Бог открывает для неколеблющейся веры, чему он строго заповедует следовать, что он обетовал нам в надежде за надежду) чувствуем, что Бог обитает в нас и мы обитаем в Боге, и поэтому уже под небом начинаем вести небесную жизнь (т.е. среди скорбей преисполняться чувством вечного блаженства).

69. Я сказал <...>, что эти главные занятия должны все вестись по одному и тому же методу. Это достигается: 1) посредством постоянного параллелизма предметов, понятий и слов; 2) посредством знания, понимания, применения; 3) посредством примеров, правил, упражнений. Упражнения, или практика, происходят посредством самостоятельного наблюдения, самостоятельной речи, самостоятельных действий. Предмет, подлежащий изучению, или то, что должно быть сделано или сказано, сначала надлежит хорошо показать, или проделать, или выразить словами; затем, в случае необходимости, пояснить так, чтобы никто не мог не понять его, затем посредством подражания (все равно, будет ли это сделано посредством повторения объяснения

вещей, или запечатления в памяти, или выполнения рукой) делаются опыты воспроизведения, и притом так долго и тщательно, что образец передается самым точным образом. Таким только путем возможно достигнуть того, чтобы «день ни один не прошел, не оставив следа за собою»[4], мало того, не пройдет ни одного часа, в который бы не было сделано нового и очевидного приращения к знанию.

Второстепенные занятия двоякого рода.

70. Занятиями второстепенными я назвал те, которые для первостепенных служат поддержкой, а именно: 1) занятия историей[5], 2) умственные занятия, организованные в силу непосредственного интереса, и 3) некоторые экстраординарные занятия, предоставляемые некоторым учащимся вне обычного порядка <...>

Что такое экстраординарные задачи.

83. Из второстепенных занятий остается указать еще на внеочередные задачи, которые должны быть предлагаемы известным лицам. Чтение некоторых сочинений, достойных ознакомления с ними, не требует ни томительных объяснений, ни участия и руководства учителя. Сюда относятся диалоги Себастьяна Кастеллио, разговоры Эразма и его трактат о нравах, разговоры Вивеса и его «Введение в мудрость», «Письма» Текстора, Мануция, Сенеки и др., исторические сочинения Непота, Юстина-Курция и др., а также поэты и подобные сочинения разного другого содержания.

NB ***Важная мысль. После долгих рассуждений о том, что всех надо учить одинаково, педагогическое благоразумие приводит автора к индивидуальному подходу к учащимся. При этом, как всегда, возникают конкретные методические советы и детали технологий.***

Основания этого.

84. Подобные внеочередные чтения должны быть допускаемы по трем причинам, а именно:

1. Потому что уроки при классных чтениях соразмеряются со средними способностями; поэтому, чтобы более способные головы не оставались незанятыми, будучи задерживаемы на одном и том же предмете больше, чем этого требует их понятливость, им должно быть дозволено проходить лишнее и прочитывать писателей, не уклоняющихся от курса класса. Такое чтение не нарушает проходимого в данное время учебного курса, а, скорее, способствует его усвоению[6].

2. Потому, что таким образом, а именно благодаря соревнованию, еще больше возбуждается прилежание прочих учеников и любовь к занятиям, так как никто (за исключением вполне равнодушных к учению) не желает быть в числе последних.

3. Потому, что они при этом учатся (и под руководством учителя привыкают) рационально читать писателя.

Способ выполнения. 85. Но тут следует соблюдать известное благоразумие. Во-первых, в самом начале курса известного класса, прежде чем ученики привыкнут к обязательным авторам и урокам, не следует дозволять им заниматься чем-нибудь вне обычного порядка, набивая этим свои головы; это можно дозволить лишь по истечении первого, второго или третьего месяца. Во-вторых, не должно дозволять одному ученику читать различных авторов; пусть один все время читает одного автора, другой — другого, чтобы не произошло путаницы. Пусть учитель распределит их по своему усмотрению между учениками; пусть он сообщит им об особенностях и стиле писателя и научит, как с пользой читать его, как выбирать в ней все, заслуживающее внимания, и заносить это в свою записную книжку. Наконец, пусть учитель раз в неделю во внеочередной час соберет этих учеников вместе, узнает, сколько каждый прочитал из своего автора, и заставит их прочитать или сказать наизусть сделанные извлечения. Это должно происходить в присутствии прочих учеников, чтобы другие, если заметят что-нибудь красивое или достопримечательное, также могли занести это в свои записные книжки. Таким образом, то полезное, что отдельный ученик вычитает, принесет пользу всем, даже менее способным, которые, не утомляясь этим внеочередным чтением, смогут усвоить себе его суть.

Третьестепенные занятия. 86. Третьестепенные занятия содействуют не столько внутренней культуре ума, сколько внешней подвижности тела и через это — развитию свежести ума. Сюда принадлежат в особенности игры и драматические представления <...>

ВОСКРЕСШИЙ ФОРЦИЙ, ИЛИ ОБ ИЗГНАНИИ ИЗ ШКОЛ КОСНОСТИ

Ко всем гражданам[1] всех школ, особенно же к проницательным попечителям славной школы в Патоке
(В сокращении)

Дело молодых — работать,
дело старых — советовать.

Председателям, учителям и ученикам школ — во Христе здравствовать!

Не без удовольствия смотрю я на представляющиеся мне случаи оказывать услуги христианскому юношеству и школам, и не против воли пользуюсь я этими случаями, будучи уверен, что они предоставляются самим провидением: только бы было у нас усердие взяться за них. Самые болезни дают повод и толчок к изысканию необходимых оздоровляющих средств, самый беспорядок — к восстановлению порядка, сами дурные нравы — к созданию хороших законов. Однако дело показывает, что не всегда мы преодолеваем нашу медлительность и приводим в движение необходимые средства. Большей частью мы предоставляем дела их собственному течению или считаем свой долг исполненным, если мы жалобами и сетованием даем знать, что мы далеки от незнания наших бедствий. И вот мы жалуемся, что, видя перед собой нечто лучшее, мы вязнем в тине неурядицы и все-таки погрязаем в ней, потому что либо у нас не хватает решимости выбраться оттуда, либо мы никак не приложим рук к делу с надлежащей серьезностью и умением <...>

Я первый покажу пример своим рвением, я сам не пожалею никаких усилий и даром предоставлю в распоряжение всех тех, кто причастен к школе и кто вообще пожелает это краткое печатное произведение. Однако под условием, во-первых, что оно будет прочитано: ведь книги пишут не для моли, а для людей; во-вторых, что это будет сделано с пониманием; ибо читать и не понимать — то же, что совсем не читать; в-третьих, что не преминут говорить друг с другом об этом предмете и таким образом друг друга взаимно поощрять. Будьте же, прошу вас, общительны, а не замкнуты, ибо первое есть свойство света, второе — признак мрака.

Об изгнании косности из школ

1. Порядок нашей работы пусть будет такой же, как если бы у нас шло совещание относительно какого-либо вопроса: Сначала предположим случай, вызывающий беспокойство. Затем изыщем средства, способствующие устранению зла. Наконец, нашедши их, постараемся внушить необходимость их применения тем, кто имеет к этому делу какое-либо отношение[2].

NB *Коллеги-директора! Вот вам пример проведения педсовета: постановка проблемы — поиск ее решения — изменение практики. Форма педсовета — свободное обсуждение. Характерная черта — демократическое общение.*

2. Случай, который вызывает наше беспокойство, — некая тайная болезнь, в которую впали наши школы, и болезнь эта их так изнурила, что у них нисколько не остается подлинной силы или хотя бы краски в лице; осталась только худоба и бледность. Между тем спасительные средства они от себя отталкивают или принимают их неохотно, да и, приняв, не чувствуют никакого улучшения, а, наоборот, приходят в еще большее расстройство и падают еще ниже.

3. Я отдаю себе отчет в том, что зло это имеет много причин, и причин весьма разнообразных. Однако я полагаю, что (поскольку в настоящее время отдельные проявления зла уже изучены и средства против них уже изысканы) все они могут быть приведены к одному общему источнику. Это известного рода укоренившаяся спячка и равнодушие, которые мешают людям как самим видеть истинную цель школы, так и открывать глаза, когда кто-либо другой им ее указывает; и, наконец, даже видя эту цель, они не в состоянии стряхнуть с себя эту спячку.

4. Чтобы разъяснить дело, разберем по порядку те три момента, которые заключаются в заголовке:

1) школу, которая по своей идее есть не что иное, как поприще труда, пусть даже приятного, но все-таки труда;

2) косность, полновластно и гибельно завладевшую школами;

3) изгнание косности, этого вредного хищника, как единственно возможное средство для оздоровления школ, выяснив попутно и вопрос о том, на чьей обязанности лежит это изгнание.

5. Школу всего проще можно определить как собрание учащих и учащихся. Но и обучение есть один из видов труда; в этом смысле школа и есть поприще труда.

В самом деле, учить — это значит вводить в науку не знающих науки, учиться — это значит быть руководимым. Но кто ведет, тот предшествует; кого ведут, тот за ним следует. Предшествовать и следовать — значит во всяком случае идти, а кто идет, тот не стоит, не лежит, не спит, не позевывает, но бодрствует, действует, напрягает свои нервы, находится в движении всем

своим существом и достигает своей цели только благодаря этому непрерывному движению.

6. Иной по неопытности возразит, что слово «школа» (греческое σχολή) означает досуг, покой, а покой противоположен работе. Такому я отвечу: да, но работе механической, утомляющей тело, от которой ученики с тем, очевидно, и освобождаются, чтобы все свои природные силы направить на более сильную умственную работу.

NB *Я.А.Коменский тщательно работает над понятием «школа». Для него это, прежде всего, поприще труда, но труда не механического, отупляющего, а труда души. Лень и праздность противны самой природе школы. В рассуждениях автора масса сравнений, которые отражают бесконечное разнообразие, многомерность школьной реальности. Но все раздумья о школе проникнуты особой человечностью и негасимым светом, что делает это учебно-воспитательное учреждение (очень формальные слова!) высоким, гуманным ориентиром для общества. Можно сказать больше: возникает идея опережающего (относительно общества) развития школы. Как это созвучно Пушкину: «В начале жизни школу помню я...» Действительно, школа — фундамент всей жизни как отдельного человека, так и общества, государства. От этого фундамента, его прочности и надежности зависит прочность и красота всего общественного здания. И бесполезно учинять перестройку на разных этажах, не позаботившись прежде об укреплении фундамента.*

---

7. В латинском языке школа иногда называется ludus, т.е. игра: и опять-таки не ради того, конечно, чтоб ученики могли думать, что они могут заниматься игрой в кости, карты или шахматы или предаваться другим бесполезным забавам, — но в том смысле, что она представляет собой тихое пристанище, специально устроенное для научных знаний, нисколько не обременительных и не утомительных, но, подобно игре, лишь приятно и легко упражняющих ум и тело.

8. Что школа есть не что иное, как рабочая мастерская (laboratorium), ясно уже из почетных эпитетов, данных школам, или из метафорических [образных] определений, которыми весьма удачно характеризуют занятия школы и лиц, посвятивших себя школьной жизни. Рассмотрим некоторые из них.

9. Во-первых, школа называется мастерской гуманности, в которой молодые и необразованные люди образуются (efformantur), чтобы вполне воспринять черты подлинной гуманности, чтобы не остаться болванами, а выйти из нее живыми образами Божиими, созданиями, в наибольшей степени похожими на их Создателя. В мастерских (особенно ремесленных, скульптурных, живописных) нет места для праздности и праздных людей, там кипит непрерывная работа — пилка дерева, стругание, обточка, долбление, резьба и расписывание — по пословице «Ни дня без штриха» и не допускается никаких праздников, кроме данного Богом воскресенья. И в школах дело должно быть поставлено

так, чтобы эти мастерские мудрости не уступали ни одной механической мастерской в смысле трудового напряжения и чтобы они не знали никаких праздников, исключая посвященных Богу.

10. Школы весьма метко называют также мастерскими света, так как главнейшая их цель — просвещение умов, чтобы рассеивать мрак врожденного нам неведения, заблуждений и грехов. Но если представлять себе школу в виде мастерской света и светильников, то тем самым должно предполагать наличие в ней деятельных и бодрых работников, часть которых разыскивала бы материал для изготовления из него светильников, другие изготовляли бы фитили, топили бы воск или сало, вставляли фитиль, выливали и вынимали из форм свечи, упаковывали то, что уже готово, третьи приготовляли бы трут, ударяли бы сталью о кремень и извлекали искры; зажигали серничками свечи, вставляли их в подсвечники, доставали свечные щипцы, снимали нагар и делали так, чтобы все становилось освещенным.

11. Удачно также сравнивали школы со строительным искусством, потому что, в самом деле, люди здесь подготовляются для того, чтобы, подобно хорошо обтесанным камням, войти в состав общественного здания — хозяйственного, политического, церковного — и содействовать прочности и красоте постройки <...>

28. Что сказать мне о питомцах школ? Разве не известно, что они осаждены со всех сторон их злейшим врагом — косностью? Прежде всего их ум и сердце опутаны таким густым мраком, что они далеко не различают сияние истинного и полного образования. Поэтому они и не чувствуют внутренней в нем потребности; для них, подлинных рабов полуобразования, довольно только капельной дозы наук, подобно тому как равнодушный и ленивый пленник, даже и будучи в состоянии разорвать свои оковы и освободиться из мрачной темницы, нисколько не заботится об этом, предпочитая влачить свою жизнь в темноте и смраде.

29. Далее, косность и уши им заложила, так что они тяготятся слушать своих учителей, если даже и является к тому возможность. А если они их слушают, то все равно, как если бы не слушали; сколько бы лет они ни учились, они так и остаются не чем больше, как учениками.

30. И глаза их заволокла и сделала незрячими косность, так что они слишком ленивы для того, чтобы хоть дома читать книжки; по имени они — студенты, т.е. люди, предавшиеся изучению изящных искусств и наук, на самом же деле они — питомцы косности и апатии.

31. Что́ мне сказать об их языке? Что он у большинства точно прилип к гортани, доказывает редкость вопросов, бесцветность ответов, небрежность в изложении.

32. Что сказать о внутренних чувствах?[3] И там все мертво. Они не имеют ни малейшей потребности пасти свой ум на лугах мудрости; они отказываются утруждать память, ежедневно заучивая что-либо наизусть и слагая это в тайниках своего духа; еще

менее склонны они изощрять свой разум собственным размышлением.

33. Руки у них делаются до того дряблыми, что они не заботятся даже выписывать себе ценные замечания из писателей, чтобы вооружить себя (без чего невозможно стать ученым) сокровищем подобных извлечений.

34. Эта праздность отдельных членов имеет результатом расслабление и изнеможение всего тела и духа, так что, наконец, большинство, забывая о той цели, для которой они сделались и стали называться студентами и посвятили себя школьной жизни, проводит время в еде, питье и сне (не только ночью, но даже сверх потребности и днем) и в этом ленивом покое расточает свои юные годы, прекрасную весну своей жизни.

35. Если они и принимаются за какого-либо рода занятия, то занятия грязные, недостойные благородного звания студента: кости, карты, фехтование, кулачный бой, праздношатание, пустые разговоры, бесшабашные попойки, ночной разгул и т.д.

36. А какой характер носит попечение о школах со стороны схолархов [начальников школ]? Какое старание прилагают они к предупреждению беспорядков? Насколько серьезно их рвение, когда дело идет об устранении неустройств? В иных местах совсем нет начальников над школами, потому что они не поставлены. А где таковые есть, то редко бывают они достойными своей должности, бдительными и энергичными, исполняющими, как подобает, свои обязанности. Они редко посещают школы, редко проверяют учащих и учащихся, редко выговаривают нерадивым и т.д., но предоставляют дело собственному течению, только чтобы никого не обидеть.

37. Что́ иное может выйти из всего этого, как не то, что мы видим в рабочих мастерских, где ленивые работники убивают время на сон, игру и ничегонеделание и где все работы остаются недоконченными или неисполненными? Что́ иное, как не то, что происходит на строительстве, где нужный материал не нарублен, не отесан, не обрезан и не обработан как следует и где поэтому места для построек остаются пустыми или вместо обещанных дворцов являются хижины, да и те со щелями, кособокие, неотделанные и уродливые? Что́ иное, как не то, что происходит на войне, где нерадивые полководец и солдаты, даже при наличии всех данных для победы, упускают ее из рук? Что́ иное, как не то, что наблюдается в садоводстве и полеводстве, когда на заброшенных полях вырастает сорная трава, вместо прекрасных кустарников — тернии, вместо плодовых деревьев — одни бесплодные?

38. Таким образом, вследствие господствующей в школах нерадивости они не приносят ожидаемого плода; из своих мастерских выпускают они вместо стройных статуй грубые чурбаны, вместо светильников мира — дымные головни, вместо невинных агнцев — похотливых козлов, вместо плодородных деревьев —

колючий кустарник. Если хотите устранить когда-либо эти недостатки, нужно изгнать из школ косность.

39. Но что значит изгнать? Это значит принять насильственные меры против того, что причиняет нам большое неудобство и не хочет исчезнуть само собой или же не может быть удалено спокойным образом. Тогда мы кричим, отталкиваем руками, или бьем дубиной, или выгоняем кнутом или каким-нибудь другим подобным орудием, способным внушить страх и обратить в бегство.

NB *Косность, понимаемая как отвращение от труда в соединении с ленью, — это чудовище, разрушающее природу школы. Когда все способы борьбы с нею использованы, следует прибегать к насилию, считает автор. Главную ответственность за изгнание косности должны взять на себя педагоги, и каждый из них должен начинать с себя. Показав ученикам своим пример самосовершенствования, учителя побуждают к подобным действиям воспитанников.*

40. Итак, если мы требуем изгнания косности, то тем самым мы требуем применения насильственных мер против гадкой привычки, погружающей нас в бессилие и сковывающей нас какой-то сонливой апатией, вследствие чего мы становимся не способными предпринять состязание в достижении мудрости. И притом — выкорчевать косность до конца, чтобы она уже никогда не была терпима в недрах школы <...>

ЗАКОНЫ ХОРОШО ОРГАНИЗОВАННОЙ ШКОЛЫ

(В сокращении)

I. Законы школьного порядка, касающиеся работы лиц и дисциплины

1. Организованным является то, начало и конец чего настолько связаны со всеми промежуточными членами, что все взаимно и в целом содействует общей цели.

2. Так как в школе сталкиваются:

I. *Работа, подлежащая исполнению,*

II. *Действующие лица,*

III. *Узы, связывающие то и другое, т.е. дисциплина, то работа лица и дисциплина должны быть приведены в совершенный порядок.*

3. *Работа заключается частью в главнейшей цели, ради которой существуют школы; частью — в средствах, предназначенных для достижения цели: место, время, образцы того, что нужно делать, книги; частью — в способе действия, или методе.*

4. Лица суть частью те, кто почерпает знания, т.е. ученики вместе с их декурионами (десятскими), частью те, которые преподают знания, — школьные (общественные) учителя вместе с частными воспитателями под наблюдением и руководством ректора; затем те, кто пускают дело в ход, — инспектора и школьные начальники. Сюда, конечно, присоединяются избранные мужи, выделенные со стороны церкви и государственного строя, которым вследствие их особливо наблюдающихся набожности, мудрости и преданности государство и церковь вручают свою надежду на счастливое возрастание последующих поколений.

5. *Узы, связующие школы, суть законы и исполнение законов, т.е. дисциплина, которая должна иметь свои границы.*

II. Законы относительно целей школы, подлежащих предпочтительному осуществлению

1. Главнейшей целью христианской школы должно быть то, чтобы она представляла мастерскую для выработки из людей подлинных людей, из христиан — подлинных христиан. Это будет в том случае, если все, допущенные к этому сообществу мудрости, будут становиться: 1) мудрыми умом, 2) обладающими плавной, приятной речью, 3) способными в работе, 4) воспитанными в нравах и 5) благочестивыми сердцем.

2. *Знать, действовать и говорить — вот в чем соль мудрости, — необходимая услада всей человеческой жизни, без чего все было бы не-*

лепо, безвкусно[1] *и обречено на гибель.* Каждая из наших жертв (которую мы здесь приносим Богу, т.е. именно христианское юношество) да посыпается солью (Лев. 2, 13; Марк. 9, 49).

3. Учить только умению говорить и не учить вместе с тем понимать (т.е. учить языкам без понимания вещей) — это значит не усовершенствовать человеческую природу, а только придать ей наружное, поверхностное украшение. Учить же понимать вещи, но не учить вместе с тем действовать есть вид фарисейства: говорить, но не делать (Матф. 23, 3). Наконец, понимать и делать вещи, не отдавая себе, однако, отчета в пользе знания и действия, — это полуневежество. Чтобы образовать людей, знающих вещи, опытных в деятельности и мудрых в использовании знания и действия, наша мастерская гуманности, школа, должна вести умы через вещи таким образом, чтобы везде соблюдалась польза и предупреждалось злоупотребление. Это принесет значительную пользу во всей жизни (хозяйственной, государственной, церковной).

4. И так как в жизни приходится вращаться не только среди вещей, но и среди людей, то и школы как мастерские добродетелей и человечности должны сделать своих питомцев способными также и для общения с людьми (во всяком обществе).

5. Наконец, так как мы постоянно ходим перед очами Божьими, то все должны быть приучены во всякое время взирать на него и свято почитать его. Поэтому школа должна стараться быть мастерской внутреннего благочестия и истинным святилищем.

6. Следовательно, во всех действиях и упражнениях в школе следует стремиться к тому, чтобы юные кандидаты в жизнь научились все, что им встретится в жизни, 1) знать, 2) уметь, 3) излагать, 4) применять к добродетели и 5) к благочестию.

7. При соблюдении этих целей школа могла бы быть и будет служить истинным рассадником государства и церкви, прекрасным прообразом жизни и счастья, пятиструнной арфой святого духа, исполняющей сладчайшие гармонии для слуха Божия.

III. Законы о месте занятий

NB *Среди прочих открытий Я.Коменский сделал одно, имеющее непреходящее значение — классно-урочная система есть ведущий принцип организации учебного процесса. Более трехсот лет живет эта система, испытывая время от времени резкую критику и попытки разрушить ее. Особенно громко звучат призывы к отказу от нее в периоды школьных реформ. Но каждый раз классно-урочная система находит внутренние резервы, чтобы не только в очередной раз устоять под градом упреков, но и обновиться.*

Когда люди говорят, что эта система устарела, ссылаясь на три с лишним столетия, они не учитывают, что урок, класс эпохи Коменского и урок, класс современной школы, мягко говоря, не одно и то же. Так, класс — не только форма организации учебного процесса, но и ребячья общность, воспитательный коллектив, зона социального взаимодействия, накопления и передачи жизненного опыта. Традиционный урок сегодня уступает место интегративному, межпредметному, уроку творче-

ства, сократовской беседе, ролевой игре, дискуссии, коллективному исследованию и т.п. Но при этом сохраняются внешние его признаки: ограниченность во времени, точный объем материала, участие всех учеников класса, обучающий, развивающий и воспитывающий характер.

1. Сколько классов, столько же должно быть учебных комнат, чтобы каждый курс занимался отдельно и никогда не отвлекался [от занятий] посторонним шумом.

2. Каждая учебная комната должна быть снабжена кафедрой и достаточным количеством скамей; последние должны быть расставлены таким образом, чтобы учитель постоянно имел перед глазами всех обращенных к нему учеников.

3. Кафедра должна находиться не у окна или между окнами, но с противоположной стороны, так, чтобы свет, падающий на учеников сзади, делал видимым учителя вместе со всем, что он делает (в особенности если он пишет на доске).

4. В классных комнатах все должно быть опрятно, где возможно — даже изящно, чтобы ученики всюду, куда они ни обратятся, имели возможность воспитать в себе любовь к чистоте и затем впоследствии содержать подобным же образом свои собственные жилища.

5. Весьма полезно, если курс каждого класса будет расписан на стенах, дверях, окнах, колоннах учебной комнаты (в форме ли изречений, или кратких предложений, или в картинах и эмблемах), для того чтобы постоянно действовать на чувство, воображение и память.

6. Для общественных актов, будут ли то праздничные собрания или театральные представления, должен существовать особый зал, вмещающий всю школу, но он не должен быть украшен картинами. Так как здесь собираются лишь в редких случаях и для экстраординарных актов, то чувства должны быть устремлены единственно на сценическое действие и не должны быть отвлекаемы посторонними предметами.

IV. Законы о надлежащем распределении времени

Мудрое распределение времени есть основа для деятельности. Поэтому мы предписываем следующее:

1. Для работы и отдыха должны быть одни и те же деления времени, именно часовые, дневные, недельные, месячные и годовые.

2. Каждый час должен иметь свою определенную задачу, которая непременно должна быть разрешена; раз она разрешена, дается отдых приблизительно в полчаса.

3. Серьезным занятиям посвящается ежедневно только четыре часа, к которым присоединяются один час утром для молитвы, после обеда — для музыкальных или математических развлечений, после школы — для повторения сделанного за этот день.

Все остальное время остается свободным для домашних дел, пристойного отдыха и частных занятий.

4. Еженедельно остается свободным послеобеденное время — в среду и субботу; воскресенье должно быть посвящено Богу.

5. В каждую четверть года одна неделя посвящается театральным представлениям, проводимым в течение пяти дней (см. об этом ниже — IX).

6. Ежегодно каждый класс начинает и кончает свои занятия осенью. Вне этого времени никто не принимается в школу, чтобы не вносить беспорядка в работу, исключая разве те случаи, когда кто-нибудь является вскоре после начала учения и можно ожидать, что он благодаря частным занятиям нагонит других. Если он это обещает, то это можно разрешить.

7. Ежегодно бывает четыре большие вакации, по восьми дней до и столько же после годичных церковных праздников: 1) Рождества Христова, 2) Пасхи, 3) Троицы и 4) полный месяц по случаю сбора винограда.

8. Где работы по уборке винограда не отвлекают от школы, там могут иметь место каникулярные праздники, но разумно, чтобы дать отдохнуть умам, а не ослабить их.

V. Законы об образцах для проведения работы

1. То, что подлежит в школе изучению (познанию, изложению или действию), нужно показать на таких примерах, созерцая которые можно было бы им подражать. (Без примера ничему не выучишься.)

2. Предлагаемое в виде примера должно быть точным, чтобы при тщательном подражании нельзя было ошибиться. (Невозможно не перенять ошибки от ошибочного образца.)

3. Образец, предложенный для подражания, должен представлять собой или подлинный предмет, или его изображение по подлинному оригиналу, будет ли то скульптурное изображение или картина, или описание на словах. (Однако лучше всего иметь живое созерцание самого предмета.)

4. Что не может быть представлено в изображении (как, например, добродетели), возможно, однако, в подражании. В этом учитель должен служить живым примером.

VI. Законы о книгах

1. Книгой в широком смысле называют то, что нас научает и наставляет. Так, существуют книги божественные и человеческие. К божественным книгам относятся: 1) книги природы (сам мир), 2) книги Священного писания и 3) книги совести. Человеческие же книги или содержат как бы объяснения образцов вещей, или возмещают собой ряд оригиналов, одновременно предлагая и разъясняя вещи.

2. Правда, поскольку наша школа есть школа гуманности, она не устраняет ни одной из человеческих книг (разве уж там будет

содержаться что-либо ничтожное, бесполезное, вредное). Однако ввиду того что мы намерены воспитывать своих питомцев больше для Бога, нежели для мира, мы желаем, чтобы и здесь также господствовали преимущественно божественные книги.

3. Так как существует мнение, что эти последние в силу своей возвышенности превосходят понимание нежного возраста, то человеческие книги допускаются с той целью, чтобы они открывали путь к чтению и пониманию божественных книг и были верными путеводителями во всем том, что должно знать или не знать, делать или не делать, на что надеяться или чего бояться.

4. Те [книги], которые хорошо этому содействуют, должны быть нашими, а те, которые не содействуют, должны быть устранены <...>

XI. Законы относительно поведения

NB *Собственно это не столько законы поведения, сколько правила жизни. На нашей памяти еще живы Правила для учащихся, которыми были увешаны стены школьных зданий. Это была система запретов и жесткое указание на то, что можно, а что нельзя.*

«Законы относительного поведения» — это побуждение к должному, разумному, основанное на гуманных правилах человеческого общежития. Они не диктуются, но убеждают, что жить надо так, чтобы людям рядом с тобой было хорошо. Можно не со всем соглашаться (например, совет действовать более по воле другого, чем по собственной), но нельзя не оценить общую гуманистическую направленность «Законов».

Недавно мы распорядились отпечатать правила доброго поведения в их общем виде. Мы желаем, чтобы все имели их в руках, читали, соблюдали с той целью, чтобы наша школа была не чем иным, как мастерской благопристойности. Для достижения этой цели мы устанавливаем следующее:

1. Все наши [ученики] должны делать все скорее из любви к добродетели, чем из страха перед наказанием.

2. Делать они должны не то, что им нравится, но то, что предписывают законы, и то, что приказывают толкователи законов, учителя. (Действовать более по воле другого, чем по собственной, — вот одно из основных положений христианства.)

3. Пусть ученики во всем, что должны делать, приучаются предвидеть цель, изыскивать средства и выжидать благоприятного случая.

4. Поэтому никогда не следует делать ничего иного, кроме того, что подсказывается хорошей, благовидной целью, при стремлении к которой не придется испытывать стыда, а по достижении ее — раскаяния.

5. Если начинают входить в дело, то должны привыкнуть не оставлять его до тех пор, пока цель не достигнута.

6. Однако к цели следует стремиться не скачками, но постепенно, чтобы дела шли своим чередом, а не поспешно.

7. Пусть приучаются знать только полезное. (Следовательно, пусть везде имеют это в виду и к этому стремятся.)

8. Каждый должен привыкать сосредоточиваться, не быть рассеянным, для того чтобы все делать вполне обдуманно.

9. Нельзя допускать, чтобы кто-либо был безучастным к своему делу. (Если окажется, что кто-нибудь работает вяло, заставляй его работать больше других; и если нет никакого серьезного дела, то пусть он лучше играет, чем бездельничает. Подвижность, желание работать и отсюда выносливость в работе — это громадное сокровище в жизни.)

10. В сне, в еде и в питье ученики наши должны быть воздержанны и избегать всякой неумеренности <...>

11. Послеобеденный сон (как вредный для здоровья и духовных сил) нельзя дозволять ни одному из наших питомцев. Ночь и мрак сама природа назначила для отдыха, свет и день — для работы. Итак, послеобеденный отдых — эта дурная привычка, сильно распространенная среди венгерцев, — следует отменить, заменив несвоевременный покой гуляньем, разговорами, игрой.

12. Тело, как жилище души, все наши питомцы должны держать не изнеженно, однако же опрятно.

13. Точно так же, как орудие души, тело у всех наших учеников должно развивать для подвижности подвижностью и закалять его к работе работой.

14. И так как наша школа есть школа мудрости, а не войны, то оружием всех питомцев должны служить книги, но не мечи <...>

15. Наклонность к брани и злословию должна быть настолько удалена, что право на это теряет даже тот, кто попытался бы обратиться к брани по справедливому случаю.

16. Капризы и деревенская грубость не терпимы ни в ком. Все должны приучать себя к вежливости, услужливости в словах и делах. Школе подходит быть городом, но не деревней.

17. Гордое и пренебрежительное отношение к другому должно всячески искоренять всюду, где бы оно ни обнаружилось, чтобы все привыкли одинаково почитать образ Божий как в других, так и в себе самих.

18. Особую заботу следует прилагать к тому, чтобы не вселилась в кого-либо страсть к присвоению чужого; никто, присваивающий себе чужое добро, не должен оставаться безнаказанным.

19. Ложь — рабский порок — не может быть терпима ни в ком. Пусть все привыкают откровенно говорить правду, даже если бы пришлось сознаться в вине, чтобы никогда не было заметно разлада между сердцем и устами — этого самого презренного порока.

20. Если в ком-нибудь будет замечено в чем-либо отступление [от правил], того следует дружелюбно убеждать, а убеждаемый должен дружественно принимать увещание.

21. Если же увещаемый не воспринимает этого по-братски и даже отказывается принять увещание, то его следует привести к

учителю, устраняя всякие соображения о личной дружбе или неудовольствии и руководясь единственно желанием бороться со злом, чтобы оно как-нибудь не пустило корней.

XXI. Законы для учителей

1. Учителями должны быть люди набожные, честные, деятельные и трудолюбивые; не только для вида, но и на самом деле они должны быть живыми образцами добродетелей, которые они должны привить другим. (Ничто притворное не может быть продолжительным.)

2. Чтобы быть в состоянии бодро выполнять обязанности своей профессии и предохранить себя от скуки и отвращения, они должны, во-первых, остерегаться слишком низко ценить себя и относиться к самим себе с презрением. Кто сам считает постыдным быть учителем и остается им только ради денег, конечно, бежит оттуда, как с жерновой мельницы, лишь только найдет другой род занятий, обеспечивающий большее вознаграждение. Но наши полагают, что они поставлены на высоко почетном месте, что им вручена превосходная должность, выше которой ничего не может быть под солнцем, именно, чтобы маленькое подобие Бога доводить до сходства с Богом или, как говорит Бог у пророка (Ис. 51, 16), насаждать небо и основывать землю, т. е. полагать основание церкви и государства. Уверенные, что их труды служат на благо человеческого рода, они будут воспевать с Давидом: мне выпал жребий самый приятный, мне досталось прекрасное наследство (Пс. 16, 6) и будут стараться, поскольку это от них зависит, сделать все возможное для столь возвышенной цели.

NB *То, что Я.Коменский назвал законами для учителей, по существу, является Кодексом профессиональной чести педагога. К учителю предъявляются высочайшие, почти мистические требования, адекватные самой великой профессии на земле. Совершенно очевидно, что не каждый, работающий с детьми, соответствует званию Учитель. Но среди громадной массы учителей, молодых и старых, талантливых и бездарных, любимых и гонимых, есть такие, которые воплощают в себе все лучшие стороны нашего дела и двигают вперед всю профессию. Их имена окружены почитанием, они передаются из поколения в поколение, по ним ориентируются миллионы, идущие следом. К таким и принадлежит Ян Амос Коменский.*

3. И так как это столь великое дело приходится предпринимать рискованным образом с применением собственной мудрости и собственных сил, то прежде всего они смиренно предадут самих себя, свои работы и преуспеяния своих учеников Богу, по примеру великого наставника, указывающего, что он достиг одного, что никто из тех, кого ему дал Отец, не погиб, и просящего Отца соблюсти их в своей добродетели (Иоан. 17, 11, 12).

4. Итак, ближайшая забота будет состоять в том, чтобы мощно увлекать учеников благим примером; ибо нет ничего естественнее, как то, чтобы последующие ступали по следам предыду-

щих и чтобы ученики воспитывались (se componant) по образцу учителя. Руководство только в виде слов и предписаний обладает силой сообщить делу только весьма слабое движение. Поэтому наши учителя должны остерегаться походить на тех придорожных Меркуриев[2], которые показывают простертой рукой, куда нужно идти, а сами не идут.

5. Наши учителя должны помнить, что юношество, посвященное Христу, должно направлять преимущественно туда, куда хочет привести Христос, именно к небу. Итак, прежде всего должно посвятить души познанию того Отца, который находится на небесах, воле нужно внушить любовь во всем исполнять волю Божию, чтобы нам творить ее на земле так, как творят ее ангелы на небесах, и, наконец, должно возбудить надежду на вечное милосердие его. Всему этому они должны неукоснительно учить своих учеников своею достойною небес ангелоподобною жизнью, остерегаясь примером какого-либо мирского дела соблазнить кого-нибудь из малых сих (ибо тем, кто это делает, Христос предвещает горе).

6. Но так как учителя получают не таких лиц, которых они тотчас же должны вести к небу, но таких, которым предназначено первоначально вести среди людей, здесь, под небом, человеческую и богоугодную жизнь, они должны приучать вверенных им также и к требуемому от каждого человеческому образованию, и к доброму повиновению законам человеческого общества, и опять-таки прежде всего и лучше всего примерами, нежели предписаниями. Следовательно, развитие умеренности и трезвости, а через то — здравого и бодрого духа будет лежать на обязанности всех учителей; пусть пиры платоновские будут им приятнее, нежели пиршества сибаритские[3]. Подобным образом учителя должны заботиться о том, чтобы быть для учеников в пище и одежде образцом простоты, в деятельности — примером бодрости и трудолюбия, в поведении — скромности и благонравия, в речах — искусства разговора и молчания, словом, быть образцом благоразумия в частной и общественной жизни.

7. Наконец, так как успехи в благочестии и нравственности идут лучше, когда ум, оснащенный светом познания, умеет сделать лучший выбор среди вещей, а познание вещей почерпается из наук, то пусть учителя помнят, что их питомцы и в этом должны быть осведомлены. А потому учителя должны знать, хотеть и уметь сделать умы всех своих учеников мудрыми, языки — красноречивыми, руки — искусными для письма и других действий, и опять-таки при помощи постоянных примеров, наставлений и практики.

8. Итак, показывай им так, чтобы они что-нибудь видели, объясняй так, чтобы они понимали, заставляй их подражать, чтобы и они также могли выражать то, что ты можешь. И как только у них явится надежда, что они могут это сделать, заставляй их повторять до тех пор, пока они не будут в состоянии делать это правильно и быстро. Итак, пусть хорошие учителя полагают, что (заметить хорошенько) самые маловажные обязанности — диктовать что-либо, гораздо же более важные — на-

блюдать, внимательны ли ученики, частым спрашиванием возбуждать силу ума, чтобы они понимали, и в процессе исправления, когда ученики сбиваются, искусно исправлять.

9. Чтобы быть в состоянии выполнить все это без скуки, необходимо относиться к ученикам по-отечески, с серьезным, страстным желанием им успехов, как будто бы учителя являлись родителями духовного развития учащихся. При этом они должны все делать более добродушно, нежели строго, помня слова Горация:

Все голоса за того, кто приятное свяжет с полезным[4].

Это возраст, который — не зная еще бремени жизни — измеряет полезное только сообразно с его приятностью и требует скорее сахара и меда, нежели настоящего кушанья.

10. Хороший учитель не пропускает ни одного удобного случая, чтобы научить чему-либо полезному. Итак, если нашим учителям придет на ум научить чему-либо хорошему, то они никогда не упустят такого случая, будет ли то в школе в присутствии всех или вне ее частным образом, с кем-либо одним, но в этом последнем случае дело происходит затем следующим образом: то, что ученик усвоил частным образом, он должен повторить в классе перед всеми с двоякой пользой, во-первых, чтобы все привыкли внимательно воспринимать также и то, что говорится кому-нибудь вне школы, и уметь передавать смысл воспринятого; во-вторых, чтобы то, что говорится кому-либо одному по какому-либо поводу, служило на пользу всем; ибо школьный учитель должен быть одинаково учителем всех.

11. Как сами они должны осуществлять прежде всего первоначальное и главнейшее, так и учеников своих учить тому же и требовать от них, чтобы они соблюдали это в таком, а не в обратном порядке, т.е. они должны прежде всего учить самому необходимому благочестию, затем добродетели в обращении с людьми и, наконец, внешнему украшению жизни — наукам.

12. Итак, прежде всего пусть под страхом вечного проклятия учитель остерегается терпеть, чтобы кто-либо уклонялся от благочестия, но пусть старается держать всех в страхе Божием. Если он этого не добьется, то пусть считает весь свой труд затраченным даром.

13. Далее, учителя должны наблюдать, чтобы молитва общая и частная происходила с благочестивыми жестами и с сердцем, вознесенным к Богу. Каждую среду должны они заниматься с учениками законом Божиим, каждую субботу должны прилежно приготовлять их к воскресенью, каждое воскресенье должны все участвовать в общественном богослужении, каждый учитель со своим отделением на особом месте; они также должны настаивать на том, чтобы все ученики записывали проповедь и повторяли ее затем в понедельник на первом уроке.

14. Сколько раз совершается в церкви святое причащение, столько раз учителя должны приготовлять учеников с особым чувством благоговения либо к тому, чтобы они приняли достой-

ное участие в священном таинстве, либо к тому, чтобы они благоговейно созерцали столь священное таинство.

15. Из числа нравственных добродетелей особенно настойчиво должен он рекомендовать и внедрять путем упражнений способность переносить труды, больше того, стремление к ним; ибо, достигнув этого, они будут иметь великое сокровище для жизни.

16. Каждый учитель должен в особенности иметь перед глазами цель и задачи своего класса, чтобы, хорошо зная, чего он должен достигнуть, все направлять сообразно с этим; он добьется похвалы, если всех своих учеников доведет до этой цели, заслужит позор, если допустит, чтобы кто-либо не достиг ее <...>

XXV. Законы о соблюдении законов

1. Так как по опыту известно, что все мы более склонны к злу (особенно в юношеском возрасте) и в течение нескольких часов можем быть до того испорчены праздностью или пороками, что не скоро можем возвратиться к беспорочности духа, то должна быть налицо постоянная и в высшей степени бдительная охрана законов. Иначе было бы безразлично — не иметь никаких законов или не соблюдать их: гораздо хуже, когда разнузданность бешено срывается с цепей, нежели когда она совсем не заключена в оковы [законов].

2. И так как за законы приходится бороться больше, чем за стены, как мудро имели обыкновение говорить древние (так как можно жить без стен, но никоим образом государство не может существовать без законов, как это показывает пример и лакедемонян), то нужно считать за нечто непреложное, что благополучие всей школы состоит в добросовестном исполнении законов.

3. Однако опять-таки не без основания Архисилай говорит: где много врачей, там много болезней, и где очень много законов, там много и преступлений. Поэтому благосостояние школы следует полагать не столько в увеличении количества законов, сколько, наоборот, в тщательном соблюдении однажды данных. Отсюда следует, что не нужно легко допускать, чтобы к этим нашим законам прибавляли новые, за исключением разве крайней необходимости; лучше твердо соблюдать эти немногие, хорошие, общие, однажды данные <...>

NB *Коменский смотрит на школу как на своеобразное правовое государство, где все люди, населяющие его, — законопослушные граждане. А являются они таковыми потому, что законы разумны, ясны и немногословны, кроме того, невелики количеством. Автор — противник необдуманного законотворчества в образовании. Школа работает на вечность, и законы ее не должны быть сиюминутны и мелочны. Служение великим целям не терпит суеты.*

ВСЕОБЩИЙ СОВЕТ ОБ ИСПРАВЛЕНИИ ДЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

(В сокращении)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Панегерсия,

всеобщее пробуждение, где после изложения того, что такое человеческие дела, насколько они расстроены, как на небесах и на земле всегда ведется совет об их исправлении и как теперь предстоит вести этот совет по-новому, все люди призываются для всеобщего советования об этом столь общем для всех деле.

ГЛАВА I

Какое мы дело предпринимаем, почему для него необходим пробужденный разум и как надлежит его пробуждать

NB ***Эта книга вызвана тревогой за Человека и Человечество. Как и все просветители, автор видит причину зла в невежестве и безнравственности, путь же спасения человечества — в приобщении к Богу, мудрости и благонравию. Это один из примеров того, как великие мыслители и педагоги прошлого брали на себя глобальную ответственность за людей и непосильный труд на благо людей всей Земли. Что это? Завышенная самооценка или святая вера в возможное исправление человечества?***

1. Мы намереваемся, испросив у Бога благодати, показать роду человеческому все его благо, описать, как мы, преступив пределы этого блага, блуждаем по бесконечным пустыням тщеты, и открыть истинные, прямые и удобные пути возвращения в конце концов к изначальной простоте, покою и счастью.

2. Таким образом, мы приступаем к делу, важнее которого нет на земле: оно касается всех людей и всего в человеке, служит высшей цели и высшей пользе, теперешней и будущей жизни.

3. Поскольку к великому этому делу можно приступать, лишь пробудившись разумом, добившись единодушия человеческого рода и вымолив согласие Божией благодати, то мы и начнем прежде всего побуждать, сначала самих же себя, потом всех других, кого только можем, а под конец и самого Бога — к милости и помощи.

4. Самих себя надо побуждать потому, что невозможно пробудить других, если мы сами спим, если видим сны обо всех этих вещах и рассказываем их другим.

5. Потом, других надо стараться пробудить, чтобы они помогли побудить Бога к милосердию и бодрствовали вместе с нами в деле общего спасения. Но кого именно пробуждать? И как?

6. Будят обычно людей, отягченных неурочным сном, когда их зовут настоятельные дела, или если грозят бедой враги, начавшийся пожар, или чрезмерный сон вреден для здоровья, а то и смертелен и опасен для жизни, как бывает при летаргическом сне и других сонных болезнях. Но все эти причины сейчас налицо, и они заставляют нас любыми доступными нам средствами поднять род человеческий ото сна.

7. В самом деле, благороднейшее создание Божие — человек, — посланный в мир ради высоких целей, забыл о лучшей части своего существа и всего меньше занят как раз тем, для чего наделен жизнью. Большинство в конец слепнет, коснеет и дичает. Приходят в мир — и не знают откуда, живут в мире — и не знают зачем, уходят из мира — и не знают куда. Да и пока ходят по земле, главного не делают, относятся к жизни спустя рукава. Думают о пустом, заняты пустым, рады пустякам, питаются пустыми надеждами, словно во сне, и вечно из одной пустоты впадают в другую, пока сами не исчезнут. А меж тем враги, сатана да смерть, окружили со всех сторон, ищут, кого покарать, и пожирают одного за другим; вкруговую облегла нас страшная гроза гнева Божия, близится пожар, в котором сгорит мир. Обуянные сонной одурью люди пойдут на вечную погибель, если не вырвутся; стало быть, всех, кого можно, надо будить, чтобы вырвались <...>

ГЛАВА III

Зачем на совет об исправлении человеческих дел звать всех, можно ли созвать всех и какой легкий и прямой путь откроется перед этим советом

1. К вам обращаюсь, все причастные вместе со мной человеческой природе и гнетущим ее бедам! Давайте вместе рассмотрим состояние мира, повсюду тонущего во зле, вместе ужаснемся, вместе восплачем о неизменно повторяющихся, а вернее, постоянных и страшных разорениях мира — или лучше посоветуемся о том, как помочь делу, если только можно ему помочь!

3. Кто бы ни был ты, читатель, проснись и в уверенности, что речь пойдет и о тебе, настрой на внимание слух, ум, речь; выслушай мысли других о себе с той же охотой, с какой выражаешь свои. Это и будет началом твоего советования вместе со всеми другими.

7. Никто не думай о себе так дурно и низко, чтобы не считать себя достойным войти в совет о всеобщем спасении; никто не предавайся гордому отчаянию и не гнушайся выслушивать чужие советы и прибавлять к ним свои!

10. Сперва все кажется несбыточной мечтой, но нет! Ведь если мы не можем собраться все в одно место телесно (да и не надо), нас соединят духовная общность, обмен взаимными посла-

ниями и само это солнце, ежедневно пробегающее по всему кругу земель от одних к другим и всем равно дающее возможность совершения полезных дел.

12. А потом, Бог даст, на каком-нибудь вселенском совете[1] сойдутся главы земли и сообща поразмыслят о том, что заранее будет таким образом подготовлено.

ГЛАВА IV

Что такое человеческие дела? Это познание, религия и политика

2. Почти бесконечно множество окружающих нас в мире вещей, которые требуют нашего участия или требуются нам. Но мудрецы знают, что одни из них — только наши придатки, как тень придаток тела, другие — не пособия, а, скорее, помехи, от которых для нашего же блага лучше отделаться (хоть мы часто обманываемся, безрассудно считая их частицей нашего бытия и наслаждаясь их обладанием).

3. Мы считаем поэтому, что человеческими делами надо называть, собственно, только те — но также и все те,- которые служат величию человеческой природы; ведь все прочее, общее у нас с животными, именно потому не собственно наше, что общее с ними. Так что даже блага, когда это низшие блага, надо целиком подчинить более высокому: тому, чем мы отличаемся от животных, чем мы возвышаемся над животными и что возносит нас к богоравному величию.

11. Думаю, сначала все должны согласиться со мной в том, что есть три присущих человеческой душе корня человеческого величия: исследующий вещи интеллект, ищущая благо воля и влечение к действию, имеющее в своем распоряжении всевозможные способности. Посмотрим, какие из этих корней произрастают побеги, какие на них созревают плоды.

NB *Человеческое величие имеет три основания: мощный интеллект, благую волю и разнообразную общественно значимую деятельность. Эти же черты образованной личности уберегают ее от деформации и гибели.*

Речь идет о прочности фундамента человеческой личности. Сегодня особенно актуальны благочестие, верность высоким идеалам, цивилизованное отношение к прошлому. Личность вырастает на плечах предыдущих поколений, составляющих ее корневую систему. И опять приходят на память гениальные строки Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека —
Залог величия его.

12. Из жажды истины происходит философия, искание мудрости. Из желания блага рождается религия, т.е. почитание высшего блага и наслаждение им. Из стремления властно распоряжаться вещами при высшем его усилии[2] достигается политика, т.е. приведение людей, вечно пускающихся в разнообразные предприятия, к такому порядку, когда в своих занятиях они не мешали бы, а помогали другим.

17. Нет сомнения, что до сих пор еще не было на земле народа, города, семьи и никогда не было такой эпохи мира, когда нельзя было видеть стремление людей к мудрости, к политике и к религии, пускай иногда очень слабое и крайне путаное, но все-таки никогда не иссякающее. Как тут можно не понять, что человеческий дух создан для этого, на этом основывает свое величие и, значит, этому должен посвятить себя?

18. И если бы как-то удалось заглянуть в каждую человеческую душу (а в свою может заглянуть каждый), то открылось бы, что эти три божественные черты — воля к знанию, воля к власти и воля к наслаждению вечным благом — неизгладимо отпечатлелись на человеческой природе. Только недочеловек или урод предпочтет незнание знанию, захочет лучше рабствовать, чем повелевать, и будет скорее ничего в мире не чтить, чем чтить хоть что-нибудь, т.е. захочет скорее отвергнуть благосклонность божества и вечное блаженство, чем наслаждаться ими. В самом деле, хотя иногда и встречаются такие чудовища, они повсюду носят за собой свое наказание, будучи или другим, или самим себе ненавистны как недоноски и выродки.

26. Итак, для нас отныне ясно, что такое дела человеческие: это забота о разумном познании, сердечном благочестии и мирной жизни; это философия, религия и политика, служащие поискам, сохранению и распространению столь великих благ. Если кому кажется иначе, если кто сумеет иначе и точнее определить и разграничить человеческие дела, то пусть объявит об этом, ко всеобщему благу.

ГЛАВА V

О расстройстве человеческих дел и о том, что послужило поводом к расстройству

1. Исправляют только то, что расстроено; стало быть, зовя на совет об исправлении человеческих дел, мы тем самым заранее признаем их расстроенность. Особого доказательства здесь, наверное, и не надо, потому что повсеместно слышишь жалобы, что все сдвинулось со своих мест и сбивается с прямого пути то вправо, то влево. Поистине все, умеющие хоть что-то видеть, видят, что на месте мудрости воцарились невежество или софистика, на месте религии — атеизм или предрассудки, на месте политики — анархия и хаос или тирания и насилие <...>

10. Каковы обычные человеческие заботы, на которые мир тратит лучшие силы? Погоня за богатством, почестями и наслаждениями. Кому не ясно, что толпа здесь полагает основание своего счастья, что именно ради этого хлопочет весь мир? А ведь что это все такое? Богатства — неминуемые тревоги, почести — летучий дым, наслаждения — сладкий яд, приманка зла, коль скоро всего этого ищут так, как обычно ищет толпа, т.е. имея первой целью только это в отрыве от более высоких вещей. Если бы человек первым делом искал первые и истиннейшие блага — мудрость, благоразумие, благочестие, — он получил бы в придаток и почести, и богатство, и наслаждение с такой же обязательностью, с какой падает тень от стоящего на солнце тела, причем эти вторичные блага в сопровождении своего противоядия стали бы и безвредными, и даже более приятными. Не понимая этого, люди ловят голые тени без вещей и, отдаваясь тщеславию, сами превращаются в тщету, уходя и от правильного применения вещей, и от источника вещей Бога, а в конце концов и от самих себя.

11. Словом, люди ищут себя — вовне себя, вещи — выше себя, Бога — ниже себя. *Себя вовне себя* — поскольку, не зная божественного сокровища своей души, ищут богатств, познаний и наслаждений вовне себя, хотя внутри себя владеют большим, чем весь мир. *Вещи выше себя* — поскольку подчиняются и идут в рабство к вещам, над которыми должны бы господствовать. *Бога ниже себя* — ища и придумывая себе такого бога, чтобы не им от него, а ему от них зависеть, не им его волю исполнять, а его иметь в подчинении слугою своих страстей, который своим повелением превращал бы в истину все, что они безрассудно измыслили, в благо — все, чего они безрассудно добиваются, в успешное деяние — любое их безрассудное предприятие. Разве не здесь очевиднейшие основания расстройства человеческих дел? <...>

NB *Человек рождается дважды: в первый раз — физически, второй — духовно. Второе рождение приходит у разных людей в разное время, но есть такие, что остаются на уровне первичных природных потребностей. Они живут во внешних обстоятельствах, завися от них, и являются рабами этих обстоятельств.*

Люди, обладающие богатым внутренним миром, менее связаны с внешней суетой. Они не делают трагедии из материального недостатка и не завидуют чужому изобилию. Они внутренне свободны, ибо духовная жизнь для них неизмеримо выше жизни материальной. Среди таких людей и живут чудаки, вызывающие сочувствие и презрение у деловых представителей рода человеческого. Очевидно, что для автора милее всего именно духоборцы, искатели, люди «второго рождения». Вот почему, исследуя причины человеческого расстройства, Коменский видит их в том, что люди ищут блага и счастье не в себе, а вне себя. А надо, прежде всего, познать себя и в себе самом найти истину.

28. Рассмотрим состояние политики! Ее основание — управление собой, потому что править по-настоящему может только правый и невозможно править другими, если в то же время или, вернее, прежде всего не управишь собой. Возвысив человека до такого достоинства, что подчинил ему все низшие создания, Бог дал ему в довершение всего самостоятельность, чтобы каждый, управитель и судья всего, не принадлежал никому, а правил собой по свободному разумению. Ясно поэтому, что стержень всякого доброго порядка среди людей и всего человеческого счастья в том, чтобы предназначенный для управления другими человек прежде всего *хотел*, *мог* и *умел* разумно править собой; наоборот, причина погибели — нежелание, неспособность, неумение править собой. И Бог не упустил позаботиться о том, чтобы человек хотел, мог, умел править собой. Чтобы *хотел*, он вложил в него любовь к свободе. Конечно, признаки свободы мы видим и у других созданий: конь сбрасывает седока, бык покидает ярмо, овца оставляет загон с кормом единственно ради того, чтобы принадлежать самим себе; но у человека жажда свободы поистине огромна, так что многие предпочитают смерть рабству, т.е. действию не по своему, а по чужому решению. Чтобы человек *мог* править самим собой, Бог дал ему постоянных советников, всегда готовых помочь, всегда внимательно изучающих положение, всегда напоминающих ему о делах и задачах: разум и совесть. Чтобы, наконец, он и *умел* править собой, Бог развернул перед ним в пример ему бесчисленное множество творений, которые по природному инстинкту соблюдают положенные им законы и тем сохраняются в своем бытии; разумно рассматривая их, человек может узнавать образ действия вещей и применять его для разумного управления собой в своих целях. (Впрочем, Бог своим словом добавляет к этому еще и новые законы, и разнообразные советы, о которых в другом месте.)

29. Умение править человеком, правителем всего, — это искусство искусств, даже когда человек прилагает это искусство только к одному себе, не то что ко многим людям, сопричастным вместе с ним той же высокой свободе. Если бы мы соблюдали божественные правила этого искусства, изваянные в природных вещах, запечатленные в нашем сердце, постоянно звучащие в наших ушах, то всякое человеческое общество воссияло бы порядком, покоем и миром, потому что полные любви к порядку, покою и миру главенствующие свободно бы главенствовали, а подчиненные свободно подчинялись.

30. Но о том, как мы их соблюдаем, говорят распри, раздоры и войны в каждой семье, селении, городе, царстве, и здесь не надо других свидетелей, кроме наших же глаз и ушей, кроме отовсюду доносящихся жалоб и стонов. В самом деле! Власти назначены от Бога для всеобщего и взаимного с подданными блага, когда власти служили бы подданным, а подданные — властям; отчего же получается, что эти тем, а те этим так часто бывают тя-

гостны, противны, невыносимы, взаимно губительны? Будучи обязаны спокойно нести на плечах своих властителей, как тело — голову, подданные нередко свергают и изгоняют их; те и отместку, устояв против бунта или силой возвратив себе бразды правления, сильней натягивают узду и пускают в дело шпоры, кнут, батоги, мечи, и все тонет в насилии.

31. Рассмотрим причины. Люди не умеют править, не умеют подчиняться: не умеют править другими, не умеют править собой; не умеют подчиняться чужому управлению, не умеют своему собственному. Главное, большинство людей, забыв о своем достоинстве, так рабствует духом, что покидает себя на произвол самых низменных вещей, желудка, чревоугодия и прочей пустоты, давая им править собой, вести, увлекать себя, как угодно помыкать собой и теряя право называться именем человека — творения, предназначенного для господства над вещами. Так глупый и преступный моряк, покинув руль во время морской бури, подвергает себя и спутников смертельной опасности. На деревянных ладьях столь безумных моряков, пожалуй, не сыщешь, но именно таким образом безумствует большинство смертных при управлении ладьей собственного тела и души <...>

ГЛАВА XI

Приглашение всех людей на мирный совет об исправлений дел в мире

NB *Когда-то Л.Н.Толстой сказал, что хороших людей в мире больше, чем плохих, но плохие лучше организованы. Следуя этой же логике, Коменский призывает всех, кому близка судьба человечества, объединить свои усилия для его спасения. Через всеобщее просвещение — к всеобщему благополучию — таков путь, указанный великим педагогом.*

Восхитительная наивность: главное — всем хорошим людям объединиться, договориться, и тогда мир спасен.

А может быть, это не так уж наивно? Может быть, и нет другого пути? Может, именно педагогам суждено спасти мир, педагогам по нравственному убеждению? Ведь педагогическое выше экономического и политического. Педагогические знания сегодня нужны человечеству, как никогда прежде. Скольких ошибок можно было бы избежать государственным деятелям, политикам, экономическим лидерам, пройди они вовремя педагогический ликбез. Все великие люди были педагогами, ибо они заботились о молодой смене и оставляли после себя научные школы, своих учеников и последователей. Практическая педагогика осуществляет связь времен, она очеловечивает, гуманизирует сегодняшнюю реальность, она способна вечные истины, общечеловеческие ценности сделать личными для каждого человека. Она знает, что есть ценности, которым нет цены...

---

1. Собираясь засевать поле, или убирать урожай, или готовить древесину и камень для постройки и т.д., мы обычно смотрим на сами эти вещи (рассматривая, что из них можно сделать или чего в них не хватает), но совещаться с ними нет необходи-

мости, потому что они в нашей власти: противиться нашим рукам, нашим серпам, нашим топорам они не могут. Все обстоит иначе, когда приходится иметь дело с разумным созданием: наделенное свободой выбора, оно ничего не позволяет решать о себе заочно.

2. Поскольку наше предприятие касается людей, мы не сможем решить ничего втайне от них, а поскольку оно касается всех, то со всеми надо и войти в общение <...>

3. Все говоримое здесь будет сказано всем, причем так просто, что нельзя будет не понять всем, и с предоставлением каждому, от первого до последнего, полной свободы суждения <...>

4. Как пишут, Пифагор говорил, что, если научиться разумно расспрашивать восьмилетнего ребенка о любой части философии, мы услышим на все разумный ответ, потому что свет разума, если умеешь им пользоваться, есть мера всех вещей[3]. Применим то же в нашем теперешнем деле! Верю, если мы сумеем разумно предлагать вопросы, любой наш будущий читатель обязательно или сам найдет в своей душе ответ на каждый вопрос, или одобрит предлагаемое ему; ибо мы пойдем впереди и будем представлять не только проблемы, но и способы справиться с ними, а напоследок и свое решение о том, какой из многих способов (если их окажется много) кажется нам наилучшим.

5. Не будет причины, по которой кто-то остерегся бы приступить к нашему Совету, ведь никто ему здесь ничего не предпишет, а сам себе во всем и в каждом он будет автором, судьей, свидетелем. И мы надеемся преуспеть на этом пути, где никому не придется продираться сквозь неведомый лес незнакомых ему авторов, но его поведут по открытому полю вещей, чтобы собственными глазами, а не через чужие очки, он смог все видеть и все ощупать. Поистине только сами вещи, будучи тем, что они есть, способны привести нас к согласию, чего никогда не добиться людям, которые сами еще спорят между собой о вещах.

6. Тогда, наконец, с Божией помощью обнаружится, что прирожденные нам три начала познания, воли и действия (врожденные понятия, инстинкты и способности) — это заложенные в нас священные пандекты божественной премудрости, а все не содержащееся в них с необходимостью подозрительно; что это запечатленные в нас как в образе Божием законы, чем дальше отступаешь от которых, тем больше запутываешься в ошибках, пороках и несчастьях; что это золотые опоры, алмазные основания, над которыми надстраивается все здание человеческих знаний, добродетелей и действий; что это нерушимые границы, которыми Бог обнес все пути наших помыслов, стремлений и деяний и выйти из которых значит подвергнуть себя неминуемой опасности блуждания, греха и гибели; что это полюса и оси, вокруг которых вращаются все наши нынешние и будущие мысли, слова и поступки и отклонение от которых есть крайность, ненормальность, заблуждение и ошибка; что это, наконец, наши сияющие внутри нас

солнца и наши звезды, сопровождающие нас везде, куда бы мы ни обратились, и предупреждающие нас от ошибок, пороков и опасностей; без них все во мраке. Опираясь на столь всеобщие начала, наш Совет будет поэтому всеобщим, великим, надежным и удобным путем, единственно способным привести нас туда, где мы начнем понимать себя и подниматься <...>

Всеобщий совет
об исправлении дел человеческих

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ,

общая всему человеческому роду книга

Пансофия,

то есть всеобщая премудрость, основанная на самой человеческой природе с тем, чтобы через правильное познание и должное в каждом отдельном случае применение врожденных всем людям универсальных идей, врожденного желания добра, порывов к достижению желанного и служащих к тому орудий все люди смогли увидеть все хорошее и плохое в себе и всецело безошибочными путями искать и найти добро, избегать и избежать зла.

Труд, посвящаемый всем народам земли для утверждения во всем роде человеческом совершенного разумения и совершенного мнения, для достижения таким путем среди людей в конце концов всеобщего согласия и для устрашения, с Божьей помощью, раздора в мире.

ГЛАВА 7

О человеке, пожинателе плодов этого мира

1. Бог оставил бы незавершенным свое творение, видимый мир, если бы не произвел свой совершенный образ, запечатлев на нем знаки своей бесконечности; да и видимый мир не был бы универсумом (τὸ πᾶν) без высшей ступени видимого творения, как бы без вершины пирамиды.

2. Собери поэтому сейчас всю свою любознательность, созерцатель, для тщательного рассмотрения себя самого. В самом деле, все существующее сперва и главным образом существует для себя, потом уже для другого; так что наш ум, прежде поглощенный исследованием других творений, теперь обязан максимальным вниманием себе самому и своему жилищу[1]. О человек! Ты создан последним, но лучшим всех; и созерцают тебя последним, но внимательней всех, причем сводя тебя к механике, потому что в своем устройстве ты машина.

3. Так что же такое человек? Это живое существо, обладающее свободой действия, предназначенное для господства над творением и для общения в вечности с творцом. Человек сотворен, чтобы быть (1) главой всего творения и как бы малым миром[2]; (2) правителем видимого, как бы наместником царя и заместителем Бога; (3) сопричастником вечности, предстоящим ее

трону. В первом смысле мы рассмотрим его сейчас, во втором — говоря о мире искусства и нравственном мире, в третьем — говоря о духовном и вечном мире: человек — цель, ради которой уготовано даже и само царство небесное (Матф. 25, 34 — 35).

4. Он состоит из трех частей: (1) животности, т.е. органического тела и чувственной души, подобно любому другому животному; (2) разумности, т.е. привнесенной божественным дуновением души, высшая часть которой — свобода выбирать действия по желанию, и (3) бессмертия, т.е. привилегии бесконечно долгого существования <...>

5. Итак, человек — сложнейшее из творений: он обладает в себе природами всех творений. От телесного мира у него материя, от элементов — дыхание, огонь и части тела: одни твердые, земные, другие текучие, водные, третьи тонкие, воздушные. От паров у него то, что его тело — как бы непрерывнодействующий испаритель; от сгущений — то, что все однородные части его тела (кровь, плоть, кости и т.д.) есть не что иное, как загустевшие пары; от растений — такое же, как и у них, возрастание, увеличение, созревание, увядание; от животной природы у него пространственное предвижение, пять чувств, разнообразные аффекты и т.д.; от ангельского мира — разумный и бессмертный дух, и т.д. <...>

6. Он же и гармоничнейший из всех составов: важнейшее и мельчайшее в нем служит своим определенным, предустановленным и прекраснейшим назначениям. Конечно, сама вселенная и любая ее часть тоже гармонично составлены, но едва ли что устроено старательней и искусней, чем человек, взять ли его тело, дух или душу: все в нем являет как бы сложнейшие и искуснейшие часы — к вящей славе Создателя.

7. Человек трояко возвышается над животными: разумом, речью и свободой способного к чему угодно действия; но высшее отличие от них состоит в его абсолютной свободе выбора, не связанной необходимостью делать скорее одно, чем другое <...>

NB *Проблема человека — главная и вечная проблема философии. Мудрецы всех времен и народов прежде всего пытались ответить на вопрос «что есть человек?». Для Я.Коменского это живое, свободное, совершеннейшее существо. Он — цель, ради которой существует само царствие небесное.*

Людям, воспитанным в духе воинствующего атеизма, будет полезно познакомиться с теологическими аспектами взглядов Коменского. Например, с тем, что душа человеческая — частица мирового духа, что Бог создавал человека последним и вложил в него все лучшее, что смог. При этом самой отличительной чертой, возвышающей человека над животным миром, Коменский считал «абсолютную свободу выбора». Вообще, идея свободы в его рассуждениях о человеке является доминирующей.

Интересно, что в рассуждениях о «строении человеческой души», о духе нет ничего мистического, сверхъестественного. Устройство человеческого мозга в отличие от мозга животного позволяет не только воспринимать явления, вещи, события в целом, но и расчле-

нять их на части, анализировать, измерять, взвешивать, считать. Автор, как мне кажется, наслаждается мыслительными операциями аналитического характера. Он хочет все в человеке разложить на составные части (даже нравственность), во всем найти соразмерность, пропорциональность, разумные связи. Это путь к гармонии.

I. Строение человеческого тела

Хотя человек создан для господства над творением и ему вручена власть над ним, тело ему дано не гигантского размера, а средних между максимальными и минимальными пропорций: ему предстояло возобладать не телесной, а разумной силой, чтобы явить собою образ Божий. Телесным же — в отличие от ангела — ему надлежало стать для того, чтобы, внешне приобщаясь к свету и тьме, он мог внутренне улавливать то и другое для раскрытия бездн во всем существующем. Совокупное тело есть субстанция из стихий, поэтому оно подвержено всем состояниям стихий (тяготеет к земле, греется, мерзнет и т.д.). О строении его см.: Картезий. О страстях души. Ч. 3, разд. 7.

Тело — орудие и жилище жизненного духа[3], а жизненный дух — орудие и жилище души: как жизненный дух живет в теле, правя им, словно кормчий кораблем, так душа живет в жизненном духе и управляет им. И как тело без жизненного духа не движется и ничего не ощущает (что видим у трупа), так жизненный дух помимо ума ни о чем не судит и ничего не понимает (что видим у животных). Словом, душа как своим носителем и инструментом пользуется жизненным духом, жизненный дух — телом, тело — внешними орудиями. Человеку дано такое тело, которое удобно служило бы всем нуждам разумной души. Для этого оно (1) снабжено многими органами, (2) прямостояще, (3) обнажено и безоружно, чтобы, оставаясь в себе свободным, оно по требованию обстоятельств могло одеться и вооружиться каким угодно образом. В самом деле, рука, орудие орудий и самый умелый исполнитель, дана только человеку; только ему довелось быть прямостоящим, чтобы он не жил в забвении о своем отечестве, небе; только он создан нагим и безоружным, но опять по особому Божьему дару: животные повсюду носят с собой свою одежду (шерсть, перья, панцирь) и оружие (когти, рога), но разве это не всегдашняя тяжесть и не помеха для многообразия действий? Дарованная человеку свобода и умелость в добывании, приготовлении и сохранении всего для себя необходимого и желанного есть нечто гораздо более божественное.

Устройство человеческого мозга

Совершенное сходство строения и массы мозга у человека и животных поражает некоторых анатомов, но нам это послужит надежным доказательством того, что (1) виды творений, по сути дела, представляют собой просто ступенчатую последовательность; (2) человеческая душа есть не что иное, как привнесенная

свыше управительница животными действиями; (3) человек, не делающий ничего сверх действий животного, есть поистине животное: раз природа у всех одинакова, различие создается только вдохновительницей жизни, разумной душой.

Мозг разделен надвое: одна, бóльшая часть — под затылочной костью и под теменем; меньшая — в затылке. Называемая мозжечком, она предназначена для переплавления жизненных духов в животные духи, которые потом растекаются от нее через спинной мозг и нервы до всему телу. Вверх, вплоть до передней части мозга, текут более отстоявшиеся [жизненные духи] для целей разумного рассуждения. И достойно хвалы провидение Божие, что разделило их так: созерцание (т.е. размышление или рассуждение) требует покоя жизненных духов (потому что изображение плохо запечатляется на дрожащей зеркальной поверхности), а оно не могло бы иметь покоя в месте, где происходит переплавление и зарождение жизненных духов, поскольку переплавлению сопутствует движение. Бог с тем же намерением также и желудок, и печень, и даже сердце расположил в столь отстоящем от очага мышления месте, чтобы непрестанное бурление и шум от переваривания не нарушали спокойствия размышлений; ведь если помеха все равно случается после приема пищи, то что было бы, если бы мозг располагался где-нибудь поблизости? <...> Позади мозжечок разделяется на два желудочка с той же целью, для какой во внешних органах есть два глаза и два уха: а именно для большей возможности взаимной поддержки и для меньшей опасности потери. Это видно при параличе половины тела, когда от поражения одной части мозга воображательная способность, интеллект и память не полностью пропадают, а только слабеют, как при потере одного глаза. (Другие делят мозг на три полости — правую, левую и заднюю, особо именуемую мозжечком. Еще другие насчитывают две, четыре, пять частей мозга, но по-настоящему их три.) В Центре мозга есть железа, о назначении и действии которой разъясняется у Картезия («О страстях души», разд. 31).

II. Строение человеческой души

Душа — заключенная в человеческое тело и правящая его действиями частица мирового духа[4]. Человеку дан более обильный и чистый дух, чем другим живым существам; отсюда несравненное превосходство его внутренних действий: внимание у него пристальней, воображение сильней, память вместительней, аффекты безудержней. Что человеку дан более обильный дух, явствует из большего объема его мозга по сравнению с другими животными (в соотношении с размерами тела каждого): вся его округлая и очень вместительная голова наполнена мозгом; для какой цели, если не для того, чтобы дух имел более просторные мастерские и палаты? Прочее явствует из опыта. См. Коменского «Физику»,

Амстердам, с. 175; о внимательности к предметам — там же; о воображении — там же; о памяти — там же, с. 176 (добавь различие между памятью и припоминанием, или воспоминанием: одно — хранитель, другое — раздатчик; одно — книга для записей, куда заносится все необходимое, другое — реестр-указатель всего записанного); о чувствах — там же, с. 178. К перечисляемым там чувствам надо отнести еще тоску и пресыщение. Тоска — невыносимость отсутствия желанной вещи, пресыщение — неприязнь к приевшейся вещи. Например, если у кого нет места, как у изгнанника, или времени, как у умирающего, или надлежащего количества того и другого, или необходимого качества, или нет деятельности, или недостает благоприятных претерпеваний, или он не может упорядочить себя, или чувствует бесполезность своего дела или себя самого, или не имеет для утешения спутника или товарища, то возникает тоска; наоборот, если все это приходит сверх необходимости, то закрадывается пресыщение[5]. В отношении всего этого вообще заметь себе: (1) Первые движения души не в нашей власти, поскольку они непосредственно идут от объектов с такой стремительностью, что разум или сознание не успевают сказать своего слова, и [внешние воздействия] вторгаются в душу, пронизывают и видоизменяют ее. (2) Есть три главных источника движений ума, воли и чувства: а) внешние телесные объекты, б) внутренние гуморы тела, в) недра самого ума. Но от объектов — начало: в самом деле, младенцы ни гуморов в себе не ощущают, ни тем более ума, но постепенно то и другое взаимно возбуждается и очищается. (3) Для укрощения аффектов нет ничего полезней, чем помедлить или отвернуться от возбуждающего объекта, а потом посоветоваться с разумом.

Таковы действия человеческой души.

Ее отличие от души животных проясняется еще так. (1) У той и другой есть око воображения, как бы зеркало для восприятия рассеянных вокруг зрительных лучей. (2) Душа животных видит вещи только непосредственно, человеческая — еще и отраженными в себе, т.е. так, что видит не только внеположные ей вещи, но еще и внутри самой себя видит и судит это свое видение. (3) Душа животных видит, слышит и т.д. слитно — человек распознает число, меру, вес (т.е. считает, мерит, взвешивает), чего животные не могут <...>

III. О духе, или уме, как образе Бога и о его составе из троякой бесконечности: интеллекта, воли и силы

Человек может называться образом Божиим в разных смыслах. (1) Бог из себя, собою, ради себя создал все; человек из себя, собою, ради себя научается всему. (2) Бог создал все, уподобляя чуждое небытие своему бытию, и бытию такому, которое подобно Богу; человек тоже познает Бога, уподобляя самому себе Бога, а через Бога — все. (3) Бог един; едина и человеческая природа. (4) Вместе с тем он троичен: в нем всемогущество, премудрость,

любовь (или вечное «могу», «знаю», «хочу»); и человек тоже состоит из интеллекта, воли и способностей. (5) Как Бог триедин, так человек по его образу создан триединым, т.е. состоящим из тела, души и духа, подобно тому, как всякое телесное создание состоит из соли, ртути, серы, или телесности, водности, маслянистости. Тело ему дано из земли, т.е. темной материи; душа — из души мира; а дух — из самого дуновения Божия, чтобы он стал бессмертным и оказался совершеннейшим образом Божиим. О теле и душе говорилось — теперь нам надо сказать о духе.

Дух, или ум (в просторечии разумная душа), есть сила и способность следовать познанному добру. Он наделен Создателем троякой способностью (1) познания всего сущего — что называется *разумом*, или *умом*, а также *интеллектом*, возникающим из истины и соответствующим мере; (2) воления всего полезного — это *воля*, объектом имеющая благо вещей и соответствующая весу; (3) делания всего способствующего обоим вышесказанным — это *движущая способность*, объектом имеющая единство вещей и соответствующая числу. Итак, а) интеллект, понимая предстоящие вещи, устанавливает их истину; воля, охватывая их, удостоверяет их благо; способность берется за них; б) интеллект собирает вещи; воля, принимая или отвергая, соразмеряет их; способность, принося плоды, прибавляет им весомости или отнимает у них ее; в) интеллект есть понимание всего, кроме несуществующего (несущего); воля есть желание всего, кроме неблага; способность есть делание всего, кроме неосуществимого (невозможного).

Разум, или интеллект, имеет опять три части: (1) воображение, через внешние чувства воспринимающее все, что ему предстает; (2) суждение, разбирающее все представленное ему воображением и судящее обо всем воспринятом, истинно оно или ложно, хорошо или плохо; (3) память, хранящую для будущего употребления плоды восприятий и суждения. Воображение ищет единство вещей, суждение — истину вещей, память — благо, т.е. порядок, пользу, приятность вещей; воображение доставляет помыслы, суждение их распределяет, память закрепляет; воображение предузнает, или схватывает, или собирает, суждение распознает, или измеряет (разумным основанием), память признает, или закрепляет.

В волю входят (1) желания, указывающие человеку, на что должна быть направлена человеческая воля; (2) порывы, подстегивающие его волить должное; (3) совесть, одобряющая или осуждающая движения воли.

Интеллект подобен горящему светильнику, которому *воображение*, наподобие масла, доставляет материю для горения; а разум подобен пламени, которое на тысячу ладов озаряет выхваченные им предметы и словно в тонком трепетании рассеивает вокруг себя светоносные лучи. *Память* подобна близлежащим предметам, которые вбирают этот свет и его отражением освещают все вокруг.

Действия совершаются (1) самодвижущейся и движущей силой, т.е. жизненным духом; (2) орудиями конкретных движений, т.е. членами тела; (3) умением и ловкостью так или иначе управлять движениями для совершения дела, что дается частым повторением действия. Отсюда у детей любовь к движению и действию, и за ней — упорство, изобретательность, самолюбие (способность включает движение, осмысленность, порыв) <...>

Примечание 4. Задатки, или отблески, всего этого есть и у животных; кое-чем они нас даже превосходят — тонкостью чутья, яростью страстей, крепостью сил и т.д. Но есть различие, поскольку (1) животным определено что-то одно или, во всяком случае, немногое, а человеку — все вообще; (2) они не сознают себя знающими, волящими, действующими, но все совершают природным движением; (3) они неспособны из своих знаний, волений, возможностей вывести что-то новое, человек — может до бесконечности.

Вопрос. Отличаются ли эти способности реально[6] от души? *Ответ.* Не отличаются. Они поэтому и между собой тоже не различаются иначе, как в нашем способе представления. Одна и та же душа глазами видит, ушами слышит, умом понимает, волей желает, получая разные названия по причиняемым ею действиям: когда одушевляет тело, она *душа*, когда познает — *ум*, когда желает — *воля*, когда размышляет — *память*, когда судит о правильном — *рассудок*, когда дышит — *жизненный дух*, когда что-то ощущает — *чувство* и т.д.

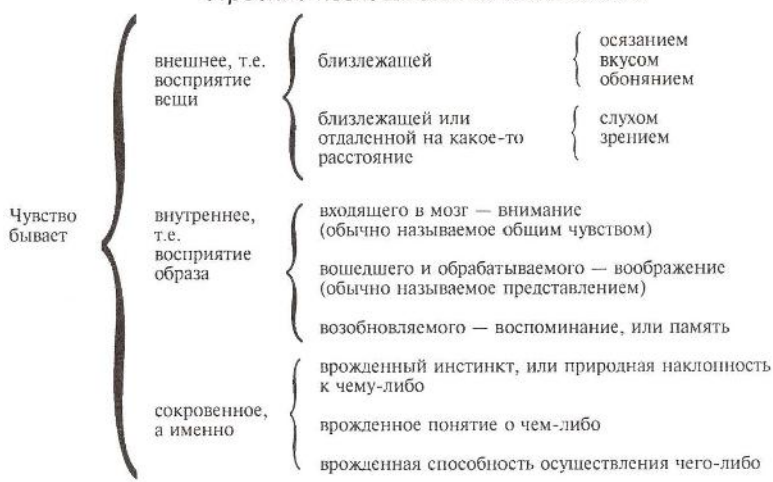
Строение человеческого интеллекта[7] — как бы высочайшей отовсюду открытой дозорной башни

Строение человеческого всезнания именуется умом (разумом), данным от Бога орудием познания всего. Его образуют *врожденный ум, суждение и память*, или восприятие, разбор и закрепление. Эти три способности коренятся в различии внутренних чувств: общего чувства[8], воображения и памяти, в своей основе представляющих собой собирание, распределение и связывание. *Ум* (ingenium) подобен обращенному к вещам и все схватывающему живому зеркалу, *суждение* — все исчисляющему числу, все измеряющей мере, все взвешивающим весам, *память* — хранилищу. Ум изыскивает, суждение разбирает найденное, память складывает разобранное. Дальше, добродетель первого — гибкость, второго — твердость, устойчивость и непоколебимость, третьей — вместительность.

Определения. Ум есть молниеносная способность мысли наблюдать вещи и их различия. Суждение есть умение мысли схватывать и тщательно продумывать (т.е. исчислять, измерять, взвешивать) все в мире. Память есть вместительная способность сохранять все схваченное и продуманное для будущего употребления.

Все это предваряется и вводится *чувством* (воображением), направляется *рассудком*, завершается *пониманием*. Чувство само по себе простирается на настоящее, рассудок — на будущее, понимание — на прошедшее. В самом деле, как глаз видит не вещи вовне себя, а отвлеченные от вещей силой света и донесенные до него лучами отображения вещей, так ум (интеллект) рассматривает донесенное чувствами до воображения и, разглядывая это в нем, своем театре, выносит свои суждения. Отсюда следует, что (1) воображение служит интеллекту не орудием, а объектом (объекты внешних чувств — вовне их; объекты внутренних чувств, т.е. внимания, воображения, памяти, — во внешних чувствах; объекты интеллекта — во внутренних чувствах: триада[9]); (2) для правильного устроения интеллекта необходимо правильное устроение (а) внешнего ощущения, (б) внутреннего ощущения, (в) сокровенного суждения о последнем. (От всякого зияния, разрыва или недолжного сочетания в том, другом или третьем может возникнуть или незнание, или ущербное познание, или ошибка.) Отсюда явствует обязанность логики следить за внешними, за внутренними чувствами (особенно воображением) и, наконец, за самим умом, высшим созерцателем вещей.

Строение познавательной способности

(Внешними чувствами мы воспринимаем находящееся вне нас, внутренними — проникающее в нас через внешние чувства, сокровенными — коренящееся в нас самих, т.е. самый состав нашей природы, а именно (1) привходящий от Бога и придающий нам те или иные наклонности *вес*[10], (2) отличающую истину от лжи разумную *меру* и, наконец, (3) *числа-силы*, безмолвно приоткрывающие нам наши возможности и невозможности.)

Врожденный ум. Достаточно подробное описание врожденного ума — в «Новейшем методе языков», гл. 10. Смотри и раздел «Мир искусства» о науках и искусствах, созданных человеческим умом. Врожденный ум различается соответственно различию человеческих темпераментов. В образовании человека участвуют три зодчих, а именно троякий жизненный дух: природный, растительный и ощущающий, из которых каждый образует свои органы (хотя все три всегда сопутствуют друг другу, откуда постоянная рядоположность вен, артерий и нервов). Из взаимодействия всех трех образуется человеческий характер, или, как еще говорят, нрав, смотря по преобладанию того или другого начала. В отношении характера запомни, что (1) обычно насчитывают четыре главных темперамента, но в частностях существует удивительное разнообразие; (2) отсюда происходит большое различие наклонностей, складов ума, нравов; (3) однако наклонность не есть необходимость, поскольку люди наделены свободой выбора. Все это выведено из гипотезы о четырех элементах, но, исходя из принятых нами начал темпераментов, должно быть, скорее, шесть, а именно от смешения каждой материи, т.е. земли, воды и воздуха (или их преобладания), с духом и с огнем. Так,

в ком преобладает материя	земная при обилии	духа / огня			меланхолический / холерический
	водная при обилии	духа / огня		у тех оказывается склад ума	флегматический / сангвинический
	воздушная при обилии	духа / огня			легкомысленный / неистовый

О других различиях в складе ума см. «Мир наук и искусств» и др.

Суждение. Господин мира и местоблюститель творца среди творений, человек не мог не быть наделен способностью суждения. Итак, она ему дана с полным оснащением — см.: Нейфельд. «Против Валерия Максима», гл. II.

Афоризмы об интеллекте. 1. Интеллект сам по себе ничего не понимает, и лишь будучи приложен к вещам, он озаряется вещами и озаряет вещи. В самом деле, он мера вещей, а мера измеряет не сама себя. *Уподобление.* Светоносный луч невидим сам по себе без предмета, равно как предмет тоже не виден без света, и лишь при падении луча на предмет и его обратном отражении делается светло. К примеру, запрись при восходе солнца в отовсюду закрытую келью, и ты ничего не увидишь; сделай узенькую щель с солнечной стороны, и увидишь проникающий в келью луч, — но сделай отверстие в противоположной стене так, чтобы луч снова ускользал в

него, и опять всю келью заполнит темнота; наоборот, заткни то противоположное отверстие, чтобы луч отбрасывал назад разреженный свет, и снова увидишь всю келью освещенной. *Вопрос.* Обладает ли наш ум нормами вещей, т.е. аксиоматическим знанием, сам по себе или он их получает от вещей с помощью чувств? *Ответ.* В нашем уме от природы заложены контуры всей вселенной и всей гармонии мира, но они актуализируются только под действием чувств. Ведь даже и способность ощущения от природы, но само ощущение — от воспринимаемых вещей. Так что наш ум принимает измеряемые им вещи извне, а сами меры — дар природы, но поскольку для того, чтобы быть измеряющими, они должны измерять, выходит, что они и именуются, и считаются, и актуально являются мерами лишь постольку, поскольку происходит измерение, т.е. соразмерение, вещей. А что меры на деле свернутым образом запечатлены внутри ума, явствует из природы всех семян: потенциальным и свернутым образом они содержат в себе все творение, и где в семени ничего нет, там ничего не может и получиться, как видим у животных, у которых никакое упражнение внешних чувств не может довести внутреннее чувство до такого совершенства, чтобы его можно было назвать умом, суждением или рассудком. Поэтому не очень удачно Аристотелево сравнение ума с чистой грифельной доской, хотя не лучше и его сравнение с закрытой книгой у одного из новых писателей (Герберта). Тот заставляет понимать ум как чисто пассивную потенцию, этот — как уже законченный акт; но ум ни то ни другое, а нечто среднее между этими крайностями: он активная потенция, актуализируемая своей собственной силой, но под воздействием внешних объектов. Ни аксиоматическое знание не зависит просто от опыта, ни опыт — от аксиоматического знания, но оба в равной мере зависят друг от друга, как бывает в соотносительных вещах. Интеллект есть внутреннее зеркало, принимающее, располагающее и размножающее образы вещей. Поскольку интеллект воспринимает через чувства эти образы, они именуются *видами, идеями, представлениями, подобиями*; поскольку он на основании одинаковых или сходных восприятий выстраивает из них некую соотносительную аналогию вещей, они — *аксиоматическое знание*; а поскольку он выводит из общих понятий посредством дедуктивной дискуссии частные, они — *заключения*. Таким образом, действия нашего интеллекта будут трех родов: (1) внимать ощущениям и извлекать из них идеи вещей просто как они нам предстают (что называется воображением); (2) отвлекать от частных ощущений обобщенные понятия вещей: «здесь», «это», «так», «бытие, «становление» (что и называется рассудком); (3) улавливать и (опираясь на тот первопринцип, что подобное ведет себя подобным образом) выводить, на этот раз уже из общих понятий, далекие от непосредственных чувственных данных заключения (умозаключение, или дискурсия). Так что, когда ум человека наполнится запечатлениями понятий о вещах, эти понятия разделяются таким образом, что одни становятся представлениями, другие — аксиомати-

ческим знанием (многие называют последнее врожденными началами познания, но в действительности оно возникает под влиянием повторных ощущений и множества аналогичных представлений) и третьи — дедуктивными заключениями.

Строение воли, или свободы выбора, — как бы учрежденного в человеке божественного суда

Воля есть срединная и центральная способность разумной души свободно выбирать или отвергать познанные предметы[11]. Она состоит (1) из желаний, или порывов, бесконечно стремящихся ко всякому благу и к средствам его достижения; (2) из свободы независимо ни от чего выбирать одно или другое; (3) из совести, одобряющей или осуждающей желание или нежелание до, во время и после его исполнения. В акте выбора сочетаются (а) неопределенность подлежащего решению вопроса, (б) взвешивание и (в) принятие определенного решения <...>

Строение деятельной способности

Следует третье запечатление бесконечности в человеке — бесконечная способность к действию, исполнению и осуществлению, или аппарат человеческого всемогущества.

1. Исполнительную способность составляют *предшествующие ей* аффекты, или движения души, посылающие ум к предметам; *сопутствующие ей* порыв, стремление, применение орудий (рука есть орудие орудий, но в сочетании с другими членами тела); *следующее за ней* обладание, удовлетворяющееся достигнутым.

2. *Цель* человеческих действий — блаженство, или высшее благо. Признак этого — (1) всеобщий внутренний инстинкт, заставляющий человека хотеть себе добра и отвергать все неблагоприятное, причем, чем лучше и прекраснее ему кажется вещь, тем сильнее его влечение, и так без конца; а смерть и гибель для него ужасны. (2) Он наделен *чувством* и *разумом*, так что умеет выбирать между злом и добром, распознавая большее и меньшее добро; *волей*, так что добивается выбранного и всем существом привязывается к нему; *способностью удовлетворяться* по достижении блага.

3. Толкающих нас к действию начал три: (1) сам по себе ум со своим внутренним инстинктом и накопленными знаниями, т.е. соображениями; (2) гуморы тела, подающие уму повод ко все новым и новым соображениям и стремлениям; (3) внешние предметы, разнообразно предстающие нам и предоставляющие уму случай обдумывать и волить те или иные вещи <...>

4. Орудие деятельной способности — прежде всего рука, посредством которой человек искусно производит все, что может и должен делать (не случайно руку называют орудием орудий). Для возможности этого он наделен парой рук: одной держать, другой действовать. Для хватания, протягивания и подавания вещей каждая рука создана *длинной*, для движения во все стороны —

гибкой (снабженной многими сочленениями), для разнообразия действий — *разделенной на пальцы* и т.д.

5. Не меньше, чем в других вещах, в строении и расположении человеческих рук ясно проглядывает дивная Божья премудрость. Это — орудие орудий, удобнейший инструмент для ловкого исполнения почти бесчисленных вещей: на пальцах ведем десятичный счет; перстом, ладонью, пядью, локтем, саженью мерим; рукой взвешиваем; ладонью разглаживаем, как утюгом; кулаком ударяем, как молотом; сжатыми пальцами ухватываем, как клещами; ногтями соскребаем. Но руки приспособлены и для решения множества философских, возвышенных, развлекательных и полезных задач. По линиям руки можно с большой вероятностью узнать (1) состояние сердца, головы, печени человека и даже в плохом он или добром здравии и, больше того, (2) склад его темперамента, а отсюда предрасположенность к нравственности и порокам[12]. (3) Главное, в ней можно явственно видеть компендий математических дисциплин. (4) В самом деле, при определенном небольшом изгибе пальцев она образует нечто вроде Пифагорова стола[13]. (5) При солнечном свете она уподобляется солнечным часам и позволяет разузнать час дня и даже (6) в ночное время по расположению Полярной звезды и Большой Медведицы может указать правильное время ночи. (7) Все, что в целом календаре говорится о месяцах, новолуниях, полнолуниях, золотых числах, Иоанн Клавий с большим мастерством учит узнавать по суставам кисти <...>

ГЛАВА II

О строителе нравственного мира, человеческом благоразумии

Благоразумие есть искусство с помощью надежных средств и должных способов их применения заботиться о душевном спокойствии, своем и других людей <...>

Общие законы нравственного благоразумия:

1. Не предпринимай никакого дела без предварительного обдумывания. (<...> Как говорит народная мудрость, в трудном деле посоветуйся, в опасном помедли, в срочном полагайся на свою расторопность, в сомнительном — на опыт.)

2. Обдумывая любое решение, имей в виду полезную цель. (Целью пусть всегда будет что-либо поистине *прекрасное* и *полезное*, а при возможности также и *приятное* — такое, о достижении чего тебе не придется потом жалеть.)

3. Нельзя ставить себе цель, не имея пригодных средств ее достижения. (Надо позаботиться, чтобы эти средства были по возможности 1) надежными и безотказными: не бросают невод там, где нет рыбы; никогда не истощаются запасы у муравья, и т.д.; 2) легкоприменимыми: трудное считается невозможным; 3) и лучше немногочисленными, чем многочисленными: чтобы не вышло путаницы.)

4. При всяком средстве должен быть простой способ применения. Здесь уместны краткие аксиоматические правила, учащие

обязательное делать обязательно, случайное — при случае, первостепенное — в первую очередь, второстепенное — во вторую очередь, малосущественное — помаленьку, незначительное — не придавая значения. Высшего блага надо в высшей степени желать, высшего зла — в высшей степени избегать. Предпочтительное (т.е. более надежное, более важное, более полезное) надо предпочитать; скажем, недостоверное благо предпочтительней достоверного зла: коварному миру благоразумный человек предпочтет бой с неопределенным исходом, верной гибели — недостоверное спасение, неизбежному покорению — необязательное рабство.

5. Благоразумию присуще наблюдать случайные обстоятельства и пользоваться ими (всему есть свое время, Еккл. 3, 1; у случая длинная борода и т.д.). А благоразумное использование случайных обстоятельств заключается в том, чтобы (1) всегда за ними следить («куй железо, пока горячо»; корабль идет, пока можно и пока дует ветер); (2) бережно их применять, не захватывая их силой, чтобы они словно сами шли в руки, и не откладывая ничего, чтобы не упустить возможность (а ее часто упускает слишком опасливый человек, чересчур раздумчивый в выжидании подходящего момента: Еккл. 11, 4); (3) высшее благоразумие и чуть ли не божественная мудрость в том, чтобы создавать самому себе случай; (4) благоразумию присуще пользоваться всем возникающим и существующим для приращения добродетели (как члены нашего тела служат орудием живущего в нем духа, так все телесное должно по праву служить орудием добродетели, будь то богатства, почет, достоинство, красота; иначе они уподобятся отмершим членам).

6. Первая ступень благоразумия — предвидение последствий вещей, вторая — умение предотвратить зло и позаботиться о добре, третья — способность прислушаться к дающему подобные советы.

7. Благоразумию присуще учиться мудрости на примере других. Счастлив, кому чужие беды служат предостережением; мудрый умеет умнеть от чужого безумия; счастлив, кого на чужих страданиях можно научить избежанию собственных. Тибулл:

> Много примеров вокруг; учись, чему следовать должен,
> Что избегать. Нам жизнь чужая наставницей служит.

8. Благоразумию присуще до полного знакомства с делом сдерживать свое суждение о вещах, тем более — свои слова и поступки.

9. Высокое благоразумие есть и в том, чтобы по мере возможности не утрачивать благоволения людей. Например, когда есть нечто такое, в чем мы не можем ни разноречить большинству без утраты их расположения, ни соглашаться с ним без того, чтобы пойти против совести.

10. Благоразумию свойственно приспосабливать [достоинства и] добродетели к состоянию человека, места, времени и к обстоятельствам: без соблюдения этого добродетель утратит или свое существо, или значение, или, по крайней мере, уместность и красоту. И нельзя просто требовать от всех одной и той же кро-

тости, умеренности, щедрости, обходительности, доблести, но — применительно к положению лица и другим условиям. В печальные времена необходима большая умеренность, чем в радостные; от монаха ждут большего воздержания, чем от политика; богачу больше пристало быть щедрым, чем нищему; и т.д.

11. Благоразумию присуще смягчать противное противным. Если донимает холод, умерь его теплом; идя в гору, держи ношу спереди, под гору — сзади; если боишься зависти, устрани то, что ее разжигает, поделись своим добром, приобрети смирение; если знаешь в себе наклонность к какому-то пороку, с особым упорством упражняйся в противоположной добродетели.

12. Благоразумию присуще разбираться, *что, кому, когда, сколько* (сено — быку; попугаю — сахар).

13. Благоразумно не всегда говорить истину, но всегда — уместное. Не то что дозволяется лгать, но ведь кроме истины и неистины есть еще третье, умолчание истины. Так иногда врач благоразумно обманывает больного, полководец — свое войско, рулевой — моряков, для блага дела представляя его не так, как оно есть.

14. Благоразумно не спешить с решениями и поступками. О решениях говорят: «Семь раз отмерь, один раз отрежь»; о поступках: «Сделанное хорошо сделано быстро».

15. Благоразумно брать на себя чуточку меньше, чем можешь (при принятии обязательств, при обещаниях и т.д.).

16. Благоразумно не сравнивать других между собой, это возбуждает ненависть (как в 1 Цар. 18, 7—8), и себя с другими (Лук. 18,11).

17. Благоразумно из двух неприятностей больше отклонять большую, а из двух выгод — больше заботиться о большей.

18. Не делай ничего бесполезного. Нечего показывать что-то тому, кто все равно не увидит, — скажем, бревну или слепому; нечего говорить с тем, кто все равно не услышит, — скажем, с камнем и с глухим; нечего рассказывать тому, кто все равно не поверит, — скажем, упрямому еврею о Христе; нечего уговаривать того, кто все равно не сделает, — скажем, хромого плясать и т.д.

19. Не делай ничего на авось.

ГЛАВА III

Наука обуздания себя, этика

<...> Против скупости.

Неумеренная страсть к обладанию порождает жадность — ненасытимое зло, потому что скупой никогда не насыщается своим богатством (опасаясь нехватки необходимого и стараясь всеми правдами и неправдами разбогатеть), хотя бы имел полные карманы денег, полные сундуки платья, полные ларцы драгоценностей; он все равно страшится нужды и в достатке терпит крайнюю скудость. В конце концов бесславно нажитое бесславно промотают наследники.

Для избежания и изгнания этой болезни души очень полезно укрепить ум следующими противоядиями.

1. Иметь много домов, богатую утварь и украшения всякого рода, приобретенные не для пользы владельца, а для взоров зрителей, — суета сует, потому что все надо мерить приносимой пользой. Что толку в сапоге, который не наденешь? К чему щит, плащ, меч, которые нам не по плечу? Но то же относится и к карману, переполненному золотом и серебром. Давид благоразумно отказался взять предложенную ему Саулом одежду. Философ вернул посланное ему царем золото. Так и мы должны поступать по отношению к Богу, и когда он предлагает нам больше необходимого, будем молиться вместе с мудрым Агуром (Притч. 30, 8): «Нищеты и богатства не давай мне». Прекрасно говорит Сенека в 25-м письме: «Природа нуждается в хлебе и воде. Ими никто не беден, всякий, кто ограничит ими свои желания, может поспорить в счастье с самим Юпитером».

2. Иметь больше, чем требует твое положение, полей, виноградников, скота и всевозможных доходов — утомительный и суетный труд. Природа просит только необходимого и довольствуется немногим, так что уподобляется безумцу человек, объятый горячкой приобретения имущества, которое истерзает и утомит его.

3. Как в пути, так и в жизни: кто легок на подъем и меньше загружен ношей, тому дорога и легче и приятней. А что такое изобилие? Короткий путь, длинный обоз.

4. Пища, одежда, жилище, утварь, деньги — только полезные для жизни; огромное богатство не помогает, а подавляет, как чрезмерный груз лодку.

ГЛАВА IV

Искусство владения собой в отношениях с другим человеком, или *искусство общения*: симбиотика

<...> О благоразумном применении языка в общении.

1. Речью надо пользоваться ради ближнего, не ради самого себя. (Глупец разговаривает сам с собой — а для чего? Он ведь и так, без слов, понимает свои размышления. Что напрасно, то и бесполезно.)

2. Говорить надо по делу; где нет необходимости, нужно молчать. Все иное будет злоупотреблением.

3. Говоря, говори *дело*, а не *слова*. Слова — оболочки вещей; опустошенные от вещей, к чему они? А вещи будут тогда, когда будет их ясное выражение. Поэтому говори не для того, чтобы понравиться, а для того, чтобы научить; показывай не видимость вещи, а саму вещь: простая речь истины.

4. Где нужны не слова, а дела, действуй и скупись на слова. Больной ищет не говорливого, а умелого врача (Сенека, письмо 75). О, сколько есть людей, громоздящих слова вместо дел! И многие речи смертных — бессмысленный звук, бесплодное сотрясание воздуха.

5. Речь да будет согласной с мыслью как говорящего, так и слушающего: говорящего — чтобы он выражал не иное и не иными словами, чем чувствует в душе; слушающего — чтобы ему было понятно. Иначе ты будешь говорить зря <...>

6. Речь должна быть согласной и с обстоятельствами: кто говорит, *что, почему, когда, где.* Например, (1) кто должен многое сделать, пусть мало говорит; (2) когда время дорого, не следует растекаться речью, и т.д.

7. Говори не все, что можешь или знаешь, а что уместно. Пустая посуда гремит.

8. Лучше опустить сто нужных слов, чем сказать одно лишнее.

9. О целомудренном надо или молчать, или говорить только целомудренными словами, укрывая обнаженность предмета достоинством слов. (Бывает целомудренность в делах, словах, мыслях.)

ГЛАВА V

Наука управления другими людьми, объединенными в каком-либо сообществе, и прежде всего в доме, или семье: экономика

Обязанности родителей и детей.

Обязанность родителей — сообща следить за воспитанием, цель которого в том, чтобы подрастающие дети научались быть полезными Богу, ближним и себе: прежде всего себе, но больше людям и всего больше — Богу; себе для того, чтобы уметь быть полезными другим, а другим для того, чтобы уметь быть полезными Богу. Пусть они поэтому приучают свое потомство (1) к трудолюбию, не допуская праздности, но заставляя их с малых лет что-либо делать, сперва играючи, но с серьезной пользой; (2) к терпению и нравственному поведению, наказывая их за проступки и не допуская ропота; (3) к благочестию, чтобы они от юности научились чтить Бога; (4) к какому-либо искусству, которым позднее они могли бы прокормиться и послужить обществу; (5) к деловитости и энергии при ведении дел и исполнении поручений; (6) к простоте в пище, одежде и т.д., удерживая их таким образом от лени, уныния, дерзости; (7) к искренности, непосредственности и целомудрию, чтобы они научились избегать тьмы и все делать открыто; добродетель и истина боятся только скрытности.

Обязанность благородных детей — слушаться своих родителей с полуслова, не допускать недовольства и ропота, а тем более упрямства и своеволия, чтобы не раздражать родителей и не быть позором для них.

ГЛАВА VI

Наука руководства юношеством, схоластика

1. Школа есть сообщество младших под руководством старших для совместного упражнения в вещах, которыми в течение всей жизни должно служить Богу, ближним и собственному благополучию (такое обучение всех вместе лучше, чем возможно и обычно бывает, в одиночку). Собрание подростков с целью подобного упражнения греки называют scolh, что значит «досуг», а римляне — ludus[14], не желая вселять в юные души образ суровой строгости.

2. При устроении, тем более правильном устроении, подобного сообщества необходимо следовать, во-первых, *необходимости*, во-вторых, должной *форме* и, в-третьих, *благоразумию*.

3. Необходимость устроения школ явствует из того, что маленькие эти человечки не состоят пока еще полноправной частью ни семьи, ни общества, поскольку еще не способны помогать своим трудом семье или занимать общественные должности. Что им делать, находясь за пределами того и другого? Предоставленные самим себе, они, пожалуй, станут бездельничать, или бродяжничать, или найдут себе какие-нибудь безрассудные, пустые, вредные занятия; стало быть, их надо не предоставлять самим себе, а содержать в должном порядке, готовя для будущего. Так как у родителей не всегда есть для этого время или умение, их надо передать стражам[15], которые оберегали бы их от зла, приучали к добру и воспитывали для предстоящих им в жизни обязанностей.

4. А правильно устроенным и благоразумно управляемым это маленькое сообщество должно быть потому, что, во-первых, ребенок — это тоже человек, творение, наделенное свободной волей, только еще не умеющее ею пользоваться. Надо поэтому позаботиться, чтобы он ею не злоупотреблял; и, поскольку ранний человеческий возраст впечатлителен и неустойчив, склонен к тщеславию и пороку, он нуждается в строгой узде. Во-вторых, даже дети тянутся к общению, от колыбели радуясь дружественной близости людей; не надо поэтому терзать их одиночеством, но вместе с тем не надо позволять и общаться без разбора с добрыми и злыми. В-третьих, дети — тоже разумное творение, наделенное свободой выбора наравне с нами, взрослыми; не надо поэтому, да и невозможно, обращаться с ними, как с неразумным стадом, но следует так обуздать их уздой разума, чтобы они слушались наставников, учились и привыкали свои дела вести благоразумно, умиротворяя других, и чтобы никто из них не выродился в животное, зверя или грубияна.

5. Для такого сообщества потребны известного рода (1) *лица*, (2) *вещи* и (3) *действия*.

6. Лица — трех родов: (1) *управляемые*, т.е. сама молодежь обоего пола, (2) *управляющие*, т.е. наставники и наставницы этой молодежи, (3) *заботящиеся* о тех и других, т.е. поставленные властями кураторы школ <...>

Всеобщий совет об исправлении дел человеческих

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Пампедия,

в которой ведется совет о всеобщем воспитании умов и о подчинении всех дел жизни такому порядку, чтобы ум каждого человека, в любом возрасте имея увлекающее его занятие, мог стать садом радостей, и предлагаются образцы этого возвышенного и небезуспешно начатого предприятия.

NB ***«Пампедия» — это книга о всем воспитании. Автор опять ищет универсальное средство спасения человечества от дикости и невежества. Задачу свою он видит в том, чтобы привести в действие все высшие способности, данные человеку от Бога. Природа всех людей одинакова, значит, и возможности их в принципе одинаковые. Надо только раскрыть каждому глаза на себя и научить пользоваться разумом, чувствами, желаниями. Нельзя позволить оставаться индивиду недочеловеком.***

Прекрасная мысль: люди должны получать удовольствие от жизни, ибо жить — это уже само по себе счастье.

Жизнелюбие счастливого человека поражает своим неистощимым оптимизмом. Он верит, что все люди на Земле могут и должны быть счастливыми настолько, что даже смерть будет для них продолжением жизни.

«Пампедия» и призвана научить людей быть счастливыми.

ГЛАВА I

Что такое пампедия и почему
она желательна (1—10).
В каком смысле необходимо
стремиться к воспитанию всех людей,
во всем и всесторонне (11—15)

1. Пампедия есть универсальное воспитание всего человеческого рода. У греков *педия* означает обучение и воспитание, посредством которых люди становятся культурными, а *пам* означает всеобщность. Итак, речь идет о том, чтобы обучались все, всему, всесторонне.

6. ...Первое наше желание в том, чтобы до полноты человечности были развиты не отдельные, или немногие, или многие люди, или все и каждый, молодые и старики, богатые и бедные, знатные и незнатные, мужчины и женщины, — словом каждый, кому было суждено родиться человеком, чтобы в конце концов весь род человеческий пришел к культуре <...>

ГЛАВА III

Что такое обучение человека всему, служащему совершенствованию человеческой природы (1—12), почему это необходимо (13—30), какие есть к тому возможности (31—32) и легкие пути (33—48)

1. О необходимости воспитания всех людей сказано достаточно. Теперь надо показать, (I) что не только одну сторону человека, но всего человека должно развивать во всем, что служит совершенству человеческой природы; (II) что это возможно в силу самой природы; (III) и, наконец, что этого можно достичь легкими путями.

Но только как зародился этот замысел, на какие отдельные стремления он распадается?

2. От начала мира мыслящие люди считали почетным для себя слыть всеведущими и тем приближаться к Богу, не оставляя (насколько возможно) ничто непознанным. И это желание с самого начала вселилось в них не от болезненной любознательности, а от их природы, созданной Богом, который сам подал повод отцу нашему Адаму с первых времен, еще в состоянии невинности, стремиться к некоему упорядоченному всезнанию — не только тем, что воздвиг перед ним изобилующий дивным разнообразием амфитеатр своей премудрости, но и тем, что открыто повелел Адаму рассматривать творения, членить их на классы и отграничивать их друг от друга наименованиями. Разве не все мы, люди, потомки Адама! Не все наследники родительского права?

4. Стремление к такому всеобъемлющему знанию владело многими. Греки называли совокупность всех познаний *энциклопедией*, римляне — *кругом наук*. В разных местах встречались и энциклопедически эрудированные люди. В Греции их обезьянами были софисты[1], без подготовки разглагольствовавшие на любую тему, кто о чем хотел; но их пустую и хвастливую болтливость обличали серьезные философы, Сократ, Платон и др.

5. Сегодня тоже нет недостатка в людях, объединяющих в систему знаний все верные сведения, какие только можно раздобыть обо всем под солнцем, и предоставляющих их всем для общего пользования под названием энциклопедий, полиматий, пандект, панавгий или пансофий и под подобными всеобъемлющими названиями[2]. Нет недостатка и в сообразительных головах, которые быстро схватывают то, что другие им охотно предоставляют, с радостью и всесторонне наполняя свой разум всеми науками.

6. Но мы желаем, чтобы энциклопедической ученостью обладали не одиночки, а все и чтобы их наставляли не только в том, что можно *знать*, но и во всем том, что необходимо *делать* и излагать в *речи*; чтобы отличие людей от бессловесных тварей — их дар разума, языка и свободы разнообразной деятельности с вещами — стало максимальным. В самом деле, *разум* есть божественный свет в человеке, с помощью которого человек, созерцая,

осмысливает все, а осмысливая, судит о себе и о внеположных ему вещах, отчего непосредственно рождается любовь к добру, или воление, силой которого человек улавливает и выслеживает все желанное в вещах, устремляя свою мечту в будущее вплоть до вечности. *Речь* есть передача этого света от человека к человеку, благодаря чему человек членораздельно излагает понятое им другим людям. И наконец, *деятельность* — это способность человека при желании с удивительным искусством претворять в жизнь то, что он понимает и о чем говорит.

10. И потому, что каждому человеку, как таковому, доводится в мире общаться трояким образом (как уже известно из «Пансофии»), необходимо подумать, каким образом сделать его способным к этому троякому общению, и позаботиться о том, чтобы его осуществить. В самом деле, человек общается, во-первых, с низшими тварями, познавая их и пользуясь ими. Во-вторых, человек общается с существами одного с ним рода, чтобы жить с ними в мире и исполнять взаимные обязанности. В-третьих, человек общается с самим владыкой всех вещей Богом, желая снискать его любовь, водительство, защиту и, наконец, спасение. Так что привилегии человечества разделяются на пять частей: (I) изобиловать умом и мудростью, (II) владеть языком и искусством речи, (III) быть способным к совершению дел, (IV) иметь добрые нравы и быть хорошим гражданином (V) и, наконец, быть благочестивым и достойным, благодатью Божией, его милости на этом свете и блаженной обители с ним в вечности.

11. Но если принимать во внимание врожденные стремления человека в их совокупности, то человеческая культура складывается из 12 частей. В самом деле, каждый, кто родился человеком, по побуждению своей внутренней природы стремится (I) существовать, т.е. жить; (II) существовать уверенно, т.е. обладать достоинством; (III) существовать осмысленно, т.е. познавать окружающее; (IV) существовать просветленно, т.е. понимать познанное; (V) существовать свободно, т.е. желать и избирать то, что понято, как доброе, не желать и отвергать дурное и, если можно, всем располагать по своему решению; (VI) существовать активно, т.е. стремиться не впустую понимать и избирать то, что он понимает и избирает; (VII) обладать, или располагать, многим; (VIII) пользоваться всем, что у него есть, притом уверенно; (IX) при этом выделяться и быть в чести; (X) быть как можно более красноречивым, чтобы находчиво и выразительно передавать свои знания и веления другим; (XI) пользоваться расположением и благодарностью людей, которые бы ему не завидовали, а поздравляли его с возможностью вести более спокойную, приятную и обеспеченную жизнь; (XII) наконец, пользоваться Божией благосклонностью ради внутреннего удовлетворения и ради прочности своего счастья в Боге <...>

15. Что же касается человека, то, поскольку его сердцу присуще столько врожденных желаний, исполнение которых необходимо для полноты его совершенства <...>, мы не должны желать

ном состоянии мировых дел не каждому дано наслаждаться этим спокойствием, хотя некоторые люди стараются охранить себя привилегиями от разорительных наскоков правителей.

24. Желательно, чтобы все люди были уважаемы и никто не испытывал позора — как потому, что человек из всех созданий самое совершенное и у Бога самое почитаемое, так и потому, что он не переносит позора и за унижение готов мстить. Отсюда ссоры, войны, убийства и бесконечное число иных зол, желать предотвращения которых (без унижения достоинства ни одного человека как такового) надо в любом случае.

25. Желательно, чтобы никто не немотствовал, но все были способны излагать свои нужды Богу и людям. Ибо человек не был сотворен немым изваянием, он наделен речью, чтобы славословить Создателя и вести себя и своих ближних к его свету (хорошим поучением о необходимых вещах).

26. Во всех людях надо воспитать мирные нравы, чтобы не совращались те, у кого от природы добрый характер, и вернулись к праведности те, у кого злой. Ибо прав поэт:

> Самый суровый дикарь непременно нравом смягчится,
> Сто́ит к природе ему терпеливым прислушаться ухом[8].

27. Но всего важнее для всех людей, чтобы, прежде всего, во всем, в завершение всего души полнились любовью, ради стяжания милости Божией, без чьей воли нет ничего в человеке. Не будет любви — при всех наших прочих трудах мы останемся просто *грызунами*, забравшимися в норы своей суеты, и чем ловчее мы будем во внешних искусствах и жизненных занятиях, тем больше будем терзать себя, но из пещеры мира так и не выберемся. Наоборот, преданное усилие любви даст нам крылья, чтобы радостно взлетать за пределы машины мира и уже теперь наслаждаться с Богом вечными радостями <...>

28. До сих пор мы говорили, как важно для Бога и людей, чтобы каждый человек был во всем обучен. Теперь дополним: и для самих вещей, подчиненных человеческой власти, тоже важно, чтобы ими управляли только мудрые (причем всецело мудрые) люди. Ибо любому человеку может принадлежать любая вещь, и если он не в состоянии обращаться с каждой согласно ее природе, он не сумеет обращаться с вещами вообще. Природа вещей в таком случае насилуется, она стонет под игом и скорбит, что подвластна тщете (и рада бы послужить, да не может, раз ею пользуются неумеючи). Сравни эти мысли с тем, что было сказано в § 13 предыдущей главы.

29. Если кто-нибудь скажет: «Пусть ремесленники занимаются ремеслом и каждый знает свое дело; зачем надо всем учиться всему?» — я отвечу: «Мать вещей, природа, дает всякому будущему человеку (в материнском лоне) одни и те же члены — ноги, руки, глаза, уши, язык, — хотя не все будут бегунами, писцами, исследователями, ораторами и т.д. Все это — человеческие дей-

ствия, и, создавая цельного человека, природа раз и навсегда предусматривает все человеческие необходимости. Почему бы и нам, в меру возможного, не делать того же при втором создании человека[9] (чем и занимается наше искусство), чтобы ни один человек не носил с собой повсюду бесполезное оснащение, которым не умеет пользоваться? А ведь варвары именно так и носят свое — чувства, способности, разум, память, язык и сердце; то же — любой необразованный человек, повсюду носящий с собой какую-нибудь неразвитую способность» <...>

41. Проблема VII. Сделать людей деятельными, находчивыми, старательными.

Человек от природы полон жизни, любит движение и деятельность и нуждается только в благоразумном водительстве. Как ум постоянно занят какими-либо размышлениями, а воля — избранием чего-либо, так исполнительные способности непрестанно заняты совершением задуманного и избранного. Внешних побуждений при этом совсем не надо, каждый их носит в себе; надо только направить человека так, чтобы беспорядочные инстинкты не вывели его за пределы должного. Три вещи вернее всего помогут достичь этого. (I) Надо раньше начать упражнения в движении и деятельности для приобретения подвижности, которая не так легко утрачивается, если укреплена навыком. Значит, надо позволять детям играть, бегать и всегда что-то делать, за исключением неположенного. (II) Пусть учатся все, что делают, делать по-настоящему, т.е. с рвением и неленостно. (III) И пусть учатся все делать с какой-либо целью, серьезной или игривой, ради похвалы или победы. Основа благого устроения ума — не делать ничего впустую и упражняться в преодолении трудностей ради достижения определенной цели. Наш дух подобен пламени: чем он сильнее, тем действеннее; пусть же все привыкают действовать целенаправленно, пусть считают недостойным делом плыть по течению и заниматься бесполезными делами. Разве что иногда, при отсутствии нужных дел, лучше заняться менее нужным, чем коснеть в ничегонеделании: и то будет серьезным делом, что мы избежим безделья, сетей сатанинских.

ГЛАВА IV

Всесторонне обучать всех всему:
что это значит (1) и чему служит (2—6),
насколько это возможно (7—11) и как легко (12—18)

Я уже говорил о том, что началом воспитания человеческого рода должно быть облагораживание не только всех и во всем, но и всестороннее. Что такое это всестороннее облагораживание? Оно означает приобретение благородства не ради внешнего впечатления, но истинного, с весомой пользой для жизни настоящей и будущей: так, чтобы всякий, кто воспитан в мудрости, красноречии, науках, гражданственности и благочестии, стал не полузнайкой, а знатоком; не балагуром, а красноречивым; не

хвастливым начинателем дела, но способным его завершителем; не маской добродетели, но самой добродетелью; и наконец, не подражающим благочестию лицемером, но благочестивым и чистым почитателем Бога в духе и истине.

3. Если этот мировой театр должен измениться до основания, то необходимо, чтобы до глубочайших основ изменились все человеческие занятия, и именно таким образом, как указывает Пансофия, т.е. чтобы все, чему человека учат и чему он учится, было (I) не разрозненным и частичным, но единым и цельным; (II) не поверхностным и кажущимся, но прочным и реальным; (III) не тягостным и принудительным, но мягким и приятным, а потому прочным. Изложу (методом уже принятым[10]) необходимость, затем возможность и, наконец, легкость достижения этих трех желанных вещей, если только взяться за дело со всей разумностью.

4. Что все надо брать в совокупности, а не разрозненно и отчасти, доказывает то подтвержденное опытом соображение, что, когда вся сила человеческой природы привязана только к чему-то одному и не обращена ко всеобщему театру мира, она не может сохранить свою гармоничность, но пагубно сворачивает с прямого пути с неизбежным вредом для себя, для вещей и для других людей. В самом деле, если не допускаются до исполнения все человеческие стремления одновременно, взаимно соразмеряясь между собой, сочетаясь, восполняя друг друга, то одни люди начинают интересоваться только предметами познания, другие — предметами воления, третьи — предметами действия, а прочим пренебрегают и тяготятся; и когда они слишком погружаются во что-то частное, то, с одной стороны, начинают изобиловать излишествами, а с другой — нуждаться в необходимом[11]. Возьмем людей, которые жаждут властвовать над другими и всецело стремятся к этому; если им удастся осуществить свои желания, они легко превращаются в тиранов на свою и чужую погибель. Иные, живущие только ради удовольствия, легко превращаются в свиней стада Эпикурова. Возвышенным натурам больше по душе увлекаться сокровищами наук, но если они слишком отдаются этому, не претворяя свои знания в полезную деятельность, то истощаются. И все равно ни одни, ни другие, ни третьи не достигают предела своих желаний. Гонящиеся за властью и силой не насытятся, даже если им предоставить мир или миры, как об этом свидетельствует пример Александра. Предающиеся наслаждениям подобны жаждущим, которые чем больше выпьют воды, тем больше хотят пить (потому что уже не чувствуют, что пьют). Предавшиеся накоплению знаний тоже не приходят к полноте, даже обладая Соломоновой премудростью, ибо чем больше ученый видит в вещах, тем лучше видит, чего ему недостает. Так что, в конце концов, умножение знаний есть умножение печали; накоплять все новые богатства — значит навлекать на себя зависть, ненависть и беды. Но все-таки смертные не смиряются, потому что не могут пересилить свою натуру и отложить направленные на вещи стремления. И если искать выход, то не найти иного, кроме этой нашей

всеобщности, которая заключается в преодолении дробности и возврате всех нас к целому, простому и единому достоянию, какое было у нас в раю. Перестанем же делить между собой науки, состояния, чины, взаимно давать их друг другу и вновь вырывать их друг у друга из рук, враждуя между собой. Пусть каждый больше стремится знать, хотеть и мочь *все*, что Бог дал нам знать, хотеть и мочь, чем только какую-либо часть. Только тогда, наконец, счастье каждого из нас будет полным, не частичным, когда мы от раздробленности придем к цельности[12].

5. Опять-таки надо желать, чтобы все люди были воспитаны основательно, а не поверхностно; чтобы были подведены к истине, а не к мнениям или видимостям; ибо видимость без основания в вещах ни к чему не ведет, кроме обмана. А обман — к чему? Какой-нибудь человек видит во сне, что нашел клад и стал богачом, или повышен в чине и превзошел остальных, или ему кажется, что он на пиру вкушает изысканные яства; пробудившись, он видит, что наг, унижен, голоден, и распознает обман; что ему остается? А так будет при воскресении с теми, кто на земле не запасся истинным достоянием, как говорит пророк (Пс. 72, 20). Соломон называет погибшими людей, много мнящих о себе («Видел ли ты человека, мудрого в глазах своих? На глупого больше надежды, нежели на него». Притч. 26, 12), а поскольку свет ими полон, то стоит ли удивляться, если все в отчаянном положении и всюду полно глупцов, презирающих всех, кроме себя, и хлопочущих о своей мнимой мудрости, святости или известности? От этого зла нет лучшего средства, чем призвать и привести всех к истинному познанию, вкушению, исканию, обретению и овладению истинного и прочного блага. Только так все сможет утвердиться в мире.

6. Желательно также, чтобы образование мягко и приятно вело человека к непринужденному изяществу и к упорству в добре, вплоть до надежных достижений. Об этом напоминаю по трем причинам! Во-первых, некогда философы под предлогом своего философствования пренебрегали нравами (поэтому их прозвали киниками, т.е. собаками); сегодня тоже может случиться, что некоторые люди под предлогом благочестия будут пренебрегать прочим благолепием разумной жизни; этого нельзя допустить. Нелепо изящнейшее из творений оставить в убожестве ума, речей и дел, когда ведь и алмазы блещут, только если их отшлифовать. Второй довод в пользу приятной мягкости воспитания тот, что в столь возвышенном деле (подлинном совершенствовании человека) надо избегать грубости и принудительности, вызывающей отвращение; мягкость и увлекательная приятность (насколько это возможно) возбудят добровольную охоту и энтузиазм. Тогда наше полное образование, однажды начатое, не будет снова прервано и люди не скатятся в привычную лень, праздность и одичалость. Ведь какая польза разводить сад, если ты его тотчас снова покинешь и дашь деревьям одичать? Зачем шлифовать и чистить сталь, если ты ее сразу же отбросишь и снова оставишь ржаветь? Не удивительно,

что почти весь род человеческий принижен, убог и сам себя губит своими неумелыми стараниями: любовь к истине, добру и возможному совершенствованию от природы присуща, конечно, всем, но, поскольку нет подлинной, строгой, постоянной культуры умов, при существующем расколе из поверхностных неустойчивых усилий ничего не выходит и все вновь погружается в хаос. Посмотрите на школы![13] Они все время ведут диспуты, но все равно не могут убедить друг друга, чтобы избавить себя от суеты, а других — от сомнений. Посмотрите на религию! Иной всю жизнь ходит в школу Бога, церковь, но так и не понимает правильно даже оснований религии. Посмотрите на мирскую власть! Шесть тысяч лет[14] мы ищем лучшие формы правления, спорим, воюем вплоть до крушения нескольких держав и чуть ли не до уничтожения всего человечества. Но разве этим великим кровопролитием мы достигли чего искали? Неужели мы еще не поняли, что надо иначе решать дела, что надо, наконец, начинать и осуществлять их ради всестороннего удовлетворения стремлений?

7. Кто-нибудь скажет: напрасно желать невозможного, напрасно и пытаться; все вернется к хаосу, как бывало всегда. Отвечу: какой же смысл тогда в Божиих упреках, карах и увещаниях, которые он все-таки неизменно обращает к нам? Какой же тогда смысл в том, что в нас самих постоянно живет жажда лучшего? Неужели Бог и природа никогда не достигнут своих целей? Мы сразу увидим новую надежду. Не спорим, великим замыслам мешают огромные трудности, но пусть никто не говорит нам здесь о невозможности!

8. Признаем, что всестороннее образование (formatura) людей не лишено трудностей, вытекающих из четырех причин. Во-первых, человек — самое сложное существо, требующее само по себе стольких стараний и забот во избежание своей порчи, сколько все остальные вместе взятые. Это видно и на примере вещественных орудий. Чем сложнее и точнее предмет, тем больше он подвержен повреждению и тем труднее его тогда исправить. Возьмем часы. Настенные солнечные часы долговечны, стоит их однажды правильно поставить. Но водяные или песочные часы уже сложнее, в них есть подвижные части, поэтому они портятся легче и ремонтируются труднее. Тем более самодействующие часы; если они состоят только из двух или трех колесиков (чтобы показывать на циферблате целые часы), то требуется меньше труда и забот, но если к ним прибавить еще колесики (чтобы часы били), нужно вдвое больше труда и втрое больше, если часы должны отбивать и четверти. И еще больше, если они должны показывать движение небесных светил или наигрывать какие-нибудь мелодии. Словом, чем больше в чем-либо деталей, каждая из которых требует заботы, тем легче ошибиться, управляя целым. Но сложнейшим созданием является человек, совмещающий в себе минеральное, растительное, животное и духовное начала; эти отдельные части сами состоят из многих частей, и каж-

дая изначально подвержена всевозможной порче, которая потом распространяется и на смежные части.

9. Во-вторых, характер человеческой природы таков, что именно благодаря своему первенствующему положению человек с трудом подчиняется управлению. Человек не похож на камень, или дерево, или животное (движения которого ограничиваются чем-либо одним, а если и многим, то в строго определенных пределах); он подобен бесконечной субстанции, приходит в соприкосновение с бесконечно многими вещами и видоизменяется бесконечным образом (если представляется случай), как известно из Пансофии. Так что нет ничего в мире изменчивее человека, ничего более нетерпимого к ограничению в определенных рамках.

11. На пути правильного образования человека есть еще одно могучее препятствие: примеры пагубных мнений и нравов, которые проникают также (и главным образом) в среду молодежи и уводят ее на неправедный путь. Это заметил сам Цицерон и в ярких словах выразил так (хотя, не зная истины о падении первого человека и о последовавшей порче человеческой природы, он выразился недостаточно полно, и его слова нужно истолковывать в христианском смысле): «В наших душах от рождения заложены семена добродетели; если бы они могли взрасти, сама природа привела бы нас к блаженной жизни. Но теперь, едва мы приходим на свет и нас берут на руки, мы постоянно вращаемся среди уродств и крайнего искажения мнений, так что, кажется, с молоком кормилицы всасываем заблуждения. А когда нас возвращают родителям, т.е. передоверяют наставникам, мы настолько проникаемся разнообразными заблуждениями, что истина отступает перед ложью, а сама природа — перед закоснелым мнением. И если к этому, словно некий величайший учитель, присоединится толпа и все множество тех, кто соглашается с любым пороком, то мы окончательно заразимся низменностью и отпадем от самой природы»[15]. Да, окружающее нас множество заблуждающихся и грешащих, склоняющее нас к таким же заблуждениям и грехам, — одна из причин, почему не всегда удается плодотворно внушить молодежи истину и добро.

12. Верно, что все эти обстоятельства затрудняют воспитание. Но верно и то, что, устранив причины, можно устранить или уменьшить и трудности. Рассмотрим все по порядку. Некоторые думают, что простота — лучший способ уравновесить многосложность человеческой природы, которая, в силу своего разнообразия обращаясь ко всему в мире, подвергается влиянию всего и заражается всем. Суть простоты видят в том, чтобы человек соприкасался чувствами с возможно меньшим числом предметов и сторонился множественности и разнообразия вещей. Если согласиться с этим мнением, мы будем вынуждены удерживать детей от познания мира. Чушь! Средство это и незаконно, и бесполезно. Оно *незаконно*, ибо лишает человеческий ум (которому все подвластно) его величин и его радостей; больше того, оно скрыто винит само-

го Бога, творца вещественного разнообразия и создателя человеческого ума. Оно *бесполезно*, потому что и немногочисленные предметы тоже наполняют чувства и занимают воображение различными пустыми вещами, вредными для тела и души — тем более вредными, чем меньше чувство питается разнообразием предметов и чем больше вся сила человеческой природы сосредоточивается только на некоторых вещах. Это видно на примере сельского населения и варварских племен. На основе немногих занимающих их чувства вещей они приобретают самые извращенные взгляды и привычки, которых придерживаются так, что часто предпочитают смерть, чем измену им или уступку в пользу более правильного взгляда. И если уж хочешь во что бы то ни стало именно этим путем сделать человека способным к обучению, то самое надежное — запретить ему все предметы или, что то же, лишить его ощущений, т.е. сделать слепым, глухим и бесчувственным (что, как известно, некоторые безумные фанатики над собой и проделали); это означало бы сделать из человека нечеловека. Но мы ищем путь совершенствования, а не разрушения людей. Гораздо более здравым будет сохранить порядок, заведенный всемудрым Богом, т.е. для убережения сложнейшего творения от зла снабдить его всеми необходимыми средствами защиты. Это способна сделать только Пансофия, учащая истинному применению каждой вещи и запрещающая злоупотребление вещами.

13. Надо, кроме того, укротить разнузданность неограниченной свободы, поставив преграды разума для страстных порывов воли, чтобы она ясно видела, что не может слепо требовать выполнения своих желаний без ущерба для себя и поэтому должна сама себя укрощать. Воле будет легче переносить бразды чужого правления, если она сама привыкнет укрощать себя во всем, в чем увидит противоречие разуму[16], тем более, если бы удалось все устроить так, чтобы каждое дело человек делал не по принуждению, но как бы самопроизвольно (по собственной воле и влечению)[17].

16. Ведь в самой человеческой природе уже заложены разумность, воля и способность исполнения, пищей которым служат истина, благо и Единое, или единящее (т.е. Возможное). Природе человека свойственно настолько почитать истину, что человек поверит и в ложь, если она придет под видом истины. Все доброе человек так любит, что может пожелать и зла, если оно приходит под покровом добра. И ко всякому возможному благу его так влечет, что он попытается совершить и невозможное, если оно предстанет в окраске возможного. (В самом деле, люди верят неправде только потому, что принимают ее за правду; любят зло, лишь поскольку убеждены, что это добро; пытаются одолеть невозможное только потому, что принимают его за возможное[18].) Предложи разуму что-либо действительно истинное, он тотчас поймет; воле — что-либо действительно доброе, она тотчас ухватится; умению — что-либо действительно возможное, и оно тотчас сделает, коль скоро представится путь осуществления <...>

ГЛАВА VII

Пандидаскалия, или об универсальных воспитателях умов, пампедических наставниках, способных учить всех, всему, всесторонне; какова необходимость в них и каковы к ним требования

1. Надлежащим образом подготовив пампедические книги, надо будет позаботиться, чтобы ученики уносили из школы не ученые книги, но развитые умы, сердца, языки и руки и все дни своей жизни хранили мудрость не в книгах, а в своей душе, выражая ее в своем поведении. Это будет, если всех научат пользоваться книгами не как кушетками для ленивого времяпрепровождения и приятной дремоты, но как каретами или лодками для скорого перемещения туда, куда следует спешить, т.е. к мудрости. Мало поэтому иметь хорошие книги, их надо усердно читать, и не только читать, но и правильно понимать, прочно удерживая в памяти содержание и применяя его на деле. Чтобы это умели все в последнем веке, веке мудрости, необходимо руководство универсальных учителей (pandidascalorum).

2. Но что такое, согласно Пандидаскалии, универсальный учитель? Это пампедический наставник, умелый в обучении *всех* людей *всему*, что способствует совершенствованию человеческой природы ради доставления человеку *всецелого* совершенства. Такими учителями были поставленные Христом апостолы (Кол. 1, 28), и надо позаботиться, чтобы такими же были и те, кто после апостолов берется за дело воспитания людей.

3. Этого мы достигнем, если будут соблюдены три требуемые от пандидаскалического наставника вещи: (1) каждый сам должен быть таким, каким должен делать других, (2) каждый должен владеть искусством делать других такими (3) и быть ревнителем своего дела, — словом, должен мочь, уметь, хотеть насаждать Пансофию.

4. Воспитатели должны быть поэтому избранными людьми — благочестивыми, серьезными, усердными, трудолюбивыми и благоразумными, — такими, какими мы хотим видеть весь народ последнего века: просвещенным, мирным, совестливым и святым. Именно с этой целью наставники должны быть, говорю я, *благочестивые*, до конца преданные Богу и полагающиеся на его помощь; *достойные*, совершенно беспорочные в глазах людей; *серьезные*, все делающие с благожелательной строгостью; *усердные*, никогда не тяготящиеся своими обязанностями и не стыдящиеся их; *неустанные в труде*; наконец, *благоразумные*, ибо человеческие души — это Протей[19] и они превращаются в многообразных чудищ, если их не пленить и не связать нерасторжимыми узами порядка.

5. Чтобы делать людей такими, наставники должны знать (1) все цели своей профессии, (2) все ведущие к ним средства, (3) все разнообразие метода.

6. Поскольку цель — мерило средств, а у каждой вещи может быть несколько целей, верные основания пандидаскалического

наставничества заложит понявший эти цели и следующий в своем труде их правильному пониманию.

8. Чтобы истинно стать таким, универсальный учитель должен поставить перед своим учительством троякую цель. (1) *Универсальность*: обучать всех всему; (2) *простота*: учить надежно надежными средствами; (3) *добровольность*: учить всему легко и приятно, как бы играючи, чтобы все дело воспитания людей действительно можно было называть школой-игрой, — т.е., выражаясь, как говорится, короче и в трех словах, учить *всех, всему, всесторонне*.

9. Что значит это всестороннее обучение всех и всему, почему оно необходимо, возможно и легко, было достаточно подробно и основательно сказано в предшествующих четырех главах Пампедии. Поэтому, отказавшись от скучного повтора, кратко объясним, что означают эти термины, а потом на примере нескольких проблем покажем, как может и должен универсальный учитель учить всему, во всех школах и по всем книгам, всеми способами.

10. Учить *всех* — значит вселять в людей всех возрастов и любых талантов более полное познание вещей. Учить *всему*, т.е. всему, что совершенствует человеческую природу: знанию всего истинного, выбору всего хорошего, совершению всего необходимого в жизни и при уходе из нее. Учить *всесторонне* — значит в совершенстве, а именно (1) уверенно и прочно; (2) при всем том приятно и увлекательно; (3) быстро, т.е. везде и всегда с благоразумием. Пояснив это, покажем на нескольких проблемах средства и способы, при помощи которых каждый универсальный учитель может достичь этой триединой цели <...>

16. Проблема VI. Учить всесторонне.

Это достижимо: (1) через постоянный параллелизм трех субстанций, т.е. через упражнение ума, языка и руки[20] <...> (2) Через сочетание, всегда и во всем, примера, наставления и упражнения, ибо без примеров нет легкости обучения, без наставлений — основательности, без практики — прочности. Поскольку же уши верят чужим словам, глаза — самим себе, тогда как рука, язык и ум схватывают вещи непосредственно, мы должны следить за тем, чтобы слух проверялся зрением, а зрение — руками. И эта последовательность должна соблюдаться все время, ибо (а) надо идти прямым путем к вещам, а чувство ведомо к ним примерами; (б) вещи должны всегда доходить до понимания, а до него их доводят точные наставления; (в) понимание вещи всегда должно вести к ее применению, к чему ведут повторный опыт и старательные упражнения. (3) Через усвоение полноты метода, т.е. через сочетание анализа, синтеза и синкризиса[21]. Если кто захочет ясно понять искусное устройство какой-либо вещи, например часов, он сможет сделать это, только взяв их в руки, внимательно (а) разобрав и снова (б) сложив и так запомнив, из скольких и каких деталей и частей они состоят и чему служат отдельные части. Но до конца все он познает, только сравнив несколько разных часов и (в) пронаблюдав, что и сколькими способами в них мож-

но изменить без изменения их существа. Так и для постижения системы вещей необходимы анализ, синтез и синкризис.

Анализ — это расчленение целого на его части, первое и глубочайшее основание всякого истинного познания: что не разделено и не различено, остается спутанным и затемняет смысл, ум и само себя. В различении есть свет троякого рода: (1) распознание, или различение, одного целого от других цельностей; (2) разложение целого на части; (3) распределение целого по его видам! Анализ нужен не любой, а точный, иначе наблюдение вещи останется ущербным, а познание неясным, ненадежным, ложным. Сравни анатома и мясника. Оба рассекают животных, но какова разница! Анатом разделяет его по членам, по жилам и суставам, не допуская разрыва связных частей и переплетения несвязных; мясник разрубает члены как попало, рассекая жилы и деля на части по произволу. Отсюда — различие результатов в познании самой вещи: анатом после одного или двух вскрытий знает все строение тел, мясник никогда не постигнет мастерства природы, разрубив даже тысячу туш. Такая же разница между теми, кто анализирует вещи, руководствуясь самими вещами, и теми, кто делает это произвольно. Ибо первые несут свет разуму, внимательно рассматривая вещи мысленным оком; другие разрушают их, внося насилие, темноту и фальшь. Известное изречение «Кто хорошо различает, хорошо учит» настолько правдиво, что мудрейший из философов Сократ (по свидетельству Платона) говаривал: «Если бы я нашел путеводителя, который умеет расчленять вещи, я шел бы за ним, как за Богом» — так высоко он ставил умение расчленять вещи по их собственным «жилам». Итак, анализом вещей мы должны заниматься тщательно и как бы благочестиво <...>

18. Проблема VIII. От тьмы крайнего невежества надежным путем привести человека к свету яснейшего познания.

(1) Зажги для него все факелы, т.е. преподнеси ему вещи, пробуди врожденные понятия и заставь его услышать, что Бог говорит обо всем этом. (2) Открой ему глаза на все, т.е. обрати чувства к вещам, разум — к понятиям, веру — к Божиим свидетельствам. (3) Веди его постепенно, чтобы общее познание предшествовало более дробному, цельное — частному, слитное — раздельному, пока он не придет к самому дробному, самому частному, самому раздельному. Ибо невозможно иначе внедрить внутренний свет в умы, как показано на примере исцеления слепого (Марк. 8, 24—25), который сначала видел проходящих людей, как деревья, и только потом стал различать их. Итак, если возьмешь все *чувственно постигаемое*, весь мир, и все *умопостигаемое*, весь круг идей, и все *предметы* веры, всю совокупность откровения, и будешь идти (показывая ему) от первого к последнему, от высшего к низшему, от наибольшего к наименьшему, то придет ярчайший свет премудрости. Учение может начинаться с чего угодно, это не важно, лишь бы оно начиналось с наиболее известного, чтобы можно было идти от ближайших вещей, познавая их,

вплоть до самых отдаленных и от самых малых через более крупные к величайшим. Например, азбуке и чтению новичок может научиться, начинает ли он от *а* или от *я,* или от какой угодно буквы, лишь бы он научился сначала узнавать все буквы, потом складывать их в слоги, потом в слова, слова в предложения и т.д. И во всем остальном пусть тоже будет так. Как во всем мире не существует столь маленького источника и вытекающего из него ручейка, чтобы он не смог довести тебя, если ты захочешь за ним следовать, до стечения более крупных потоков, а в конце концов и до моря, так ни одно начало познания не бывает настолько незначительным, чтобы не смогло, слившись с другими, расширить реку познания и в конце концов довести тебя до глубин человеческого всеведения, если у тебя будет желание следовать за ним.

21. Проблема XI. Достичь, чтобы каждый воспитуемый получал основательное образование и не мог разучиться и вернуться к невежеству.

Разумеется, ни один умелец не в состоянии устроить так, чтобы в его работе не было неудач; как же возможно безошибочное воспитание такого разностороннего, сложного, непостоянного создания, как человек? Надо помнить, что об этом говорит Господь (Иер. 18, 1). Но все-таки надо стремиться к тому, что если кто-то, воспитываясь под нашим руководством, испортится или развратится, то не по нашей, а только по своей вине. И здесь тоже, как во всяком другом деле, умение и забота способны лишь удерживать человека от всего совращающего и соблюдать его в условиях, которые способны его сохранить. Человеческая природа всегда в движении, словно мельничный жернов; удаляй от ума ложное, от воли злое, от действий суетное и смотри за тем, чтобы человеку всегда преподносилось действительно истинное, действительно благое и действительно полезное: так можно будет предупредить порчу, если Бог откликнется на моления о даровании благодати.

22. Проблема XII. Достичь, чтобы изучаемое изучалось в совершенстве.

(1) Никакого однажды начатого учения не бросай, пока оно не доведено до конца. (2) Пусть всякое обучение совершается через теорию, практику, т.е. применение, наставления, примеры, употребление. Наставления пусть будут немногочисленными, но ясными, примеры многочисленными и отвечающими предмету, практика многократной, вплоть до приобретения привычки.

23. Проблема XIII. Достичь, чтобы человек не забыл того, чему однажды научился.

Бог одарил человека столь способной к обучению природой, что ему всегда труднее забыть выученное, чем выучить. Недаром Сократ мечтал об искусстве забвения, а не запоминания, потому что он легко запоминал увиденное и услышанное, но не вспоминать о всем неблаговидном, что видел, не мог, как ни старался. Тем не менее, память не отвергает и искусства легкого запоминания, прочного удержания в памяти и скорого воспроизведения

запомненного или, по крайней мере, легкого припоминания того, что выпало из памяти.

24. Проблема XIV. Всему обучать основательно.

(1) Ничего без чувственного восприятия, чтобы удостовериться в существовании вещи. (2) Ничего без разумения, чтобы было ясно, почему вещь такова и не может быть иной. (3) Ничего без свидетельства слова Божия (в важных вещах), чтобы удостовериться, что наши чувства и разум не обманывают нас. При всем этом, однако, надо заботиться о следующем. (1) Не следует доводить до чувственного восприятия то, в чем есть что-то опасное или неблагородное. (2) Не следует приводить доводы разума везде, а только там, где необходимо. А необходимо это только в вещах сомнительных <...> (3) То же самое и со свидетельствами: их надо привлекать, но лишь где требует дело, иначе они будут помехой и задержкой.

25. Проблема XV. Всему учить легко.

Это получится, если будешь следовать нижесказанным советам. В отношении времени: (1) начинай заблаговременно, (2) учи непрерывно, (3) поощряй продолжительность практики ее увлекательностью. В отношении пособий: (1) все должно быть заранее подготовлено, (2) все должно быть под рукой, (3) все должно быть максимально простым и естественным. В отношении предметов: (1) все сначала дай воспринять чувствами, (2) потом испробовать на практике, (3) только потом расскажи обо всем. В отношении постепенности: (1) сначала походя и в общих чертах — целое, (2) потом обстоятельнее и подробнее — части, (3) и, наконец, все — максимально подробным и точным образом.

26. Проблема XVI. Достичь, чтобы люди учились всему с удовольствием.

Дай человеку понять, (1) что он по своей природе *хочет* того, стремление к чему ты ему внушаешь, — и ему сразу будет радостно хотеть этого; (2) что он от природы *может* иметь то, чего желает, — и он сразу обрадуется этой своей способности; (3) что он *знает* то, что считает себя не знающим, — и он сразу обрадуется своему знанию. В самом деле, природа человека устроена так, что чувство, разум, воля и все способности постоянно ищут себе пищи. Если откажешь в ней, они печалятся, вянут, блекнут, гибнут. Если заботливо подашь ее, они возрадуются, процветут, взбодрятся и будут способны ко всему. Наконец, если ты чересчур загрузишь их, они одеревенеют, придут в упадок, нарушатся. Следовательно, требуется только благоразумие, чтобы умело предоставить зрению свет — и все, что желаешь, перед ним озарится; разуму истину вещей, воле благо, силам и способностям материю и инструменты, — и увидишь, как зрение и другие внешние и внутренние чувства все схватят, воля увлечется и все части организма найдут себе применение.

NB *Сила книг Коменского не только в их идейном богатстве, но и в изображении путей и способов достижения целей. Педагог-ученый и педагог-практик все время дополняют и углубляют друг друга, обра-*

зуя целостную личность. Поражает глубина методических подходов, сохранивших актуальность и по сей день.

Дети должны учиться с удовольствием. Вечная проблема дидактики. Как этого достичь? Ребенок духовно созревает лишь в том случае, если он переживает личную позицию, когда ему кажется, что учитель рассказывает лично для него, когда чувства учителя соприкасаются с его чувствами. В младшем школьном возрасте этому помогает игра: именно она может сделать процесс познания увлекательным и интересным. Вот почему автор считает, что «всякая школа может стать универсальной игрой».

Для подростков важны общение и деятельность — это магистральный путь методических поисков.

В истории отечественной школы есть педагог, который построил на учете этих особенностей целую учебно-воспитательную систему. Это Виктор Николаевич Сорока-Росинский, руководитель знаменитой Республики ШКИД. Его главный педагогический принцип «Всякое знание превращать в деяние» сумел увлечь учением беспризорников. Отсюда идут корни сегодняшнего нашего дидактического театра, приема театрализации знаний, ролевые игры на уроке и т.д.

Старшеклассник весь погружен в свой внутренний мир. В этом возрасте пора соединять знания с личностью ученика. Дело в том, что в прежних классах они нужны были для познания внешнего мира. Теперь положение принципиально меняется. Человек хочет познать себя, а для этого нужны знания, и общие, и специальные.

Все эти методические подходы намечены Коменским.

---

27. Проблема XVII. Учить так, чтобы нельзя было не понять все, чему учат.

Насколько легко обучить ребенка чтению и письму, настолько же и всему остальному, если сделать все (1) одинаково механическим[22] и расчлененным, (2) выведенным из немногих первоначал, (3) ступенчато расположенным, чтобы все предшествующее открывало путь последующему. Соответственно всеобщим учителем[23] станет всякий, кто (1) сначала покажет ученику вещь в целом, чтобы перед его глазами предстало все подлежащее изучению, (2) потом разложит ее на части, как раскладывают механизм, чтобы можно было отчетливее рассмотреть эти составные части, (3) и, наконец, заставит ученика подражать, т.е. показывать и именовать то же самое в теоретических предметах или делать — в практических. Что здесь надо соблюдать? (1) Необходимо непрестанное руководство. Ни одна первая попытка не должна происходить без руководителя, потому что неопытным и делающим первую попытку легко ошибиться, даже в простых вещах, а ошибка всегда приносит с собой если не опасность, то труд возвращения туда, где она началась. Лучше не продвигаться вперед, чем продвигаться плохо и снова возвращаться далеко назад. Поэтому новички в отсутствие учителя, который бы их направлял или исправлял, пусть лучше играют и восстанавливают силы, чем, предоставленные себе, утомляют себя по неопытности и только учатся ошибкам. (2) Первые опыты должны быть пускай медленными, но тщательными, последующие — более свободными. Ведь каково начало, таково все: последующие упражнения придают разве что уверенность и быстроту <...>

Проблема. Сделать людей многознающими.

Троякий путь: (1) чтение многих авторов или книг, что при старании придает ученость[24]; (2) разнообразные опыты и попытки, что придает опытность и умение; (3) понимание идей, благодаря которым как общее, так и частное с необходимостью должно быть таким или другим, существовать или не существовать; это придает мудрость. *Первый* путь — легчайший, но окольный, на нем много распутий, грозящих блужданием; его основа — рассказ о вещах, т.е. свидетельства и авторитет, а также необходимая в отношении их вера. Обученные на этом пути подобны тем, кто поддерживает свою жизнь выпрошенным как милостыня хлебом. *Второй* путь труднее, но надежнее, потому что опирается на свидетельство чувств, которые не обманывают, если правильно ими пользоваться. Но и этот путь тоже окольный из-за краткости жизни, которой едва достаточно для обучения даже какому-то одному искусству. Примером может служить химия и т.д. Обучающийся на этом пути подобен тем, кто покупает хлеб за любую цену. *Третий* путь самый трудный, но при правильном образе действий самый короткий, самый увлекательный и надежный; идущие по нему подобны тем, кто, возделывая землю, имеет постоянный доход хлеба, воды, вина, золота и всех благ. Таково, однако, знание Бога, который от века видит и созерцает все во всем, а также большей части ангелов, без трудных рассуждений и умозаключений понимающих все. Таково знание пророков и возвышенных мудрецов, постоянно выражающих мир в символах и по-разному в разных обстоятельствах представляющих его своему и чужому пониманию. Что касается нас, то мы должны сочетать эти пути, хотя и ступенями. Пусть люди сначала учатся верить и следовать чужим чувствам, потом опираться во всем на свои и, наконец, вырабатывать отвлеченные понятия вещей. Поступающий таким образом будет многознающим, опытным и мудрым.

Итак, ты хочешь научить ученика многим вещам? (1) Возьми восприимчивого и учи. (2) Возьми сколько необходимо времени (а год научит большему, чем месяц) и ни одной его частицы не проводи впустую. (3) Преподноси чувствам, разуму, воле, способностям многое и многообразно, вперемешку со множеством увлекательного — и увидишь, что он сделает большие успехи. Хочешь научить всему? (1) Возьми дарования всеобъемлющие, способные ко всему и жаждущие знаний; (2) время — все, т.е. все годы юности, а то и жизни; (3) учи постепенно, каждый день чему-либо, пока не останется ничего неизученного. Человеческий ум создан ведь способным охватить все, будучи образом бесконечности, но только конечным способом; поэтому он не охватывает всего сразу, а лишь по частям, одно за другим, зато в такой последовательности способен на все. Короче: хочешь, чтобы человек знал все? Проведи его по всем театрам Божиим, и он будет знать все. Хочешь, чтобы он волил благо? Покажи ему различение добра и зла. Хочешь, чтобы он все мог? Упражняй его способности во всем возможном и

должном, и он приобретет умение. Парадокс: хочешь, чтобы твой ученик знал много и основательно? Научи его многого не знать, а именно тех пустых вещей, которыми занята толпа.

28. Проблема XVIII. Достичь, чтобы все обучение происходило добровольно.

Это получится, если мы будем учить (1) всему с надеждой научить чему-то новому: нет человека, который был бы не рад чему-то новому научиться; (2) всему приветливо, чтобы нравилось слушать: нет человека, который не любил бы так учиться; (3) всему открытым и безобманным показом: нет человека, который хотел бы быть обманутым; (4) всему через самоличное рассмотрение: нет человека, который не верил бы себе больше, чем другим; (5) всему через самостоятельность: нет человека, который предпочитал бы следовать чужой, а не своей воле; (6) всему через применение собственных сил, т.е. через собственные попытки и опыты ученика; (7) всему вплоть до достаточности, когда ученик признает, что он во всех отношениях удовлетворен.

29. Проблема XIX. Все школы-каторги, школы-мастерские превратить в места игр.

(1) Надо использовать подходящие моменты времени сообразно возрасту: пусть ничего не делается (и не предпринимается) не в тот момент, когда сама природа начинает приносить плод; хотя, собственно, единственно только и требуется помочь ей в ее родах. Всякая школа может стать универсальной игрой, если мы постараемся верно и мягко упорядочивать природные инстинкты, когда они сами проявляются. Ведь природа человека как бы сама призывает его к тому, что свойственно человеку; в таком случае разве не легче только направлять, не запрещая, чем запрещать? Разве детям не нравится скакать на длинной хворостинке? строить маленькие домики? собирать войско? строиться в боевые ряды? проводить сражения? избирать вождей? распределять должности? устраивать между собой суды и так подражать государственному устройству? Иные пускаются говорить речи, устраивают похороны и т.д. Здесь с полной ясностью обнаруживается и то, куда увлекает каждого его природа, и то, что надо лишь не предоставлять ребенка самому себе, а с благоразумием наставлять его. Хочет ездить верхом? Покажи ему узду, седло, попону, шпоры, назови их — он играючи научится искусству верховой езды. Хочет строить? ловить рыбу? воевать? Покажи ему инструменты и орудия, объясни их применение — научишь его строительному искусству и т.д. Хочет управлять государством? Пусть; перечисли ему названия должностей и их степени, покажи порядок и формулы судопроизводства — и ты во все его посвятишь. Итак, надо во всем выжидать случая и повода для воспитания юношества, не забегая вперед; начинать в пору, не прежде времени, когда мы не поможем природе, а расстроим ее. В самом деле, как ничья мать не могла никого родить прежде времени, и нельзя было заставить ее родить, так никакая душа не может породить из себя разумение прежде времени, или это будет уродец. Всему свое время. Глупа по-

вивальная бабка, если слишком подгоняет роженицу (словами или лекарствами): она загубит или мать, или плод; но едва ли можно что загубить, если предоставить всему свое время. Так птенец никогда не сломает себе лапки, пока лежит в гнезде; но преждевременно вылетевший или выброшенный из гнезда, может сломать. Скорее, наоборот, придется укрощать излишнюю жажду знаний, как мы иногда сдерживаем у детей склонность разбрасываться, чтобы чрезмерная любознательность не нанесла им вреда. Хотя здесь погрешности воспитания встречаются реже, однако они встречаются у менее рассудительных наставников, желающих поскорей сделать из своих учеников ученых или философов; чрезмерно перегрузив, они или погубят их, или сделают из них глупцов и безумцев. Не следует ничего предпринимать наперекор Минерве: чего она сама не взрастила, того и нам не даст взрастить; зато она достаточно ясно обозначает, что́ хочет взрастить сама. В этом смысле истину говорят Катон: «Природа — лучший водитель»[25]; и Цицерон: «Если следуем водительству природы, никогда не заблудимся»; и Сенека: «Надо держаться пути, предначертанного природой, и не отклоняться от него. Для следующих ей все легко и все кстати; для живущих наперекор ей путь так же труден, как для плывущих против течения». А как узнать, доросли ли дети до тех или иных занятий? Делай или попроси других делать у них перед глазами то, чему ты хочешь, чтобы они подражали. Если они будут внимательно следить и примутся за подражание, разреши им это. Если подражают с жадным увлечением и ошибаются, исправь. Если, исправляемые, они все равно хотят действовать, знай, что природа уже готовится к своим родам и, не медля, учи, веди, исправляй: дело само пойдет. Если мы будем соблюдать это правило (а мы должны его соблюдать), нам придется в младенчестве упражнять главным образом внешние чувства, потому что в этом возрасте они формируются и максимально обращены к своим предметам; в детстве — память, потому что тогда она всего сильнее; в отрочестве — рассудительность; в юности — чистый разум; в зрелости — практику и обращение с вещами.

NB *Наиболее любимые мысли автор повторяет неединожды. К таким относится мысль о естественных темпах развития, учения, воспитания. Педагог или иной воспитатель, искусственно ускоряющий рост маленького человека, совершает, во-первых, насилие над его природой, а во-вторых, великую глупость, ибо напоминает повивальную бабку, подгоняющую роженицу. Мысль Коменского стара и, казалось бы, банальна: «Уж сколько раз твердили миру» — дайте детству созреть в детях. Так нет же! Всякий раз находятся энтузиасты «опережающего обучения», которые разрабатывают методики «ускорения» и даже заслуживают себе славу новаторов. Конечно, ребенок беззащитен перед лицом корифеев, конечно же, возможности последних безграничны. Доказать можно что угодно, но какой ценой! Появлением популяции молодых старичков? Детского всезнайства? Раннего разочарования? Помните у Лермонтова:*

Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,

(2) Впрочем, надо разжигать и жажду познания, чтобы все делалось только с удовольствием. Тогда для желающего ничего не будет трудным, потому что, как говорит Августин, в любимом деле или не ощущаешь трудности, или сама трудность приятна. А как возбудить эту жажду? Как похвалами изучаемой вещи, так и увлекательным представлением ее для (а) самостоятельного наблюдения, (б) самостоятельного обсуждения, (в) самостоятельного обращения с ней и (г) самостоятельного применения ее: надо продемонстрировать все ученикам, чтобы они видели собственным глазами (и воспринимали другими чувствами), потом надо вместе с ними все назвать, затем сделать (а эти маленькие обезьянки любят подражать) и, показав, какое применение имеют полученные знания, позволить попытку их применения. Невозможно, чтобы такая работа не стала приятной даже и для сонных натур. О, какое это универсальное средство против скуки — во всем быть активным. Той же цели (т.е. поддержанию жадной увлеченности) служит и умеренность: ничего слишком! Заслуживает справедливого упрека чрезмерное рвение некоторых учителей, которым они утомляют умы своих учеников, занимая их серьезными делами с утра до вечера. Нечто подобное читаем о Сократе, который, говорят, созерцая или пытаясь уловить природу солнца, иногда простаивал от самого восхода до заката, не двинувшись с места, обратив взор к светилу, погрузившись в мысли, как бы отделившись душой от тела (см.: Геллий I, 2, 1) <...>

(3) Надо всегда начинать с вещей первых и простейших и продвигаться к высшим и завершающим; также от легчайших к более трудным, вплоть до овладения труднейшими; от мельчайших частностей через малые сочетания до совокупностей любого объема. Например, в искусстве чтения от (а) алфавита (б) через слоговые таблицы (в) к словам, словосочетаниям, высказываниям, текстам и т.д. Так же и в арифметике, и где угодно, новичку всегда всего полезнее начинать с очевиднейших вещей.

(4) Надо продвигаться вперед (особенно вначале) медленно, чтобы дети не почувствовали возложенного на них труда, а увидели бы, что потрудились, только завершив работу.

(5) Все постепенно. Как, вынув из лестницы хотя бы одну ступеньку, не говоря уже о двух или трех, ты сделаешь спуск с нее трудным и опасным и создашь угрозу падения, так и здесь: система вещей едина и так взаимосвязана повсюду, что разрывов нет, и для упорядоченного движения среди вещей не встретится ничего совершенно непривычного, а всегда — лишь ожидаемая и с необходимостью следующая новая ступень того, что уже было раньше. Познание вещей в человеческой душе должно совершаться в такой связи и совершенном сцеплении, чтобы подростку, юноше,

мужу не представало ничего неожиданного, а только более частные выводы из того, что уже было познано раньше. Соответственно корни всего должны закладываться в младенчестве, пока дети как бы несознательны и ничего не замечают, а когда начнут сознавать, то увидят, что у них уже есть (а) жизнь, (б) здоровье, (в) энергия, (г) умение действовать, (д) нравы, (е) благочестие.

(6) Надо всегда сочетать примеры, наставления и практику, о чем говорилось выше.

(7) Надо учить через постоянный параллелизм троякого бытия, т.е. упражняя сразу ум, язык, руку (смотри выше!).

(8) Надо все осуществлять в игре и соревновании, сообразуясь с возрастом в школе детства, отрочества, юности и т.д. И как *Введение в языки* сведено у нас к восьми сценическим диалогам, так и все остальное во всех школах и классах можно свести к театральным сценам, к самостоятельному рассмотрению и самостоятельному исполнению, даже всю Пансофию <...>

Примечание о соревновании. Просто непостижимо, на что способен человек, если он соревнуется с другим в силе и умении, если он и сам тоже берется за тщательно обдуманное заранее дело и если верит, что для осмотрительной предприимчивости все доступно. В нас, смертных, есть божественная бессмертная сила, для которой нет ничего недосягаемого, ничего недоступного, которая рада без устали и скуки проникать во все, лишь бы ее не покидало благоразумное руководство. И если правильно понято одно лишь истинное основание вещей, то понято бесконечно многое, как, однажды подготовив хороший инструмент, можно сработать бесконечное множество вещей, имея крепкие ноги, можно пройти бесконечное множество дорог, имея зоркие глаза, можно сделать бесконечное множество наблюдений, а имея бойкий язык, можно произнести бесконечное множество речей и т.д. Короче, природа (или творец природы) позаботилась, чтобы у нас не было ни в чем недостатка, если нет недостатка воли. И обычное у поэтов призывание муз есть не что иное, как пробуждение заложенных в нас божественных дарований, обострение памяти, подстегивание ума и т.д.

NB *А это уже совсем близко к нам — размышление о пользе соревнования. Еще недавно все виды соревнований мы называли социалистическими, вкладывая в них если не политическое, то уж, по крайней мере, социальное, общественное содержание. После ряда идеологических развенчаний под флагом деполитизации все соревнования в школе прекратились. А между тем желание сравнить себя с ровесниками, помериться силами с товарищами (и не только в спорте!) — естественная потребность детей и подростков. В этом ребенок лучше осознает себя, ибо его волнуют два вопроса: 1. А вдруг я не такой как все? 2. А вдруг я такой как все? Какой же я на самом деле? Сопоставление, сравнение, состязание обостряют многие процессы развития и уж точно стимулируют самосознание и самореализацию, приводят в действие дополнительные резервы личности.*

Однако автор очень тонко призывает нас к «осмотрительной предприимчивости», ибо понимает, что всякий применяемый педагогом прием может иметь разные последствия.

(10) Надо применять мягкую и умеренную дисциплину, без насилия. О ней — в следующей проблеме.

NB *Очень важное место — о «мягкой и умеренной дисциплине», о дисциплине без насилия. Один из вечных вопросов педагогики: можно ли воспитывать детей без наказания? Романтический прагматизм Коменского признает эту неприятную процедуру неизбежной, но со многими оговорками. Из них можно заключить, что наказание — это скорее способ дисциплинарного воздействия. Главное, он начисто исключает унижение ребенка, ибо в любом случае остается объектом учительской любви. Проблему соотношения наказаний и поощрений автор однозначно решает в пользу последних.*

Значит, все методы влияния на ребенка должны быть положительно сбалансированы. Во всех случаях определяющим является уважение к ученику. Преобладающими же приемами воздействия в трудных ситуациях должны быть добрый совет, тактичное замечание, педагогическая поддержка. Несколько позже автор со всей определенностью заметит, что исправить наказанием вообще нельзя, кто думает так, тот не верит в человека.

---

30. Проблема XX. Достичь, чтобы дисциплина не отпугивала учеников от учения.

К этому можно прийти трояким путем. (1) Надо избегать того, чтобы появлялась нужда в дисциплине и наказании. Этого достигнешь, если будешь привлекать к учению простой похвалой дисциплине, питая чувства желанной пищей знания и не перегружая никого чрезмерной тяжестью уроков. (2) Надо умело применять меры, чтобы даже дисциплинарное взыскание не было слишком неприятным: действуй осторожно, благоразумно, умеренно, без свирепости, показывая любовь даже в самом наказании, начиная всегда с легчайшей его меры — увещания, порицания и т.д. (3) Надо наказывать не за неспособность или за нежелание учиться (если каким-то образом ученье стало скучным), а только за упрямство, когда ученик и после наставления поступает неправильно, и с единственной целью, чтобы он понял зло своеволия и в следующий раз остерегся. Не без причины школа именуется игрой (ludus), а для напоминания, что все в школе-игре должно служить радостной увлеченности; ведь разве бывает в игре место гневу, желчности, кулачному бою, ремню? Даже в школах, где обучают ремеслам, такое не применяется, так неужели в школах благородных наук и искусств дело должно обстоять хуже? Никогда! <...> Все сказанное о легкости и увлекательности учения можно свести к нижеследующему. «Корни учения горьки, но плоды сладки», — сказал мудрый Сократ. Это мы обычно и узнаем на опыте. Однако надо посмотреть, нельзя ли усластить и корни? Это явно возможно, (1) если устранить из обучения скуку и страх, (2) если все сделать прозрачным и как бы самопроизвольным, (3) если все сдобрить к тому же увлекательностью. *Первого* достигнете, (а) изгоняя дурные, уродливые примеры и всегда насаждая прекрасные, добрые, приятные; (б) обучая всему легко, мягко и с очевидностью для чувств; (в) применяя более мягкие наказания, чем до сих пор было обычно. *Второго* достигнете,

(а) выжидая случай, когда сама природа, тяготеющая к тому или другому занятию, укажет пору (как образуются почки или цветы); воспитатель — просто слуга природы, так прочь опрометчивая спешка и насилие, пусть управляющий оглянется на управляемого (нельзя впрягать в повозку неокрепшего жеребенка); (б) продвигаясь постепенно (невзирая на жадность ученика), не перегружая природу («спеши, не торопясь»); (в) скорее придерживая ученика, чтобы тем еще больше разжечь в нем стремление. О *третьем* — увлекательности — смотри следующую проблему.

31. Проблема XXI. Сделать так, чтобы чувства, ум, руки ученика все схватывали быстро.

Преподноси ему свободно и без принуждения все, что желаешь, и смотри, чтобы преподносимое не было туманным, путаным или тяжелым, но простым и ясным. Умело предлагай ему подходы к пониманию — и он быстро усвоит все.

32. Проблема XXII. Всему научиться быстро.

Не гонись за всем по отдельности, но (1) сперва правильно усвой основы, (2) менее полезное отставь, (3) остальное, если оно расплывчато, еще раз сконцентрируй. Если будешь постоянно идти таким образом, то за краткое время сможешь невероятно многое освоить чувствами, умом, руками. Пусть послужит примером Александр Великий, который за кратчайшее время столько совершил, потому что нисколько не медлил: покорив город или народ, он не задерживался и не останавливался (в противоположность тому, как вел себя Ганнибал в Кампании), но неизменно устремлялся дальше и дальше. И он брал не каждый отдельный город, не каждую крепость (на это недостало бы жизни), а только основные: после захвата главных остальные сдавались сами. Лишь скоропостижная смерть, прервав победоносное шествие, помешала ему стать победителем всего мира. Чтобы этого не случилось с нашими маленькими Александрами, прежде всего надо подумать о продлении или, по крайней мере, о сбережении их жизни. Но есть и методические приемы, благодаря которым все облегчается: ведь все связано как бы единой цепью, ничто не противоречит этому общему правилу, все течет, словно в едином потоке, и самопроизвольно стекается в одном месте. Даже смерть не в силах прервать стремление к премудрости, наоборот, способствует ему, ведя к вечному совершенству тех, кто уповал на вечность. Если же это стремление к полноте премудрости все-таки ограничивается временем нашей земной жизни и если даже всестороннее упорядочение вещей не обеспечивает их усвоение более медлительными умами, то все равно давайте поступать так, как поступал Александр, и посвящать свои силы главным образом главному; тогда остальное будет вынуждено или добровольно сдаться или, по крайней мере, вести себя смирно, и мы захватим верховную власть! А главным пусть будут у нас начала познания, потому что, если они верно установлены и поняты, остальное проясняется само собой. Их-то и надо прежде всего как следует привить ученикам. Если хочешь иметь сад, цветущий и плодоносный, нет необходимости в

тяжком труде доставления деревьев, кустарников и трав из других мест: надо только посеять семена и привить черенки растений к добрым саженцам; благодаря солнцу и теплу само все прорастет и год от года будет становиться пышнее. Точно так же, если правильно заложить начала познания, само собой прояснится бесконечное множество вещей. Опять-таки: хочешь, чтобы твой ученик знал много и основательно? Научи его многое не знать — а именно те пустяки, которыми занята толпа <...>

Случай. Что делать, если кто-то окажется абсолютным противником просвещения, упрямцем, ожесточившимся до нетерпимости к каким бы то ни было добрым советам и увещаниям? *Ответ.* Говорят, бывают такие дикие и неукротимые лошади, которые хотя и позволяют поймать, вести и оседлать себя, однако никак не соглашаются войти в стойло, и все-таки их вводят с помощью уловки, завязав им глаза; не зная, куда их ведут, они следуют за коноводом. Если это верно и если среди людей тоже находятся дикие упрямцы, не допускающие обучения, то почему нельзя подражать той же уловке? Тут, однако, возникают три вопроса: (1) как уловить необузданного, отвергающего обучение человека? (2.) Как ему завязать глаза, чтобы он не вырвался? (3) Как потом довести его туда, куда мы хотим? *Ответ на* (1). Человека можно уловить только уздой его собственного сердца, т.е. с помощью врожденного ему желания какого-либо добра, дав ему возможность надежного обретения, пользования и наслаждения, если он пожелает пойти за нами (в подражание Павлу, Деян. 17, 23). *Второе* получим, лишив его всех авторитетов, т.е. всякой оглядки на примеры, на то, что другие говорят или не говорят, делают или отказываются делать, на что надеются или не надеются: пусть он изберет себе водителем самого себя и свет собственных врожденных понятий, инстинктов и способностей; тогда он тем легче откажется от прочих водителей и, получив возможность самостоятельно судить обо всем, уже не будет бояться, что кто-то ведет его против его воли. По достижении этого все остальное воспитание будет протекать уже легче, если будешь вести его с неизменной постепенностью, неспешно и спокойно, чтобы он нигде не заметил никаких разрывов [в доказательности преподносимого ему], не воспротивился и не отпрянул. Для этого никогда не говори ему ничего идущего вразрез со всеобщим и врожденным каждому человеку светом; видя, что он во всем руководствуется только своим же собственным здравым смыслом, он пойдет за тобой без колебаний по пути, который ему показывают и о надежности которого свидетельствуют его собственные глаза, пока не придет в стойло *высшего блага*, истинно познанного и истинно вкушаемого (т.е. к жизни в согласии с полнотой премудрости). Там, в области света и радости, его можно будет уже отпустить на свободу. Так мы и пытались продвигаться в Пансофии и в других местах; насколько правильно, рассудят знающие, подтвердит само дело и развернут в подражании пампедические наставники.

До боли знакомая картина — работа с трудным учеником, не желающим ни учиться, ни выполнять требования учителей. На первый взгляд может показаться, что педагог предлагает обхитрить неподдающегося. Однако это лишь внешний прием. Суть же работы состоит в опоре на природу ребенка. Конечно, в человеке много всего намешано. Просто у одного «на выходе» больше плохого, у другого — хорошего. Но доброе есть у всех. Надо найти его и опереться на это доброе. И еще одно очень тонкое замечание: отберите у трудного ребенка все прежние авторитеты и не предлагайте ему ничего взамен, кроме ...самого себя. Помогите ему представить себя прекрасным человеком, пусть это и будет положительным примером. Помогите ребенку двигаться к своему прекрасному «я», сравнивайте его с самим собой вчерашним, подмечайте любую мелочь, делающую его лучше. Не будет ее сегодня, будет завтра. А пока авансируйте ребенку его движение вперед и выше.

Все сказанное выше в трех главах об универсальных школах, книгах и учителях послужит основой изложения также и в последующих главах, говорящих о том, как для каждого человеческого возраста необходимо учредить свои школы, создать свои книги и поставить своих наставников, чтобы все было пампедическим, т.е. служащим всестороннему совершенствованию всех людей <...>

ГЛАВА XI

Школа отрочества, гимнасий языков и искусств, особенно латыни и других ученых языков, с энциклопедией наук и искусств, нравов и благочестия

6. Что такое развитие способностей? О нем говорят в таком же смысле, как и о возделывании полей, огородов, виноградников: это такая их заботливая обработка, чтобы они приносили полезный для человеческой жизни плод. В этой связи способности и таланты называют полем души.

7. Из скольких частей складывается развитие способностей? Из стольких же, сколько у нас способностей, а именно из трех. *Ум* развивается, или совершенствуется, для того, чтобы мы знали много истинного и не обманывались ложным, ради избрания блага и избежания зла. *Рука* вместе со всеми нашими деятельными способностями развивается для того, чтобы мы умели исполнять, что должно исполнить, и преодолевали своим трудолюбием недостатки вещей. *Язык* развивается для того, чтобы наше общение с людьми было разумным, увлекательным и приятным. Словом, нас воспитывают для того, чтобы мы умели *разуметь, действовать и говорить*[26] <...>

16. <...> Подростки — это молодые люди, вышедшие из детства, но все еще не достигшие полного роста, рассудительности и развития сил.

Цель школы отрочества — вводить накопленный чувствами лес познаний в определенные формы ради более полного и явственного применения рассудительности, коль скоро достоинство человека по сравнению с животными зависит от его разума. Следовательно, разум и должен развиваться всего тщательнее, чтобы

мы как можно дальше отошли от животных и как можно больше приблизились к ангелам <...> *Великая дидактика* учреждает шесть классов этой школы: (1) грамматика, (2) физика, (3) математика, (4) этика, (5) диалектика, (6) риторика, куда входят разные упражнения в стиле, история и Геллиева коллегия. Впрочем, если какая-то школа или какой-либо класс в ней будут пансофическими — а отличаться они должны только степенью, — учиться всему этому нужно будет, конечно, по-другому <...>

ГЛАВА XIII

Школа зрелости, к которой относятся искусства благой жизни и успешной деятельности, или жизненная практика

Определение. Зрелым называется человек, достигший предела роста и сил, способный к ведению дел и уже начинающий на деле тот образ жизни, к которому готовился.

1. Вся жизнь — школа, как мы видели в предшествующих главах. Значит, ее средняя часть, время полной силы, — тоже школа, и даже в высшей степени, потому что предшествующие возрасты и школы (младенчества, детства и т.д.) были лишь ступенями по пути сюда; не двигаться теперь вперед значило бы отступать, тем более что остается еще многому научиться, причем не просто играм и упражнениям, а уже серьезным делам.

2. Многому могли научить прилежного ученика низшие школы, которые он до сих пор прошел, но ни одна больше, чем эта, в которую он теперь вступает, — школа серьезного ведения дел и разнообразного общения с людьми в течение всей остальной жизни.

3. Далеко не пустым человеком был сказавший: «Многому я научился от своих учителей, но еще большему — от соучеников, а важнейшим вещам — от учеников». В самом деле, создавая, мы создаем самих себя, а действуя, становимся искусными в делании <...>

4. Если кто-то воображает, будто в чем-либо преуспел, не имея опыта этой зрелой деятельности, он тешит себя призраками и пустым мнением. Гален[27] говорил, что теоретик без практики — сухопутный мореплаватель, который, спокойно сидя в кресле, прекрасно изображает порты, скалы, мысы, Сциллу и Харибду и великолепно проводит корабль по столу среди посуды; но, если он спустится к морю и ты доверишь ему руль судна, он разобьется о те самые скалы, которые так хорошо перед этим знал.

6. Цель этой школы — благоразумное и искусное управление жизнью и всеми нашими действиями и претерпеваниями (это особенно касается деятельной любви) и забота о том, чтобы из приобретенных в юные годы знаний, нравов и благочестия ничто не растерялось, будучи перенесено в дела жизни и ее треволнения, а, наоборот, все именно теперь нашло свое настоящее применение. Ведь весь плод познаний состоит в благоразумном порядке жизни. Поэтому людей надо научить, как приобретенный ими свет познаний должен прилагаться ко всем жизненным делам с

тем, чтобы, безукоризненно пройдя через все хорошее и плохое, человек пришел, наконец, к прекрасному исходу своей жизни.

7. *Средства.* (1) Три книги Божий, к непосредственному прочтению которых мы теперь переходим: зрелые мужи оставляют всевозможные ребяческие пособия и *Введения.* (2) Загруженные делами, люди имеют отныне время лишь для Бога и своего призвания. (3) Из встречающихся авторов — только самые лучшие.

8. *Способ.* Все делать всерьез, т.е. на практике и для пользы. О Плинии говорили: «Он учитывал все, что прочитывал». Постарайся же, чтобы о тебе, зрелом муже, можно было сказать: все, что он читал, говорил, делал, обращалось на пользу жизни.

9. *Классов*, или, вернее, ступеней, здесь три: (1) вступающие в зрелый возраст, или начинающие свое жизненное дело; (2) продолжающие дело своей жизни; (3) ведущие свое жизненное дело к завершению.

10. Методом пусть будут здесь [внутренние монологи], чтобы всякий просвещенный человек рассуждал сам с собой, излагая перед самим собой все возможные случаи и вынося решение.

Размышления, пригодные вообще во всех классах школы зрелости:

(1) *Жизнь — школа.* Следовательно, не надо отбрасывать книги, как многие делают, но именно теперь пора по-настоящему и с пользой их применить. Школа требует образцов, наставлений и упражнений. Поскольку зрелый возраст — тоже школа, взрослые люди тоже должны (1) изучать историю, чтобы почерпнуть в ней примеры; (2) искать в ученых книгах общезначимое знание; (3) упражнять себя в непрестанной деятельности <...>

NB *Я.Коменский вновь прослеживает все ступени ученичества от материнской школы до школы зрелости и приходит к великой мысли: школа — жизнь, вся жизнь — это непрерывное образование, ибо учение, совершенствование человека бесконечны. Школа — это вечный двигатель, остановить который не дано никому.*

Всеобщий совет об исправлении дел человеческих

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Панортосия,

в которой ведется совет о долгожданном исправлении... (отрывки)

ГЛАВА V

Идея всеобщего исправления

1. Представляется необходимым вывести из области идей, что́ такое всеобщее исправление и из каких непременных частей оно состоит, чтобы нам было легче рассмотреть обязательные условия всеобщего исправления.

18. Исправлять здесь будут все и каждый (люди, сословия, народы), поскольку каждый — *человек*: свободное творение, создан-

ное по подобию Творца и настолько предоставленное собственному разумению, что оно радо управлять самим собой и предпочитает погибнуть по своей безрассудной воле, самостоятельно отклонившись от пути спасения, чем подневольно идти к нежеланному благу. Даже Бог, вновь призвав его к себе и искупив после падения, не неволит его, но действует с ним только убеждением, привлекая к добру обетованиями, отвращая от зла угрозами и уча, как видеть перед собой пути спасения, как сторониться гибельных бездн и принимать тем самым благие решения. Добровольно следующим своему совету, водительству и зову Бог щедро обещает награду за свободное послушание; отказывающимся идти за ним объявляет гибель по собственной вине, призывая в свидетельство небо и землю. Поэтому нам только и остается, подражая Богу, учить людей, т.е. всех пока еще не умеющи, мудро править собой и исправлять любые прежние ошибки, чтобы, направив свое знание, силу, волю на достижение личного и всеобщего спасения, все люди научились, смогли и захотели добродетельно способствовать своим частным соработничеством всеобщему преображению.

19. И все научатся исправлению (себя самого — всякий живущий, а своих пасомых — всякий отец семьи, всякий школьный учитель, всякий служитель церкви, руководитель всякого человеческого общества), если, правильно наученные идеям вещей, они будут понимать, что с необходимостью требуется для управления собой и другими, для предотвращения заблуждений и исправления ошибок. (Этому могут научить 1) веления здравого разума, 2) повсюду встречающиеся примеры из области природы и искусства и 3) свидетельства божественного откровения. В самом деле, все говорит о том, что любое человеческое общество есть живое благоупорядоченное тело, которое нужно сохранять согласованными действиями и направлять только по разумным путям, будь то единая душа со своими способностями, или один человек со своими органами, или одна семья со своими членами, или одно селение со своими семьями, или одна область со своими селениями, или одно царство со своими областями и провинциями, или, наконец, весь человеческий род, как бы единое мировое государство, со всеми своими царствами <...>)

20. Наконец, всех надо научить знанию своих возможностей, чтобы, поняв, какие им даны полномочия для совершенствования себя и ближних, какие предоставляются поводы для этого более чем желанного дела и как легко за него взяться теперь, полагаясь на посылаемую от Бога помощь, люди возрадовались этим своим полномочиям, этим поводам, призывам и помощи и возликовали в Боге.

21. Это ликование и порожденное им рвение к святому делу исправления можно было бы еще увеличить показом величия столь грандиозного предприятия. В самом деле, цель его — возвращение к состоянию, которое наступило бы в раю, если бы мы не пали: (1) к созерцанию Бога просвещенным умом, (2) к любовному взаимообщению согласных душ и (3) к жизни в чистоте сердца перед Богом.

Поскольку, оставшись такими, мы должны были заполнить круг земель, теперь, когда мы его заполнили, тоже в высшей степени желательно устремиться к тому или, вернее, возвратиться к тому, чтобы весь мир стал (1) школой Божией, а тайные школы сатаны, плоти и мирской тщеты сгинули бы насовсем; (2) царством Христовым, а частные царства и государства перешли бы в Христово подданство; (3) единым храмом Божиим с единым поклонением единому Богу в единой всеобщей религии, а сектантских религий не осталось бы ни одной; (4) и, наконец, домом, открытым для всех, где все обитатели Земли были бы единой Божией семьей, связанной узами единого всеобщего языка, а частные языки или умолкли бы, или ни в одном слове не противоречили языку всех.

ГЛАВА VI

О преодолении зла, мощно противостоящего всеобщему исправлению, и прежде всего об искоренении в человеческих душах косности, самоуверенности, предрассудков и упрямства

NB ***Подобно тому, как добро нужно искать прежде всего в себе, так и зло есть в каждом из нас. Говорят, без Бога не было бы и дьявола. Извечная борьба света и тьмы наполняет нашу жизнь смыслом. Трудна борьба с самим собой, но другого пути нет. Только на этом пути «всякий человек станет в своей сути светлым творением Божьим, избавленным от мрака, уверенным в свете и истине».***

1. Приступим же к разбору того, что мешает исправлению! Прежде всего остановимся на зле, которое сковывает нас изнутри, лишая способности ко всякому делу совершенствования. Истинный корень всякого нашего порока и нашей неисправимости — в чем он? Попробуем разыскать его, предприняв специальное рассмотрение.

2. Прекрасен и здрав совет философа Сенеки. «Всего важней для человека, — говорит он, — не следовать на манер скота за стадом впереди идущих, двигаясь не куда должно, а куда бредут все». Однако слишком ясно, что люди давно забыли об этом совете; мало кто из смертных еще задумывается над тем, откуда мы приходим в мир, куда из него уходим и каким путем должны идти от начала к концу. Вместо этого мы беззаботно миримся с состоянием — хорошим ли; плохим ли, — в котором находимся, по большей части ничуть не стараясь переменить свою жизнь к лучшему. Что хуже, мы смиряемся со своим положением настолько, что даже представившуюся возможность улучшения отвергаем, а то и яростно гоним ее от себя прочь, приобретя ненависть ко всему чужому, вплоть до жажды изничтожить его.

3. Таким образом, наша глубоко въевшаяся привычка ко злу распадается на три части: (1) беззаботность и косность, (2) предвзятое мнение о якобы уже достигнутых истине и благе и возникающая отсюда самоуверенность и (3) злое пристрастие ко всему своему и ненависть к чужому. Всю эту троицу надо полностью искоренить и превратить в свою противоположность, а именно в (1) живейшее внимание ко всему происходящему, (2) тщатель-

нейшую заботу о более истинном познании мира и (3) неустаннейшую волю и стремление к принятию улучшений.

4. Кто не замечал тупой вялости толпы по отношению ко всему существующему и происходящему? Большинство погружено в глубокое невежество о Боге, мире, о себе и обо всем на свете. Даже знающие что-то едва знакомы с поверхностью вещей и мало хлопочут о том, чтобы проникнуть поглубже или заняться старательным отграничением истины от лжи, добра от зла. Пока человеческие чувства скованы этой вялостью, напрасно надеяться на какое-то всеобщее исправление: что исправит человек, который не ведает о порче и о необходимости исправления? А не ведает о них тот, кто не знает идеального и совершенного состояния вещей, от которого все отошло. Итак, желая внушить человеку заботу о всеобщем исправлении, мы раньше всего должны стряхнуть с него эту сонливость. А как? Внушая и убеждая, что раз все допущены в Божий театры, все наделены зрением, слухом и другими чувствами, то все должны, воспрянув душой, живо внимать всему и, все самостоятельно рассматривая и разузнавая, приобщаться умом к вселенскому свету. Если это удастся, если в умах проснется тяга к свету, то первая и злейшая помеха, темнота умов, будет сломлена. Каким порядком можно добиться этого от всех, разобрано и ясно изложено у нас в Пампедии.

5. Другую, не менее вредную, помеху представляет некая как бы прирожденная умам беспечная самоуверенность (securitas), настолько удовлетворяющаяся своим познанием мира, каким бы оно ни было и откуда бы ни пришло, что даже для идущих в руки более истинных и благих вещей уже не находится места. Поскольку ранние впечатления глубже всего запечатляются в душе и цепко держатся, не уступая позднейшим, то мы оказываемся во власти того, что раньше усвоили. Здесь корень предвзятого убеждения, что наши взгляды истинней и лучше чужих, хотя бы и неизвестных нам. Умы так скованы этим предрассудком, что какие бы мнения человеку ни довелось иметь, случайно или по привычке чужие не ставятся с ними ни в какое сравнение: мы их сторонимся, гнушаемся и про себя тихонько осуждаем. Так получается, что своя философия и свои представления о вещах, своя религия и манера богопочитания, свой общественный строй и привычный образ правления для каждого [народа] становятся чем-то вроде идола. Итак, при серьезной попытке исправления придется вложить немало труда, устраняя и это препятствие в стремлении к тому, чтобы всякий смертный признал и себя тоже человеком, способным наравне со всяким другим смертным бредить наяву, заблуждаться и делать промахи. Кое-что об этом мы уже сказали (Панавгия, гл. 15, § 20). Пока мы не избавим всех людей от пут подобных предрассудков, напрасны надежды на всеобщее исправление.

6. Из предрассудка возникает третья помеха исправлению, упрямство, из-за которого мы не только тяготимся истиной и благом, но и отказываемся от них, и упорно отталкиваем их. Из этого источника — ядовитейшие споры в философии, жесточайшие войны в политике, свирепейшая ненависть в религии с жес-

токими преследованиями одних другими; а поскольку всякий воображает, что борется или страдает за истину, за мир, за Бога, то даже среди всех этих уродств возникает самодовольство, которое апостол назвал «ревностью не по рассуждению» (Рим. 10, 2). Поистине, если мы не преодолеем такую ревность и не научим преодолевать ее других, то и будем ревновать без конца и без всякой пользы, и мир останется таким, как есть, — расчлененным, разрозненным, никак не приходящим в согласие.

7. Всем поэтому важно устроить все иначе: так, чтобы мы (1) стали более чуткими к миру и не было на свете вещи, которую каждый из нас не мог бы разумно ставить под сомнение и судить (dubitare et iudicare), (2) все испытывали и держались добра, по совету самого Бога (1 Фес. 5, 20), (3) и каждый был готов, заметив где-либо заблуждение, заменить ошибку истиной.

8. Будет великая польза для всех, если все мы всерьез сделаем это: (1) никто не будет мнить, что знает больше, чем знает; (2) никто не забудет, что люди, согласно слову Господа, блуждают как овцы (Ис. 53, 6); (3) никто не будет лишен возможности вернуться от известной ошибки к известной истине, — и святое желание преодолеть все заблуждения овладеет всеми, когда ясный, как день, откроется единственный путь всеобщего исправления: возвращение туда, где ты сбился с пути <...>

11. Поскольку же отклонились мы (1) от единства через бесконечные случайности к бесконечной путанице, (2) от истины через бесконечные мнения к бесконечным заблуждениям, (3) от блага через бесконечные соблазны к бесконечным неустроенным и гибельным желаниям и страстям,

12. то и вернемся (1) от путаницы через простоту к единству, (2) от заблуждений через оставление мнений к истине, (3) от страстного раздора и войн через дружелюбие к миру и согласию,

13. чтобы всякий человек в глубине своей души стал поистине единым без всякого разлада с самим собой, и всякая семья, и всякий дом составили бы единое тело, равно как и всякий город, царство и весь народ, а в конце концов и весь род человеческий со всей совокупностью мира и со всеми ангельскими хорами, — сделавшись единым под началом Единого, воистину Единого, во веки вечные Единого, которому хвала и слава навеки, аминь!

14. И всякий человек (а потом и семья, и общество, и государство, и церковь и т.д.) станет в своей сути светлым творением Божиим, избавленным от мрака, уверенным в свете и истине;

15. и всякий человек исполнится истинной и нерушимой радости и достоверности в Боге — равно как и всякая семья, и всякое сообщество, и всякая церковь, и всякая школа.

16. Так первым и надежным началом возрождения стала бы очистка родника чувств, источника интеллекта и ключа воли от всякой грязи, лености, предрассудков и злого упрямства, чтобы повсюду потекли более чистые реки внимания, суждения и бодрой расположенности к принятию большего блага <...>

[10] Коменский имеет в виду гравюру в иллюстрированном издании книги Гейлера «Лодка, или Зеркало судьбы».

[11] Цитата из комедии римского драматурга П.Теренции.

[12] Имеется в виду басня Эзопа (VI в. до н.э.).

К стр. 42 **Великая дидактика**

Это сочинение по праву считается одним из важнейших систематизированных трудов педагогической науки. Латинский вариант был закончен автором в 1638 г. и издан в Амстердаме в 1657 г. «Великая дидактика» неоднократно переводилась на русский язык (впервые в 60-е годы прошлого века).

Коменский объединил проблемы воспитания, обучения, педагогической психологии и социологии, а также школоведения и впервые в истории педагогической мысли выделил самостоятельную научную область — дидактику. Эта наука представлена автором как синтез проблем ее составляющих — целей, задач, содержания, методов и организационных форм, психологических предпосылок развития, воспитания, становления и образования личности.

Гениальная новаторская работа Я.Коменского актуальна и сегодня. «Великая дидактика» может стать настольной книгой каждого, кто интересуется вопросами личностно ориентированной педагогики.

[1] apostevіovi (лат.) — из практического опыта.

[2] Имеется в виду Александр Македонский.

[3] Автодидакт — самоучка.

[4] Здесь Коменский излагает теоретико-познавательные положения сенсуализма, весьма прогрессивной для своего времени теории познания.

[5] Венузийским поэтом иногда называют Горация (61—8 до н.э.) — римского писателя и поэта, родившегося в Венузии.

[6] В своем антропологическом обосновании педагогики Коменский как бы переводит на светский язык изложенное им выше теологическое ее обоснование, определяя человека как существо, способное к обучению.

[7] Здесь содержится зарождение идеи Коменского о необходимости сочетания (и даже единства) интеллектуального, волевого и нравственного развития личности.

[8] Коменский имеет в виду слова Диогена Лаэртского, античного историка греческой философии, обращаемые к красивому, но неприлично высказывающемуся юноше.

[9] Коменский формулирует наиболее важные задачи воспитывающего обучения: дать человеку способы, средства и методы познания окружающего мира, научить эффективной деятельности, научить любить мир.

[10] Такая трактовка дает объяснение совести как функции души, отбирающей и сохраняющей для человека наилучшие плоды деятельности разума и воли.

[11] Намек на Сократа и Аристотеля.

[10] Коменский имеет в виду гравюру в иллюстрированном издании книги Гейлера «Лодка, или Зеркало судьбы».

[11] Цитата из комедии римского драматурга П.Теренции.

[12] Имеется в виду басня Эзопа (VI в. до н.э.).

К стр. 42 **Великая дидактика**

Это сочинение по праву считается одним из важнейших систематизированных трудов педагогической науки. Латинский вариант был закончен автором в 1638 г. и издан в Амстердаме в 1657 г. «Великая дидактика» неоднократно переводилась на русский язык (впервые в 60-е годы прошлого века).

Коменский объединил проблемы воспитания, обучения, педагогической психологии и социологии, а также школоведения и впервые в истории педагогической мысли выделил самостоятельную научную область — дидактику. Эта наука представлена автором как синтез проблем ее составляющих — целей, задач, содержания, методов и организационных форм, психологических предпосылок развития, воспитания, становления и образования личности.

Гениальная новаторская работа Я.Коменского актуальна и сегодня. «Великая дидактика» может стать настольной книгой каждого, кто интересуется вопросами личностно ориентированной педагогики.

[1] aposteviovi (лат.) — из практического опыта.

[2] Имеется в виду Александр Македонский.

[3] Автодидакт — самоучка.

[4] Здесь Коменский излагает теоретико-познавательные положения сенсуализма, весьма прогрессивной для своего времени теории познания.

[5] Венузийским поэтом иногда называют Горация (61—8 до н.э.) — римского писателя и поэта, родившегося в Венузии.

[6] В своем антропологическом обосновании педагогики Коменский как бы переводит на светский язык изложенное им выше теологическое ее обоснование, определяя человека как существо, способное к обучению.

[7] Здесь содержится зарождение идеи Коменского о необходимости сочетания (и даже единства) интеллектуального, волевого и нравственного развития личности.

[8] Коменский имеет в виду слова Диогена Лаэртского, античного историка греческой философии, обращаемые к красивому, но неприлично высказывающемуся юноше.

[9] Коменский формулирует наиболее важные задачи воспитывающего обучения: дать человеку способы, средства и методы познания окружающего мира, научить эффективной деятельности, научить любить мир.

[10] Такая трактовка дает объяснение совести как функции души, отбирающей и сохраняющей для человека наилучшие плоды деятельности разума и воли.

[11] Намек на Сократа и Аристотеля.

[12] Речь идет об индивидуализации образовательного процесса.

[13] Под «порядком» подразумевается закономерная зависимость вещей друг от друга.

[14] Исократ — афинский оратор, публицист, друг Платона.

[15] Квинталиан — римский педагог I в. н.э.

[16] Под методом подразумевается дидактический принцип.

17 В содержание образования Коменский вводит метод познания, органически сочетая знания о предметах со знанием о способах их постижения.

[18] Имеется в виду современное нравственное воспитание.

К стр. 108 **О развитии природных дарований**

Речь произнесена Я.Коменским 24 ноября 1650 г. в гимназии в Шарош-Патаке в честь начала занятий. Впервые она была опубликована в 1652 г. на латинском языке, а на русском — в 1893 г.

Развивая мысли о возможности воспитания человека, Я.Коменский в этой речи, с одной стороны, рассматривает проблемы, которые ему нужно было решить в процессе преподавания, а с другой — излагает исходные педагогические позиции — гуманизм и демократизм.

[1] В свободные науки и искусства входили три науки гуманитарного плана (грамматика, риторика, диалектика) и четыре науки с естественно-научной направленностью (арифметика, геометрия, музыка и астрономия). Они противопоставлялись несвободным наукам — ремеслам.

[2] Т.е. жителей Венеции и Нидерландов, достигших в XVIII в. больших успехов в культурно-политическом и экономическом развитии.

К стр. 120 **Об искусном пользовании книгами — первейшим инструментом развития природных дарований**

Речь, произнесенная в г. Шарош-Патаке 28 ноября 1650 г., где и была впервые опубликована в 1652 г. (на латинском языке). На русском языке впервые читатели смогли с ней познакомиться лишь в 1970 г. Выступая с этой речью перед гимназистами, Я.Коменский ставил цель не только развить у своих учеников любовь к книгам, но и научить их разумно использовать эти «сокровища мудрости». «Ибо, — говорил Коменский, — ученым сделают тебя не книги, а работы над ними».

[1] Коменский постоянно подчеркивает три слагаемых успешного обучения: метод, учитель и книга.

[2] Гимн книге объясняется отношением к ней как оторванному от жизни знанию даже у привилегированных слоев венгерского общества.

[3] *Цицерон.* О границах добра и зла.

[4] *Плиний Младший.* Письма.

[5] *Гиллий.* Аттические ноги. Предисловие.

[6] Речь идет об учебнике Коменского «Открытая дверь языков».

[7] *Сенека.* Письма к Луцилию.

[8] Речь идет о возможности пользования учащимися книгами библиотеки князя Зигмонта Ракоци.

К стр. 129 **Пансофическая школа, то есть школа всеобщей мудрости**

Работа создана Я.Коменским в 1650—1651 гг. во время работы в Венгрии. Издана впервые в Амстердаме в 1657 г., а на русском языке опубликована была в 1655 г.

В наши дни, когда проектируется большое количество школ нового типа, особенно интересно познакомиться с проектом пансофической школы Я.Коменского. Этот проект школы нового типа воплощает на практике теорию воспитания, развития и образования Коменского. В ней представлены все школоведческие аспекты — организация и функционирование учебного заведения, дающего полное среднее образование. Причем основной акцент в работе сделан именно на нормативные, а не на теоретические вопросы жизнедеятельности школы (как в «Великой дидактике»). Поэтому «Пансофическая школа» считается одним из важнейших трудов Я.Коменского.

Сегодня актуальность этой работы усиливается интересом к индивидуализации образовательного процесса, полному и гарантированному успеху обучения.

[1] Во времена Коменского считалось, что латинский язык произошел от греческого.

[2] Историческое познание — здесь: познание вещей такими, какими они стали, какова их суть.

[3] Здесь речь идет о творческом познании и применении знаний в новых, нетиповых ситуациях.

[4] Стилизация девиза, приписываемого древнегреческому живописцу второй половины IV в. до н.э. Апеллесу: «Ни дня без мазка (штриха)».

[5] Занятие историей — здесь: изучение возникновения и развития вещей, включая явления природы, а также рассказы из прошлого.

[6] Коменский смог предвидеть одну из проблем классно-урочной системы — развитие детей, опережающих по своим способностям сверстников, а также дал ряд продуктивных предложений по разрешению этой проблемы.

К стр. 138 **Воскресший Форций, или об изгнании из школ косности**

Работа написана в 1652 г., на латинском впервые опубликована в Амстердаме в 1657 г., на русском — в 1955 г.

Название трактата вызвано следующими обстоятельствами. В начале своей работы в Венгрии Я.Коменский переиздал труд «Об основах учебных знаний» высоко ценимого им филолога и математика Иоахима Форция. Но работа не была замечена венгерскими педагогами. Коменскому сложно было изменить позиции коллег, его тревожило положение в школьной практике. Именно эти мысли заставили его рассмотреть от-

ношения учитель — ученик, выявить роль учителя в преодолении пассивности учащихся, наметить пути искоренения беспечности и косности учителей.

Трактат весьма актуален и в наши дни, когда мы на практике (а не в мечтах) стали растить нового Учителя.

[1] Граждане школ — здесь: учителя и ученики школ.

[2] Коменский разработал метод научного познания в педагогике, включающий три элемента: постановку проблемы, разработку средств ее разрешения, применения.

[3] Внутренние чувства — здесь: память, воображение, способность синтезировать данные, получаемые с помощью пяти «внешних чувств».

К стр. 144 **Законы хорошо организованной школы**

Работа написана в 1652 г., опубликована в Амстердаме в 1657 г. (на латинском), русский перевод впервые был издан в 1893 г.

Этот небольшой трактат входит в совокупность работ, написанных в Венгрии и ориентированных на вопросы организации, функционирования и управления школ.

Интересен тот факт, что школу Коменский уже рассматривает как открытую для социума многофункциональную систему. Это весьма актуально в период реформирования школы.

[1] Латинские слова «мыслить», «действовать», «говорить» образуют аббревиатуру SAL — соль. Без «соли» жизнь «безвкусна».

[2] Меркурий — посланник богов, покровитель путников. В честь Меркурия ставились подорожные указатели — столбы, увенчанные скульптурными изображениями бога.

[3] Платоновские пиры — ученые беседы; сибаритские пиры — пьяные сборища.

[4] *Гораций.* Наука поэзии.

К стр. 154 **Всеобщий совет об исправлении дел человеческих**

Первоначальное название «Предвестник всеобщей мудрости». Работа была начата примерно в 1645 г. Коменский всю жизнь мечтал о завершении этой работы. Однако труд полностью не был закончен и не был опубликован при жизни Коменского. Первое сочинение издано в 1966 г. в Праге. На русском языке публикуется (переведено) лишь часть этого фундаментального философского труда.

Знаменательно, что 350 лет назад Коменский предвосхитил идеи и модели международного сотрудничества.

К стр. 154 **Панегерсия**

Панегерсия — дословно в переводе с греческого означает — все поднимаю (пробуждаю) — публиковалась при жизни автора дважды.

[1] Вселенским советом Коменский называет иногда лишь всемирный религиозный совет, но чаще — совет всех вождей земли.

[2] То есть стремление полностью овладеть миром в своем логическом и психологическом завершении, пройдя через столкновения с другими столь же абсолютными человеческими волями, достигает гармонии с этими последними благодаря искусству «политики», законопослушного человеческого общежития.

[3] Оговорка «Пифагор» вместо «Протагор», когда речь идет об изречении «Человек есть мера всех вещей», не раз встречается у разных старых авторов. Кроме того, об умении «восьмилетнего ребенка» разумно говорить «о любой части философии» Коменский мог читать явно не у излагателей Пифагора, скорее всего, речь идет о знаменитом месте из платоновского «Менона», где ничему не учившийся мальчик ведет правильные математические рассуждения в ответ на разумно поставленные вопросы.

К стр. 162 **Пансофия**

В названии сочетаются греческие слова «все» и «премудрость». Будучи самой большой частью «Всеобщего совета...», «Пансофия» является и самой незавершенной. Небольшая часть ее была издана при жизни автора незначительным тиражом.

[1] То есть ближайшее к человеку, а именно он сам, попадает в поле зрения человека в последнюю очередь; человек сам по себе, существенное в нем — это, по Коменскому, ум, который обычно занят множеством вещей, не обращая внимания на себя.

[2] Положение о человеке как микрокосме («малый мир») существует с глубочайшей древности. В своей педагогике Коменский использовал это для вывода — учащийся не нуждается в навязывании ему чего бы то ни было извне: он сам в качестве микрокосма заранее обладает всей полнотой знания, она только скрыта, и ее надо умело развернуть.

[3] Жизненный дух — в античной и средневековой философии — промежуточная инстанция между душой и телом, связующее звено между ними.

[4] Коменский придерживается платоновского представления о том, что жизнь — результат действия неизменной, неумирающей (космической) души.

[5] Это перечисление причин тоски, а именно (в том порядке, которому следует Коменский) категорий сущности, места, времени, количества, качества, действия, претерпевания, расположения, отношения, обладания. Такой способ построения и организации понятий путем проведения рассматриваемого предмета через определенную категориальную сетку восходит к «Великому искусству» каталонского философа и богослова Рамона Лулля (1235—1315). Почти все классификации Коменский получает сходным методом.

[6] Реальное различие — в античной и средневековой философии, различие, существующее внутри самой вещи независимо от того, в каких своих аспектах она предстает перед наблюдателями.

[7] Интеллект, или ум, в традиционном философском словоупотреблении — человеческая способность воспринимать новое — все, что выводит человеческое существо за его прежние границы.

[8] Общее чувство — это не привязанное ни к одному отдельному из пяти органов чувств и воспринимаемое каждым из этих органов ощуще-

ние движения, покоя, численности, фигуры, величины (по Аристотелю).

[9] Здесь дает о себе знать тяготение Коменского к триадному расположению всего понятийного аппарата.

[10] Число, мера и вес, которые согласно Священному писанию пронизывают все творение, получают у Коменского широкое символическое перетолкование: вес — тяготение человеческого духа; мера — заложенный в человеческом уме критерий истины и лжи; число — интимное ощущение человеком своих потенций.

[11] Коменский называет волю центральной способностью души, так как согласно его философии свободы даже познание мира еще не гарантирует человеку правильное пользование этим миром, не исключает возможности произвольного, насильственного или опустошительного отношения к нему. Лишь свободно принятое решение встать на сторону Творца мира против сил зла впервые делает человека, которому мир всегда подчинялся; спасателя и обновителя не только мира, но и самой природы.

[12] Хиромантия в эпоху Коменского была предметом серьезных исследований. Она была освящена авторитетом самого Аристотеля.

[13] Стол Пифагора — счетная доска, здесь: распространенный в средневековой Европе и Азии небольшой счетный инструмент — абака. Полусогнутая ладонь образует точное подобие такой абаки.

[14] Ludus (др.-римск.) — игра.

[15] Коменский подробнее говорит о передаче детей на воспитание «самым уважаемым мужам и женам» в «Пампедии».

К стр. 179 **Пампедия**

Над этой частью «Всеобщего совета...» Коменский работал до последних дней жизни. Пампедия — всеобщее средство для исправления дел человечества. Мир не может быть исправлен без исправления людей. Речь идет о воспитании человека от рождения до старости — это не педагогика, так как последняя предметом деятельности имеет формирование и развитие ребенка и юноши, не теория воспитания взрослых (андрогогика). Мы видим уникальный подход — фокусирование воспитательных действий на всей жизни человека любого цвета кожи, вероисповедания, в любой точке земного шара.

[1] Софисты — профессиональные учителя философии и красноречия второй половины V в. и первой половины IV в. до н.э. пользовались диалектикой при разработке своей скептической теории познания.

[2] Поверхность разного рода несистематизированных сводов разных знаний Коменский осуждал в своей работе «Лабиринт света».

[3] *Ювенал.* Сатиры.

[4] В проблеме свободы выбора Коменский делает акцент на моральное самосовершенствование человека посредством свободной воли и ответственности за свои поступки.

[5] Цитата из диалога Сенеки «О блаженной жизни».

[6] Здесь особенно четко видно, что Коменский распространяет свое требование формирования познавательной и нравственной самостоятельности на все поведение человека, особенно настаивая на освобож-

дении от власти всяких авторитетов, на принятии личностью совершенно самостоятельных решений во всех важнейших вопросах жизни.

[7] *Цицерон.* Об обязанностях.

[8] *Гораций.* Послания.

[9] Теорию второго рождения в XIX в. подробно разрабатывал Гегель, понимая под этим процесс воспитания (как и Коменский) и присвоение индивидуумам общечеловеческой культуры.

[10] Имеется в виду пансофический метод.

[11] Коменский предвосхищает капиталистический способ разделения труда, приводящий к формированию не целостной, а частичной личности.

[12] Цельность личности Коменский рассматривает как предпосылку счастья; наряду с правильностью и красотой проживаемой жизни ее полнота, таким образом, входит у Коменского в понятие счастья.

[13] Под школами подразумеваются научные направления.

[14] Шесть тысяч лет со дня творения (согласно христианской традиции летоисчисления).

[15] *Цицерон.* Тускуланские беседы.

[16] В положениях о действиях воли по разумным основаниям как сущности свободы заключено ядро подробнейшим образом развитой Кантом этики.

[17] То есть по закону, который воля сама себе сознательно выбирает. Это положение целиком вошло и в кантовскую этику, и в его педагогику.

[18] Здесь Коменский следует сократовской идее — «никто не ошибается добровольно».

[19] Протей (греч. миф.) — морское божество; мог превращаться в зверей, воду и деревья; в переносном смысле: переменчивость, непостоянство, капризность.

[20] Идее параллелизма мышления, языка и действия Коменский посвятил специальный трактат «Всеобщее триединое искусство».

[21] О синкризисе как методе познания см.: «Похвала истинному методу».

[22] Сделать обучение механическим — значит «технологизировать» его путем сообщения учащимся того, что сегодня называется ориентировочной основой действий, т.е. программы правильного выполнения действия.

[23] Всеобщим учителем Коменский называет учителя, способного обучать всех, всему и всесторонне.

[24] По сути, излагается идея поэтапного природосообразного воспитания.

[25] *Гораций.* Наука познания.

[26] См.: «Законы хорошо организованной школы», прим. 1.

[27] *Гален* — греческий врач, работавший в Риме, автор знаменитых комментариев к произведениям величайшего врача древности — Гиппократа, работ по логике, философии.

К стр. 207 **Панортосия**

При жизни Коменского печаталась лишь часть этого произведения, которое он писал с 1664 г. до конца жизни. Полностью опубликовано в пражском издании в 1966 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ИЗДАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Я.А.КОМЕНСКОГО

Коменский Я.А. Избр. Соч. — Ревель: Изд. Журн. «Гимназия», 1892—1897.

Ч. I. Открытая дверь языков: Лат. текст с рус. пер., портр. Коменского и введением / Сост. Г.Янчевецкий, 1892—1893. — 113 с., портр. — Прил. к журн. «Гимназия», 1892, № 3, 5, 10; 1893, № 3/5, 6/7, 8/9, 11/12 Ч. II. Великая дидактика / Пер. Н.Регема, 1893. — 342 с. — Прил. к журн. «Гимназия», 1892, № 3, 5, 10; 1893, № 1/2 — 11/12; 1894, № 3—12; 1895, № 2, 3, 5—7, 9—12. Ч. III. Диоген-циник на сцене или об удобном любомудрствовании / Пер. с лат. Г.Янчевецкого, 1893. — 62 с. — Прил. к журн. «Гимназия», 1893, № 3—5, 8—9, 11/12; 1897, № 2.

Коменский Я.А. Избр. пед. соч. / В пер. А.Адольфа, С.Любомудрова. — М., Кн. Маг. («Нач. школа», 1893—1894. — (Пед. б-ка).

Ч. I. Великая дидактика, с портр. Коменского, очерком его жизни и деятельности и объясн. примеч. — М., 1893. — XXVII. 308 с.; 2-е изд. — М.: К.И.Тихомиров, 1902. — XXVI, 308 с.; 3-е изд. — М.: К.И.Тихомиров, 1906. — XVI. 308 с.; 4-е изд. — М., 1912. — XXV, 311 с.; Ч. II. Мелкие сочинения, примыкающие к «Великой дидактике»: С введением и объясн. примеч. — М.: Т-во А.А.Левенсона, 1894. — VII, 279 с.; 2-е изд. — М.: К.И.Тихомиров, 1911. — 711. 279 с.

Содерж.: 1. Материнская школа. 2. Очерки народной школы. 3. Речь о точной номенклатуре вещей. 4. Воскресший Форций, или об изгнании лености из школ. 5. Правила доброй нравственности, собранные для юношества. 6. Законы благоустроенной школы. 7. Пансофическая школа. 8. Выход из схоластического лабиринта.

Коменский Я.А. Великая дидактика. — СПб., 1875. — XIV. 282 с. — Прил. к журн. «Наша нач. школа» на 1875 г.

Коменский Я.А. Великая дидактика. — СПб.: Изд. Ред. Журн. «Семья и школа», 1875-1877. — II, 292 с.

Коменский Я.А. Великая дидактика / пер. с лат. А.Щепинский. — СПб., 1893. — XIV. 326 с.

Рец.: *Ермилов В.* Золотые правила // Вестник воспитания. 1894, № 4, с. 240—250.

Коменский Я.А. Великая дидактика: Лат. текст с рус. пер. А.Адольфа, С.Любомирова, с иллюстрир. очерком жизни и деятельности Коменско-

---

В настоящий краткий указатель вошли издания, вышедшие на русском языке. Газетные статьи не включены. Указатель составлен на основе библиографии, подготовленной Н.А.Рут.

го и указателем имен и вещей. — М.: К.И.Тихомиров, 1896. — XLVII, 596 с., ил.

Коменский Я.А. Из «Великой дидактики». Гл. VI, VII, IX / Пер. под ред. И.А.Шляпкина // Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского. СПб., 1893, с. 38—53.

Коменский Я.А. Великая дидактика: (Изложение глав I—IV, IX) / Пер. под ред. И.А.Шляпкина // Рус. нач. учитель. СПб., 1894, № 2, с. 56—73, № 3, с. 109—113.

Коменский Я.А. Великая дидактика. Гл.XXIV (с некоторыми сокр.) / Пер. с лат. — В кн.: О цели образования. Вышний Волочек, 1905, с. 53—65. — (Религ.-филос. б-ка. Вып. VIII).

То же. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1913, с. 28—40.

Коменский Я.А. Видимый свет: На лат., рос., нем., итал., франц. языках. Представлен с реестром российских слов / Пер. Шадена; Предисл. К.А.Чеботарева. — М.: Моск. ун-т, 1768. — 24, 477, 27 с.

2-е изд. Под заг. «Видимый мир». — М.: Тип. Новикова, 1788. — 22, 554 с.

Рец.: *Коршунов М.А.* О книге Иоанна Амоса Коменского «Видимый свет». — Известия II отд. им. Акад. наук. — 1855, т. IV, вып. 4, с. 199—206.

Коменский Я.А. Единое есть на потребу: (Unum necessarium): Прил. к труду Ф.Палацкого «Жизнь А. Коменского». — Труды Киевской духовной академии. Киев, 1869, янв.-февр. (одна глава).

Коменский Я.А. Законы благоустроенной школы / Пер. с лат., с предисл. и примеч. П.Ф.Каптерева. — Рус. школа. СПб., 1893, № 9—10, с. 305—342.

Отд. Оттиск. — СПб.: тип. И.Н.Скороходова, 1893. — 45 с.

Коменский Я.А. Зрелище вселенныя: На лат., рос. и нем. языках. Изд. для нар. училищ Российской империи / Перераб. Ф.И.Янкович де Мириево. — СПб., 1788. — 8. 142 с., ил.

То же. — 2-е тиснение. — СПб., 1793. — 8. 142 с., ил.

Коменский Я.А. Зрелище вселенныя: На лат., рос. и нем. языках. Изд. для нар. училищ Российской империи — СПб., 1808. — VIII, 142 с., ил.

Коменский Я.А. Зрелище вселенныя: На франц., рос. и нем. языках. / Перераб. Ф.И.Янкович де Мириево. — СПб.: Комис. об училищах, тип. Брайткопфа, 1788. — 8, 142 с., ил.

2-е тиснение. — СПб., 1793. — 8, 142 с., ил.

Коменский Я.А. Лабиринт мира и рай сердца (1623) / С чеш. Яз. Пер. Ф.В.Ржига — Н.Новгород: тип. Губерн. правления, 1896. — 2, VI, 158 с.

Коменский Я.А. Лабиринт света и рай сердца / Пер. с чеш. Н.П.Степанов. — СПб.: И.А.Сафонов, 1904. — 2, 188 с.

Коменский Я.А. Из «Лабиринта света». Гл. 10. Путешественник обозревает сословие ученых / Пер. с чеш. М.Соколова. — Славянский ежегодник. — 1884. Вып. 6, с. 164-174.

Коменский Я.А. Несколько глав из сочинения «Лабиринт мира». — Гимназия. 1896. — С. 1. — 8; № 3—4, с. 9—16.

Коменский Я.А. Материнская школа / Пер. с нем. М.Н.Воскресенской. — СПб.: Изд. ред. журн. «Образование», 1892. — II, 64 с.

Пер. по 1-му нем. изд., 1633.

Коменский Я.А. О культуре природных дарований / Пер. с лат. Л.Н.Модзалевского. — СПб.: Ред. Журн. «Образование», 1893. — 44 с. Речь, произнесенная по доводу преобразования Шарош-Патакской гимназии в Венгрии.

Коменский Я.А. Правила благопристойности для преподавания обучающемуся юношеству / Собрал Н.Бантыш-Каменский; С лат. пер. надзиратель И. У. — СПб.: тип. Крылова, 1792. — 39 с.

Коменский Я.А. Устав материнской школы: с чеш. подлинника (1628) / Пер. Ф.В.Ржига. — Н.Новгород: тип. губерн. правления, 1893. — XIV, 110 с., портр.

Коменский Я.А. Школа — театр: [Из «Двери языков». Драмат. представление] / Пер. с чешек. и предисл. Л.Модзалевского. — СПб.: тип. П.П.Сойкина, 1895. — 24 с.

То же. — В кн.: Памяти отца современной педагогики Яна Амоса Коменского по поводу 302-й годовщины его рождения. СПб., 1895, № 2, с. 41—62.

Коменский Я.А. Избр. пед. соч. — М.: Учпедгиз, 1939—1941. — (Пед. б-ка).

Т. 1. Великая дидактика / Пер. с лат. Д.Н.Королькова; Под ред. и с биогр. очерком и примеч. А.А.Красновского, 1939. — 320 с., ил., портр.

Т. 2. Отдельные произведения / Пер. с лат. В.В.Ивановского, Д.Н.Королькова, Н.С.Терновского; Под ред. с вводными статьями и примеч. А.А.Красновского, 1939. — 288 с.

Т. 3. Мир чувственных вещей в картинках или изображение и наименование всех главнейших предметов в мире и действий в жизни / Пер. с лат. Ю.Н.Дрейзина; Под ред. и со вступ. статьей А.А.Красновского, 1941. — 351 с., ил.

Рец.: *Гончаров Н.К.* Великий педагог. — Школа взрослых, 1940, № 3, с. 65—68; *Гончаров Н.К.* Замечательное творение великого славянского педагога. — Сов. педагогика, 1941, №11—12, с. 91—92; *Жевлаков Н.А.* — Сов. педагогика, 1942, № 1—2, с. 73—75; Крупнейший педагог. — Сов. педагогика, 1940, № 7, с. 116—118; *Чехов Н.В.* — Нач. школа, 1941, № 10, с. 38—40; *Чувашев И.В.* Первая иллюстрированная книга для детей. — Дошкол. воспитание, 1942, 369, с. 40—42.

Коменский Я.А. Избр. пед. соч. / Под ред., с биогр. очерком и примеч. А.А.Красновского. — М.: Учпедгиз, 1955. — 651 с., ил., портр.

Коменский Я.А. Дидактические принципы: (Отрывки из «Великой дидактики») / Со вступ. статьей А.А.Красновского. — М.: Учпедгиз, 1940. — 91 с., портр. — (Б-ка учителя).

Коменский Я.А. Избранные страницы: Из кн. «Великая дидактика» / Материал подобрал Н.М.Верзилин. — Биология в школе, 1975, № 5, с. 16—19.

Коменский Я.А. Материнская школа / Пер. Д.Н.Королькова; Под ред., с вводной статьей и примеч. А.А.Красновского. — М.: Учпедгиз, 1947. — 104 с., ил.

Коменский Я.А. Мир чувственных вещей в картинках, или Изображение и наименование всех важнейших предметов в мире и действий в жизни / Пер. с лат. Ю.Н.Дрейзина; Под ред. и со вступ. статьей А.А.Красновского. — 2-е изд. — М.: Учпедгиз, 1957. — 351 с., ил.

Ян Амос Коменский: Высказывания о пед. мастерстве. К 375-летию со дня рождения. С примеч. ред. // Нар. образование. 1967, № 3, с. 94—95.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Материнская школа, или о заботливом воспитании юношества в первые шесть лет 16

Великая дидактика, содержащая универсальное искусство учить всех всему 42

О развитии природных дарований 108

Об искусном пользовании книгами — первейшим инструментом развития природных дарований 120

Пансофическая школа, то есть школа всеобщей мудрости 129

Воскресший Форций, или об изгнании из школ косности 138

Законы хорошо организованной школы 144

Всеобщий совет об исправлении дел человеческих 154
- Панегерсия 154
- Пансофия 162
- Пампедия 179
- Панортосия 207

Комментарии 212

Библиографический указатель изданий произведений Я.А.Коменского 220

Я.А.КОМЕНСКИЙ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Составитель, автор предисловия
Ирина Дмитриевна Чечель

Первый читатель
Владимир Абрамович Караковский

Редакционно-издательская подготовка,
оформление, макет и диапозитивы текста
Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия ИД № 02878 от 20.10.2001 г.
Подписано к печати 20.08.2002. Формат 60 × 90 1/16.
Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Заказ № 2397.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ лаборатория гуманной педагогики
113184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16,
тел.: (095) 959-55-54 доб. 120, 121.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной
типографии им. В. И. Смирнова.
214000, Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05.

ISBN 5-89147-006-3

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В **«Антологии...»** используется ранее неприменявшийся в практике российского учебного книгоиздания прием фокусирования на страницах книги не всегда совпадающих позиций — **автора** классического наследия; **составителя тома**, ученого, излагающего свои взгляды во вступительной статье и комментариях, и **первого читателя**, учителя, сегодня смотрящего в глаза своим ученикам, призванного сегодня реализовывать **идеи гуманной педагогики**.

Источник величайшей гуманности педагогического учения Яна Амоса Коменского я нахожу в идее природообразности, которую его гений открыл нам в качестве универсального закона Мироздания.

Шалва Амонашвили